

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Е. Криштопа

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА**

Махачкала

2024

УДК 930.1(470.67)

ББК 63.3

К 829

Рекомендовано к печати Ученым советом Института востоковедения
РАН

Составитель и ответственный редактор:

к.и.н. С. Б. Маньшев

Редакционная коллегия:

к.и.н. В. О. Бобровников, к.и.н. С. Б. Маньшев, к.и.н. П. И. Тахнаева

Рецензенты:

д.и.н. А. К. Аликберов

д.и.н. З. Ш. Закарияев

К 829 Криштопа А. Е. Избранные труды по истории Дагестана / Сост. и
отв. ред. С. Б. Маньшев. – Махачкала: ИЦ «Мастер» (ИП Дидковская
Н.В.), 2024. – 184 с. 1 л. ил.

УДК 930.1(470.67)

ББК 63.3

К 829

Сборник приурочен к 85-летию известного историка-кавказоведа, кандидата исторических наук А. Е. Криштопы. В него вошли опубликованные с 1970 по 2007 гг. статьи, отражающие авторскую позицию по проблемам истории и источниковедения средневекового Дагестана.

Издание адресовано историкам, преподавателям и студентам вузов гуманитарного профиля.

В оформлении обложки использован фрагмент Каталонского атласа 1375 г.

ISBN 978-5-6051119-3-1

© А. Е. Криштопа, 2024

© С. Б. Маньшев, составление, 2024

© В. О. Бобровников, С. Б. Маньшев,

П. И. Тахнаева, вступительная статья, 2024

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник подготовлен к 85-летию выдающегося дагестанского историка-медиевиста, кандидата исторических наук Александра Емельяновича Криштопы. Публикация избранных трудов историков-кавказоведов достаточно часто практикуется в последние годы. Однако составители по-разному подходят к отбору тех или иных работ ученых, включаемых в сборники: одни считают необходимым включить едва ли не все научное наследие, другие – отбирают наиболее важные статьи, третьи – выпускают многотомники, обнимающие едва ли не все научное наследие.

При составлении сборника избранных научных трудов А. Е. Криштопы редакционная коллегия исходила из того соображения, что необходимо представить, с одной стороны, наиболее значимые работы ученого, с другой – попытаться обойти тематические повторы. Поэтому были отобраны статьи, написанные с 1970 по 2007 гг., которые отражают основные научные интересы Александра Емельяновича. Будучи опубликованными в основном в малотиражных университетских сборниках, большинство из них давно стали библиографической редкостью. Редколлегия отказалась от повторной публикации монографии ученого, которая вышла в свет чуть более 15 лет назад и доступна исследователям¹.

Составителем сборника была проведена работа по унификации научно-справочного аппарата статей, а также его выверке. В остальном же статьи даются без каких-либо изменений.

В качестве приложения к сборнику дается список основных опубликованных научных и методических работ А. Е. Криштопы. При этом было принято решение отказаться от включения в этот перечень неопубликованных отчетов² и писем³, интервью⁴ и воспоминаний⁵ ученого, а также его заметок в университетской газете периода студенчества⁶. Однако приводятся данные всех выявленных статей в газетах, носящих научный характер.

Примечания

- ¹ *Криштопа А. Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Таус, 2007.
- ² См., например: *Атаев Д. М., Абрамова М. П., Криштопа А. Е.* Отчет о работе Аркаского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3168. Л. 1–55.
- ³ Письмо А. Е. Криштопы к Л. И. Лаврову. 1980 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 25. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–5 об.
- ⁴ Александр Криштопа: интервью с ученым, педагогом и человеком // Мавраевъ: Культурно-исторический журнал. – 2014. № 2 (3). – С. 2–13.
- ⁵ Был такой город. А. Криштопа / Записала С. Анохина // Новое дело: Общественно-политический еженедельник. – 2011. № 34. – С. 20–21; Был такой город. Махачкала. Воспоминания / Авт.-сост. С. А. Анохина, П. О. Санаева. – Махачкала: Эпоха, 2013. – С. 244–247.
- ⁶ См., например: *Криштопа А.* Где взять лишнее время? // Дагестанский университет: Орган партбюро, ректората, месткома, комитета ВЛКСМ и профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1958. № 20 (58). – С. 1.

АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ КРИШТОПА: КАВКАЗОВЕД-МЕДИЕВИСТ

Отечественное кавказоведение представлено целой плеядой ученых, которые на протяжении XIX – начала XXI вв. занимались и продолжают заниматься изучением истории региона. В прошлом столетии ее долго рассматривали в рамках формационной марксистской модели. Были отдельные попытки переосмыслить ее в духе полисной теории¹ и коммунизма по П. Бликле². Одни подходы и концепции устаревают, им на смену приходят новые, выявляются, публикуются и осмысляются не введенные в научный оборот до сего момента источники.

Сегодня трудно себе представить, но еще в середине XX в. история Дагестана периода средневековья была полна «белых пятен». Не была разработана источниковая база и, соответственно, невозможно было исследовать конкретные сюжеты. Но дело стало существенно меняться с приходом в науку ряда ярких медиевистов³, в том числе выпускника исторического факультета Дагестанского государственного университета Александра Емельяновича Криштопы.

А. Е. Криштопа родился в 1939 г. в Махачкале в семье преподавателей. Его отец, Емельян Яковлевич, хорошо известен старшему поколению дагестанцев как один из первых преподавателей психологии в республике⁴, а мать, Валентина Митрофановна, – педагог и крупный специалист в области методики преподавания русского языка и литературы в национальной школе⁵. Сам Александр Емельянович вспоминал, что его родители не собирались надолго задерживаться в Махачкале, но в итоге вся их жизнь оказалась связанной с этим городом и университетским образованием Дагестана⁶.

По окончании школы он поступил на I курс историко-филологического факультета Дагестанского государственного университета. В это время здесь преподавали такие историки, как Р. М. Магомедов, В. П. Дзагурова, Ш. Б. Арчилаев, Н. П. Эмиров, которые прививали студентам основы

работы с историческими источниками и литературой⁷. Нужно сказать, что на одном курсе с Александром Емельяновичем учился целый ряд студентов, которые впоследствии станут известными кавказоведами – В. П. Егорова, Г. С. Федоров, М. М. Мамаев, Ш. М. Ахмедов и др.

Уже на первых курсах университета А. Е. Криштопа заинтересовался археологией. Этот интерес сформировался под влиянием доцента В. П. Дзагуровой, которая читала на факультете основы археологии, а также сотрудников Дагестанского филиала Академии наук СССР Д. М. Атаева и В. Г. Котовича. «Припоминаю, что когда я поступил в университет, – отмечал А. Е. Криштопа, – сильнее всего было влияние Веры Павловны Дзагуровой... Она была незаурядным человеком, умела зажигать в нас интерес к учебе. Когда она читала лекцию, мы видели, что это сейчас для нее самое главное, и ни о чем ином она и помыслить не может. Это очень действует особенно на молодых слушателей... Она старалась внушить нам, что история как учебная дисциплина – это одно, а история как наука – это совсем другое, хотя называются они одинаково»⁸. Сам Александр Емельянович говорит о том, склеенная им еще в студенчестве керамика, до сих пор хранится в фондах археологического музея Института истории⁹.

Первая серьезная научная работа Александра Емельяновича содержала анализ арабоязычных письменных средневековых источников, посвященных Дагестану. Как отмечалось в отчете факультета, «по кафедре истории СССР высокую оценку получила дипломная работа Криштопы А. Е., в которой использованы источники на арабском языке, работа носит исследовательский характер»¹⁰. Здесь он использовал свои знания языка, полученные в кружке, которым руководил известный востоковед А. Р. Шихсаидов, а также переводы источников, выполненные последним, но еще не опубликованные¹¹.

В научном наследии Александра Емельяновича достаточно четко можно выделить несколько направлений: исследование археологических памятников на территории Дагестана, проблемы источниковедения и политической истории средневекового Северного Кавказа.

Нужно заметить, что с археологией ученый не порывал и после окончания вуза. Во второй половине 1970-х гг. он являлся заместителем начальника археологических экспедиций университета¹². Публикации середины 1970-х – начала 1980-х гг. достаточно ярко об этом свидетельствуют. Александр Емельянович публиковал краткие отчеты о находках,

сделанных экспедициями Дагестанского государственного университета¹³, а также останавливался на более локальных сюжетах¹⁴.

Для любого ученого закономерным этапом его профессионального развития является защита квалификационной работы. Александр Емельянович готовил ее долго и основательно и лишь в конце 1981 г. состоялась защита кандидатской диссертации, в которой были аккумулированы наработки предыдущих лет, посвященные изучению источников периода средневековья: письменных, эпиграфических, археологических, нумизматических, картографических, фольклорных и искусствоведческих. Таким образом была представлена детальная реконструкция политического развития Дагестана в XIII–XV вв. Здесь были сформулированы выводы о развитии региона и проблемах источниковедения этого периода, которые не теряют своей актуальности по сей день¹⁵.

Вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. – это период реализации чрезвычайно амбициозного по своей задумке и масштабам проекта по написанию обобщающей «Истории народов Северного Кавказа». Основным центром здесь выступал Институт истории СССР Академии наук СССР во главе с его директором академиком А. Л. Нарочницким. Предполагалось, что историки из разных региональных научных центров выработают некие единые взгляды на дискуссионные вопросы, что и отразится на страницах будущего издания. Однако, как отмечают принимавшие в подготовке этого труда ученые, работа над каждой главой затягивалась именно в силу большого числа разногласий и «попыток монополизации некоторых исследовательских подходов при освещении периода средневековья на Северном Кавказе»¹⁶.

Подобные разногласия не обошли и главу, посвященную истории походов монголов и Тимура на Северный Кавказ¹⁷. Одними из ее авторов стали дагестанские историки Р. М. Магомедов и А. Е. Криштопа, которые свои соображения относительно приставленных сюжетов первоначально опубликовали в специальной статье¹⁸, а лишь потом, после детального обсуждения, включили их в состав коллективного труда¹⁹.

Главное новшество, которое было предложено А. Е. Криштопой – это рассмотрение дагестанского варианта маршрута третьего рейда войск Тимура, который, по мнению исследователя, лучше соотносился с данными источников, нежели возобладавший в историографии балкарский вариант. Именно такой подход вызывал нарекания у других соавторов главы. Крупнейший советский кавказовед Л. И. Лавров, придерживав-

шийся иного взгляда, отмечал, что у него «никаких возражений нет, кроме принципиальных», и он не мог принять реконструкцию маршрута войск Тимура, предложенную А. Е. Криштопой²⁰.

Кратко охарактеризовав формирование ученого, рассмотрим его основные взгляды на источниковедение и историю средневекового Северного Кавказа.

Значение восточных источников для изучения истории Золотой Орды и монгольских походов стало очевидным еще в XIX в., когда В. Г. Тизенгаузенем были подготовлены комментированные извлечения из работ арабских авторов. Лишь в советское время его работа была продолжена, и в начале 1940-х гг. вышло издание, включающее фрагменты из персоязычных сочинений, таких как «Избранная история» Хамдаллаха Казвини, «Истории» Вассафа, «Книги побед» Низам-ад-дина Шами и Шараф-ад-дина Йезди и др. На протяжении длительного времени их переводы не были востребованы кавказоведами. Как констатировалось в одном из историографических обзоров: «До сих пор еще нет обобщающего труда, рассказывающего о борьбе горцев с татаро-монголами и Тимуром»²¹. А. Е. Криштопа детально разобрал и проанализировал все сведения, приводившиеся в указанных выше сочинениях, показав их эвристический потенциал для изучения политической и экономической истории Дагестана, причем он не ограничивался их переводами, но и привлекал публикации на языке оригинала, что давало возможность нивелировать возможные ошибки.

Не касаясь фактологии, рассмотрим лишь основные выводы, к которым пришел ученый. Во-первых, А. Е. Криштопа пишет о том, что источники XIII–XIV вв. определяют Нагорный Дагестан как исторически сложившуюся территорию, называемую «Лекзистаном». Во-вторых, монгольское господство способствовало экономическому упадку территории равнинного Дагестана и Дербента, в частности. Непомерные налоги и подати повлекли «сопротивления народных масс»²².

Другими важными источниками для понимания процессов в средневековом Дагестане являются сообщения западноевропейских авторов. К 1970-м гг. историки продолжали пользоваться русскими дореволюционными переводами, которые, скорее, представляли пересказ, близкий к тексту оригинала и содержали большое число ошибок в передаче топонимов и этнонимов. Первостепенное значение для истории Восточного Кавказа имеют сочинения тех авторов, которые побывали в регионе

либо в период описываемых событий, либо через небольшой промежуток времени. Речь идет о путешественниках XV в. Иосафате Барбаро, Джиованмарио Анджолелло и некоем купце-анониме, который посетил Персию. А. Е. Криштопа писал по этому поводу: «Эти авторы давно известны исторической науке, их сведениями пользовались и современные историки, однако, 1) для разработки истории Дагестана записки Анджолелло и купца-анонима, насколько нам известно, не привлекались вовсе, а записки Барбаро использовались недостаточно: обычно привлекается известный русский перевод, сделанный Семеновым, который содержит лишь первую их часть – записки о путешествии в Тану, и совершенно не касается второй части – записок о путешествии в Персию; 2) большинство историков пользуется английским переводом записок этих путешественников, который страдает некоторыми неточностями»²³.

В одной из статей им был приведен новый комментированный перевод этих источников по второму их изданию середины XVI в. Несмотря на то, что сведения о Дагестане у этих авторов отрывочны, их интерпретация позволяет охарактеризовать отдельные аспекты социально-экономической и политической жизни. Анализ этих данных позволил А. Е. Криштопе заключить, что связи между Дагестаном и Западной Европой носили «случайный и спорадический характер»²⁴.

Закономерным развитием изучения письменных источников Запада и Востока стало обращение А. Е. Криштопы к дагестанским историческим сочинениям. Еще русское дореволюционное востоковедение поставило вопрос об изучении местных сочинений, которые содержали информацию об истории региона. Это связано с тем, что вместе с исламизацией в Дагестан стала проникать и арабская письменная традиция, которая способствовала созданию здесь большого числа арабоязычных нарративных источников. В советский период вместе со складыванием научной востоковедной школы в Дагестане началось систематическое выявление и изучение письменных исторических источников, таких как «Та'рих Дагестан», «Та'рих-и Дербенд-наме», «Та'рих Аби Муслим», а также хроник, посвященных истории отдельных аулов и региона в целом.

«Местные исторические сочинения, – писал А. Е. Криштопа, – единственный вид письменных источников, где события внутренней истории средневекового Дагестана отражены в их связи, как процесс». И именно в силу этого факта они имеют чрезвычайно важное значение. По сей

день не теряет своей актуальности статья Александра Емельяновича, вышедшая более полувека назад, в которой охарактеризованы дагестанские письменные источники «периода феодализма»²⁵. Нужно признать, что ни до этого, ни после никто не ставил перед собой такую важную задачу как проведение компаративного анализа этого типа источников. К каким же выводам пришел А. Е. Криштопа?

В своем обзоре ученый, прежде всего, касается времени создания дагестанских источников, используя как опубликованные к тому времени варианты, так и привлекая их списки, обнаруженные археографически экспедициями Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Путем сопоставления отдельных сведений из хроник с установленными историческими фактами автор пытается датировать все выявленные им источники, но отмечает, что в них встречаются преднамеренные фальсификации, которые призваны удревнить правление той или иной местной династии.

Так, наиболее выразительной является попытка установить, например, датировку «разрушения Гумика тюрками». В источниках это событие относится к большому временному промежутку от XIII до XVI вв. А. Е. Криштопа берет наиболее полное описание этого события и сопоставляет его со сведениями из других описаний, устанавливая, что они восходят к одному протографу. Он приходит к заключению, что в основе данного сообщения о «разрушении Кумуха» лежит какой-то местный хронограф, который при переписке сокращался, затем дополнялся, что привело к слиянию нескольких захватов Кумуха «тюрками».

«Таким образом, – заключает исследователь, – существует немало примеров ошибочных дат, предлагаемых в рассматриваемых сочинениях (вследствие фальсификации, невнимательности переписчиков, произвольных сокращений и вставок при позднем редактировании). Все они убеждают в том, что такие даты не могут быть приняты без основательных подтверждений другими историческими материалами»²⁶.

Следующей важной составляющей работы с местными источниками является установление правильной хронологической последовательности событий, которая часто бывает нарушенной, а различные вставки поздних списков преобладают над текстом протографов. Сложение большинства сочинений относится к XVI–XIX вв., что определяет особенности представленных в них сведений. А. Е. Криштопа предлагает рассматривать местные сочинения как «историко-публицистические па-

мятники», которые используют отдельные исторические сведения «в соответствии со злободневными социальными задачами»²⁷.

Важен вывод, к которому пришел ученый в процессе изучения местных письменных источников, в которых, по его мнению, следует искать сюжеты, связанные с историей Нагорного Дагестана, при этом рассматривать их необходимо как «часть единой целостной системы»²⁸.

Если вопросы источниковедения рассматривались А. Е. Криштопой преимущественно в статьях, то общий обзор политической истории Дагестана XIII–XV вв. отражен в итоговой монографии ученого, а дальнейшее развитие региона – в небольшом очерке, который известный кавказовед В.В. Лапин охарактеризовал как «удачный и достаточно новаторский опыт соединения географических, демографических, политических и социокультурных факторов»²⁹.

Говоря о развитии Дагестана XII – первой половине XIII вв. А. Е. Криштопа отмечает, что в этот период политическая карта существенно отличалась от предшествовавшего времени, зафиксированного в классических арабских источниках. Исчезновение раннесредневековых государственных образований он рассматривает как элемент процесса феодализации общества и как ее итог – еще большую политическую раздробленность³⁰.

Дальнейшее развитие Дагестана связано с нашествием монголов на Кавказ, результатом которого стало установление власти Бату над крупнейшим экономическим центром на каспийском побережье – городом Дербентом и равнинными землями, при этом монголы не имели какой бы то ни было реальной власти в горной части Дагестана. Результатом походов становилось разорение подчиненных земель, мужское население угонялось в «ополчение», а на оставшихся жителей накладывались многочисленные налоги.

Дальнейшее развитие Дагестана на протяжении почти века (1262–1359 гг.) связано с противостоянием Джучидов и Хулагуидов. При этом военно-политическая инициатива в этот период переходила из рук в руки. Такое развитие событий привело к нарушению сложившихся связей между политическими образованиями горного и равнинного Дагестана³¹.

Вопрос о феодализме у различных народов Северного Кавказа является достаточно дискуссионным, хотя большинство историков признает его наличие в Дагестане. К ним относится и А. Е. Криштопа. Так, он

видит процесс феодализации в наличии нескольких титулованных лиц, согласно чьим приказам были восстановлены те или иные постройки в Южном Дагестане. Он предполагает наличие в селении Рича «олигархической формы правления, осуществляемого феодализирующейся верхушкой», которая, однако, еще не успела закрепить наследственную передачу власти³².

В остальных же крупных центрах Верхнего Самура, как указывает А. Е. Криштопа, нельзя выделить какой бы то ни было социальной дифференциации общества, а также здесь, согласно сведениям источников, в рассматриваемый средневековый период еще не сложились союзы сельских общин³³.

А. Е. Криштопа пишет о том, что в начале XIV в. в Дагестане можно проследить ход феодальной войны, в которой принимали участие три наиболее крупных политических образования этого времени – Кайтагское уцмийство, Кумухское шамхальство и Аварское нуцальство. Это противостояние за кайтагский престол началось после смерти уцмия Султан-Мухаммеда между его двумя сыновьями. После победы одной из сторон, проигравший Султан-Алибек призвал на помощь кумухского шамхала, а Ильча-Ахмед – правителей Аварии. Согласно выводам А. Е. Криштопы, в результате этой «феодальной войны» «Кумух был разгромлен, Авария истощена», а Кайтаг, «по-видимому, пострадал меньше других», что обусловило его важное положение в дальнейшей политической жизни Дагестана³⁴. Таким образом во второй половине XIV в. после ослабления власти Золотой Орды в предгорьях Дагестана устанавливается власть уцмиев, которые контролировали трассу транзитного торгового пути.

Следующий этап политического развития Дагестана связан с тремя рейдами эмира Тимура на его территорию, в результате которых были разгромлены сторонники хана Тохтамыша, частично покорена равнина, разорена Андия, а также захвачены и разрушены отдельные крепости, являвшиеся преградами на пути во Внутренний Дагестан. А. Е. Криштопа приходит к выводу, что постепенное ослабление позиций Тимура в Дагестане необходимо связывать «с непрекращающимся сопротивлением горцев»³⁵.

Основной тенденцией политической жизни Дагестана в XIII–XIV вв., согласно А. Е. Криштопе, был процесс стремительной феодализации общества, который в различных его частях был неравномерным, что

явилось причиной существования здесь нескольких типов политической организации – «княжеских владений», «феодалных олигархий» и самоуправляющихся общин.

Уже в XVI в. в регионе появляется новый политический игрок – Россия, которой, с одной стороны, необходимо было закрепиться в Предкавказье для победы над крымскими ханами, а с другой, выход к Дарьялу и Дербенту был чрезвычайно привлекательным с экономической точки зрения³⁶.

И в этот период появляются более конкретные сведения источников о политическом устройстве Дагестана, описанные, правда, русской терминологией: становится понятной социальная структура общества и особенности общественных отношений. И здесь А. Е. Криштопа говорит о том, что «понятийно-терминологическая система, сформированная иной социальной средой, неизбежно отражает реальность горского общества неточно и неполно. Важно другое: русские источники показывают прежде всего, как видели и понимали горское общество московские государственные люди XVI–XVII вв. и в каких моментах оно было соотносимо с русским обществом тех времен»³⁷.

Этот период связан с миграцией из Нагорного Дагестана и «дефеодализацией» общества. Итогом же приблизительно двухвекового развития Дагестана складываются два типа политических объединений – «княжество монархического типа или федерация вольных обществ республиканского типа»³⁸.

Остается лишь сожалеть, что Александр Емельянович написал относительно немного, отдавая большую часть своего времени преподаванию на историческом факультете Дагестанского государственного университета: многие поколения выпускников и по сей день вспоминают его крайне содержательные лекции, посвященные огромному хронологическому периоду истории России от древности до первой половины XVIII в., а также семинары, на которых первокурсники (в том числе и один из авторов статьи) постигали азы работы с историческими источниками.

Если мы заглянем в любую из современных работ, посвященных источниковедению истории Дагестана или же политической истории Северного Кавказа периода средневековья, то обязательно обнаружим ссылки на статьи А. Е. Криштопы, которые были написаны полвека назад. Это, кажется, лучший показатель того, что качественное научное исследование, основанное не на домыслах, а исключительно на историче-

ских источниках и их детальном анализе, несмотря на прошедшие годы, не теряет своей актуальности.

Примечания

- ¹ *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – М.: Наука, 1988.
- ² *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeindebunden zum ġihad-Staat. – Wiesbaden: Reichert, 2005; *Кемпер М.* Соглашения и сборники ‘адата дагестанских селений и конфедераций XVIII–XIX вв. // Кавказский сборник. Т. 12 (44) / Под ред. В. В. Дегоева. – М.: Аспект-пресс, 2020. – С. 261–262, 271.
- ³ Всех работ 1950-х – 1980-х гг., сформировавших современное представление о средневековом Дагестане, слишком много, чтобы перечислять их здесь. Ограничимся упоминанием основных из них: *Очерки истории Дагестана*. Т. I / Отв. ред. М. О. Косвен. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957; *Саидов М.-С.* О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. II / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1957. – С. 42–51; *Бейлис В. М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 249–266; *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964; *История Дагестана*. Т. I / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1967; *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1969; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. – М.: Наука, 1982; *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984 и др.
- ⁴ *Файнберг Р.* «Это были лучшие годы моей жизни...» // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, месткома, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1981. № 18 (1002). – С. 2.
- ⁵ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-352. Оп. 22. Д. 158. Л. 2–3.
- ⁶ Был такой город. Махачкала. Воспоминания / Авт.-сост. С. А. Анохина, П. О. Санаева. – Махачкала: Эпоха, 2013. – С. 244.

- ⁷ Швачко С. С. Историко-филологический факультет Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина // Вопросы истории. – 1960. № 1. – С. 205.
- ⁸ Александр Криштопа: интервью с ученым, педагогом и человеком // Мавраевъ: Культурно-исторический журнал. – 2014. № 2 (3). – С. 8.
- ⁹ Интервью с А. Е. Криштопой. 9 января 2024 г., Махачкала // Личный архив С. Б. Маньшева.
- ¹⁰ ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 1. Д. 157. Л. 33.
- ¹¹ Интервью с А. Е. Криштопой...
- ¹² ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 3. Д. 612. Л. 31.
- ¹³ Магомедов А. Р., Криштопа А. Е., Федоров Г. С. Разведки в Дагестане // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1976. – С. 135–136; Магомедов А. Р., Криштопа А. Е. Позднебронзовый могильник в приморском Дагестане // Археологические открытия 1976 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1977. – С. 109–110.
- ¹⁴ Криштопа А. Е. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Материалы по археологии Дагестана. № 9: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. (Тематический сборник) / Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 231–237.
- ¹⁵ Криштопа А. Е. Политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1981. – 19 с.
- ¹⁶ Виноградов В. Б. Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. (Личный взгляд). – М.; Армавир: АГПУ, 2007. – С. 8.
- ¹⁷ ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 4. Д. 22. Л. 1.
- ¹⁸ Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1978. № 3. – С. 9–16.
- ¹⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – С. 188–222.
- ²⁰ Кринко Е. Ф., Горюшина Е. М. По следам южнороссийского кавказоведения... (Памяти Виктора Владимировича Черноуса) // Caucasian Science Bridge. – 2018. № 1. – С. 116.
- ²¹ Гаджиев В. Г. Советская историческая наука Дагестана. (Итоги и перспективы) // Вопросы истории Дагестана. (Досоветский период). Вып. I / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1974. – С. 15.
- ²² Криштопа А. Е. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов

- // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. IV / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1974. – С. 96, 117–118.
- ²³ *Криштопа А. Е.* Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. I / Отв. ред. Р.М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1970. – С. 110.
- ²⁴ Там же. – С. 123.
- ²⁵ *Криштопа А. Е.* К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. VII / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1976. – С. 149–183.
- ²⁶ Там же. – С. 159–160.
- ²⁷ Там же. С. 163–164; *Криштопа А. Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Таус, 2007. – С. 29.
- ²⁸ *Криштопа А. Е.* Политическое развитие Дагестана... – С. 18.
- ²⁹ *Латин В.* Об учебном пособии «Северный Кавказа в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. – 2008. № 4. – С. 483.
- ³⁰ *Криштопа А. Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. ... – С. 63.
- ³¹ Там же. – С. 80.
- ³² Там же. – С. 81.
- ³³ Там же. – С. 83.
- ³⁴ Там же. – С. 111–113; *Криштопа А. Е.* Местные письменные источники о феодальной войне в Дагестане в начале XIV в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция 11–12 июня 1980 г. Тезисы докладов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 36–37.
- ³⁵ *Криштопа А. Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. ... – С. 180.
- ³⁶ *Криштопа А. Е.* Горный Дагестан накануне присоединения к России: социальная характеристика // Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 327.
- ³⁷ Там же. – С. 335–336.
- ³⁸ Там же. – С. 345.

В.О. Бобровников, С.Б. Манышев, П.И. Тахнаева

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ПЕРИОДУ ФЕОДАЛИЗМА В ДАГЕСТАНЕ*

I

Местные исторические сочинения – единственный вид письменных источников, где события внутренней истории средневекового Дагестана отражены в их связи как процесс. Этого свойства лишены и эпиграфические, и хронологические материалы, несмотря на их значительно большую достоверность. Не присуще оно и иностранным источникам, как правило, освещающим дагестанское средневековье «извне».

Таким образом, никакая серьезная попытка разобраться в средневековой истории Дагестана невозможна без использования местных нарративных сочинений.

Однако использование всякого исторического источника определяется характером последнего. Вопрос же о характере местных исторических сочинений пока не решен однозначно.

Для решения этого вопроса прежде всего постараемся определить время сложения вариантов этих сочинений, дошедших до наших дней (назовем их «окончательными вариантами»).

Дербенд-наме. Ее оформление в третьей четверти XVII в. доказано академиком В. В. Бартольдом¹.

Происхождение уцмиев² датировано составителем 1030/1620 г., что вполне подтверждается вступительным посвящением Рустем-Хану и доведением родословной уцмиев до его имени.

Основание Аргвани³. Наиболее поздняя дата, которую оно содержит – 1165/1751–52 г. – является его нижним хронологическим пределом⁴.

О сейидах Истала⁵ упоминает «генерал-майора Аббас-Кули Ага Бакиханова», что предполагает ее оформление не ранее середины XIX в.⁶

История уцмиев⁷. Подлинник датирован 1287/1870 г.

Тарих Абу-Муслим⁸. Сыном Абу-Муслима в ней назван «султан Ибрахим» – «наиб», а затем «вали» Ширвана «с титулом ширваншах, с прозвищем бурхан ад-дин». Первым ширваншахом, носившим такое имя, был Ибрахим I Дербенди. Т. М. Айтберов любезно ознакомил нас со своей работой, где, указывая на титул «Султана Ибрахима» (бурхан ад-дин – «аргумент веры»), сравнивает его с титулатурой Ибрахима I Дербенди в надписи на пире Дири-баба (с. Мараза у г. Шеки, опубликована Нейматовой⁹), которую дает в собственном убедительном чтении: «Бурхан ад-дин ва-д-дунья Ибрахим». Тождество имени и титула приводит автора к убедительному выводу: прототипом «султана Ибрахима» в «Тарих Абу-Муслим» был ширваншах Ибрахим I Дербенди (1382–1417). Следовательно, ранее его времени «Тарих Абу-Муслим» не мог быть создан. Более того, крайняя степень фольклоризации Ибрахима (вплоть до признания его сыном легендарного Абу Муслима) заставляет предполагать весьма позднее оформление этого сочинения – вероятнее всего уже после падения (1538 г.) династии Дербенди, когда утрата независимости Ширвана и постоянные войны на его территории создали почву для идеализации предыдущей эпохи¹⁰. С этим, кстати, хорошо согласуется и наименование Ширвана «вилайат», и титул «паша» в применении к «800 амирам Абу-Муслима», и шиитские тенденции в этом сочинении¹¹. Все это заставляет предполагать оформление его окончательной редакции не ранее второй половины XVI в.

Тарих-Дагестан¹². Большинство исследователей относит его окончательную редакцию ко времени не ранее конца XVI в.¹³ В самом деле, вошедшая в состав большинства известных списков приписка к этому сочинению упоминает (как современника «Тарих-Дагестан») Абдурахмана аш-Ширвани ал-Хасани ал-Алави ас-Сефевии, иногда называемого кадием Кумуха¹⁴. Лакаб «Алави» – сугубо шиитский, а «Сефевии» указывает на связь с Сефевидами, что возможно не ранее XVI в. Это делает понятным о каком «разорении турками Кумуха» идет речь в приписке: это нападение отряда Джафар-паши в 1582 г.¹⁵ Следовательно, вскоре после этой даты возник и окончательный вариант «Тарих-Дагестан».

Такая датировка делает понятным упоминание там Черкесии в качестве предела владений нуцала-язычника и имени «Тахмас» и «Сефишах» в его «генеалогии», и упоминание мортир, пушек и пороха¹⁶. Косвенно подкрепляют эту датировку и относимые к Амир-Чобану слова: «В генеалогиях в 10-м колене...»¹⁷, ведь его потомком в 10-м поколе-

нии, согласно родословной уцмиев¹⁸, был Мухаммад-хан (умер в 1596–97 г.)¹⁹, в годы которого был создан окончательный вариант «Тарих-Дагестан».

Хроника Махмуда Хиналугского²⁰ датирована ее составителем 861/1456 г., что не внушает никакого доверия.

1. Конец «Хроники» содержит утверждение, что текст ее списан с древнего документа, представленного составителю (Махмуду Хиналугскому) Касим-беком, потомком владетелей «крепости Ахир-Докуз-пара» (ныне с. Ихир).

Согласно «Хронике», предок Касим-бека Ильча-Ахмед беседовал с Тимуром накануне Анкарского похода (1402 г.), т. е. на 54 года ранее составления «Хроники». Судя по излагаемой там же родословной, имя «Ильча-Ахмед» носят трое из предков Касим-бека – сам родоначальник (из рода кайтагских уцмиев), его внук и правнук. Их отделяют от Касим-бека соответственно 11, 9 и 7 поколений. Невозможность смены 11, 9 или 7 человеческих поколений за 54 года самоочевидна.

2. К «Хронике» приложен текст «фирмана персидского шаха Султан-Мухаммеда Сефевидского», ставший, по сути дела, ее неотъемлемой частью²¹. Он датирован 871/1466 г. и выписан на имя отца Касим-бека – Мухаммад-бека сына Афрасим-бека. Если даже отвлечься от того, что Касим-бек фигурирует в «Хронике» на 10 лет раньше собственного отца, то все же остается серьезное противоречие: до 1501 г. Сефевиды не были шахами и не издавали фирманов, тем более для Ширвана. К тому же представитель этой династии в 1466 г. носил иное имя (шейх Хайдар).

Все это заставляет отвергнуть датировки «Хроники» и «фирмана» как злостно подделанные. Очевидна и цель подделки: «документально» обосновать владельческие права и претензии родственной группы феодалов на ряд сел к югу и северу от среднего течения Самура.

Следует, однако, отметить, что в основу «Хроники» положены, по видимому, действительно родовые предания потоков Ильча-Ахмеда²² (ниже мы попытаемся соотнести их с историческими фактами XV–XVII вв.) – недаром «Хроника» попала в архив уцмиев Кайтага и сохранилась там до XIX в.

Для попытки датировать события, излагаемые в хронике, можно использовать имя упомянутого «Сефевида». Имя «Султан-Мухаммад» носил четвертый шах этой династии – Мухаммад Худабенде (1577–1587).

Если отец Касим-бека был его современником, то время жизни самого Касим-бека должно доходить до начала XVII в. Следствия, возникающие из такого предположения, согласуются с ныне известными историческими фактами.

1. Принимая вслед за Б. Г. Малачихановым²³ продолжительность одного поколения примерно за 25 лет и беря в качестве точки отсчета начало XVII в. (время жизни Касим-бека – 2-е поколение династии), следует отнести Ильча-Ахмеда I (родоначальника династии) ко второй четверти XIV в., Ильча-Ахмеда II (3-е поколение) – к концу XIV в., а Ильча-Ахмеда III (5-е поколение) – к середине XV в. Таким образом, Ильча-Ахмед II вполне мог быть современником Тимура²⁴.

2. Аббас-бек б. Тахмас-бек (6-е поколение – примерно третья четверть XV в.) завладел аулом Маза, «и потомки его остались там с властью и управлением»²⁵. Отсюда становится понятным, почему автор сочинения 1620 г.²⁶, никак не связанного с рассматриваемой хроникой, помещает в с. Маза «потомков Аббаса». Полтораэта лет спустя он принял потомков Аббас-бека за «потомков дяди пророка», при этом невольно подтвердив правильность родового предания потомков Ильча-Ахмеда.

3. Братья Алибек и Мемрадж-бек, сыновья Султан-бека (8-е поколение – первая четверть XVI в.), получили в управление Курах и Кюре, причем Курах достался во владение Алибеку, а недовольный Мемрадж ушел в Кеваджик (в Табасаране) – «там остались и потомки его»²⁷. Следует отметить, что этот случай передачи в управление потомкам Ильча-Ахмеда земель к северу от Самура – единственный в «Хронике». Тем не менее это сообщение согласуется с известными историческими фактами. Именно в этот период (около 1517 г.)²⁸ ширваншах Шейхшах окончательно становится вассалом Исмаила I Сефеви. Несколько ранее (1509 г.) Дербент окончательно переходит в руки Исмаила, а затем (1510 г.) его контроль распространяется и на Табасаран – вскоре Шейхшах опустошает Кюре и Курах²⁹. Таким образом, передача этих земель под контроль потомственных вассалов ширваншаха именно в этот период вполне вероятна.

4. Перечисляя селения, попадавшие в управление к потомкам Ильча-Ахмеда, «Хроника» позволяет выделить те из них, которые стали их наследственной собственностью.

При этом бросается в глаза, что основная часть таких «вотчин» получена в период от начала XV в. до конца первой четверти XVI в. («дерев-

ня невольников» у с. Ихир; Мискинджи, «Хаджик» (Джикджик)³⁰, Маза, Кеваджик), т. е. в период династии Дербенди.

В следующий почти столь же продолжительный период (вторая половина XVI в. – начало XVII в.), когда Ширван был вилайатом Сефевидского государства³¹, названы лишь два наследственных приобретения (Зейхур, а также Хачмаз близ Варташена), хотя число потомков Ильча-Ахмеда неизмеримо выросло³².

Данное свидетельство «Хроники» хорошо согласуется с явлением, отмеченным еще И. П. Петрушевским: «Пожалование сойургалов при Сефевидах применялось реже, чем в XV в.; Сефевиды предпочитали раздавать тийул...» и т. д.³³ Это соответствие лишний раз подтверждает достоверность содержащихся в «Хронике» сведений.

Приведенные выше наблюдения позволяют отнести материал «Хроники» к периоду XIV – начала XVII в. Общую, глубоко верную оценку «Хроники М. Хиналугского» дал еще А. Н. Генко: «Этот документ полуисторический. Тут мы имеем дело с некоторой фикцией, но фикцией исторической, которая опирается на детальное знание местных условий, местной среды, и в этом смысле представляет собою первоклассный исторический источник»³⁴.

При попытке установить время написания «Хроники М. Хиналугского» следует обратить внимание на то, что на протяжении всего периода правления шаха Мухаммеда Худабенде (1577–1587) Ширван был оккупирован турками. Поэтому вряд ли этот шах мог выписывать фирманы тамошним феодалам (полное несоблюдение формуляра также подтверждает фиктивность этого «фирмана»). Следовательно, фабрикация «фирмана» и связанное с ним окончательное оформление «Хроники» имели место уже тогда, когда реальные обстоятельства времени шаха Мухаммеда Худабенде уже исчезли из памяти населения. Это могло быть не ранее второй половины XVII в., вероятнее всего во время распространения власти Гусейн-хана (выходца из уцмийского дома) на земли между Кубой и Дагестаном. Такое предположение не только согласуется с основной идеей «Хроники» (обоснование прав феодалов кайтагского происхождения в землях к югу от Самура), но и делает понятным один ее загадочный отрывок³⁵. Сразу после вступительной части там даются родственные отношения некоторых членов уцмийского дома, на первый взгляд резко противоречащие содержанию «Хроники». Однако этот отрывок обретает смысл при сравнении его со списком уцмиев конца XVII

в., которые носят те же (традиционные для династии) имена. Особенно показательна фраза этого отрывка: «Ахмед-хан Эльча и Ахмед-хан³⁶ сыновья Улу Бек-хана уцмия, потомственно управляющие владением Кайтахским в Дагестане до настоящего времени». Действительно, в 1698 г. Ахмед-хан сменил на уцмийском престоле Уллубек-хана³⁷. Следовательно, «настоящее время» для составителя окончательного варианта «Хроники М. Хиналугского» – это последние годы XVII в.

Гораздо труднее датировать «Хронику Герейхана»³⁸ и «Хронику Ихрана»³⁹. В них не удалось выделить какие-либо элементы, которые можно было бы сопоставить с установленными историческими фактами.

Что касается дат в «Хронике Герейхана»⁴⁰, то в письменных источниках такого рода они не являются надежным хронологическим показателем. Так, выше мы видели пример намеренной фальсификации даты («Хроника М. Хиналугского»).

Еще чаще встречаются непреднамеренные ошибки переписчиков. Наглядный пример этого – запись и так называемого «Хронографа Абд ал-Хайя» (конец XVIII – начало XIX вв.)⁴¹. Там от лица жителей Хурюга повествуется об их сражении против рутульцев и «амиров Элису», где погибло много хурюгцев. Тогда хурюгские представители явились к «воротам шамхала (он вали Дагестана) за помощью. Шамхал прибыл в Хурюг, затем в Ахты, добился договора о союзе между этими обществами «до судного дня», подчеркнув при этом отсутствие всякой личной заинтересованности. Запись датирована 900/1484–85 г.

Если бы удалось доказать подлинность этих сведений, то запись возымела бы немалое научное значение (первое упоминание о шамхале как о «вали Дагестана», первое известие об экспансии феодалов Кумуха на юг, драматическая картина политической жизни долины Самура в XV в. и т. д.). Однако запись эта вызывает понятное недоверие, ибо расходится с известными фактами истории Восточного Кавказа.

1. «Амирами Элису» могли бы именоваться элисуйские султаны, происходившие из Цахура. Однако Элису попало в их руки не ранее конца XVII в.⁴²; наиболее осторожные исследователи отодвигают это событие даже до «1720-х годов», добавляя: «В том же XVIII в. султаны переселились из Каха в Элису. Таков был путь превращения Цахурского султана в Элисуйский»⁴³. Вряд ли возможно, что для персидских фирманов⁴⁴ вплоть до конца XVII в. эти феодалы все еще «цахурские владетели» (ибо

Элису в это время все еще находится в составе Шекинского владения), а для анонимного хурюгского хрониста XV в. они уже «амиры Элису»!

2. Недопустимо и предположение, что «амирами Элису» в записи названы какие-то тамошние феодалы, проводившие в 1494/95 г. самостоятельные акции в долине Самура. Тогдашний владетель Шах Хусейн обладал в Шеки (куда входило Елису) всею полнотой власти. После неудачи ширваншаха Фаррух-Ясара в битве при Ахаре в 1493 г.⁴⁵ Шах Хусейн признал себя вассалом его врага – Рустама Ак-Коюнлу, дал у себя убежище сыну ширваншаха Шейхшаху (будущему ширваншаху 1502–1524 гг.), восставшему после отца, и попытался отнять у ширваншаха крепость Кабалу⁴⁶. И лишь уход его союзников Ак-Коюнлу заставил Шах Хусейна покинуть Шеки. Вряд ли столь сильный и активный владетель потерпел бы уклонение предполагаемых елисуйских вассалов от поддержки сюзерена в момент борьбы с ширваншахом.

3. По меньшей мере со времен Халилуллаха (1417–1462 гг.) Ахты находились в сфере влияния Ширвана⁴⁷. Как известно, при Фаррух-Ясаре Ширван полностью сохранил свои территории и политическое влияние⁴⁸. Вряд ли ширваншах потерпел бы прибытие в свои пограничные владения шамхала с целью «наведения порядка» и заключения военных союзов между его подданными.

Все это никак не согласуется с фактами истории XV в. Между тем известен период, когда Рутул, Ахты и елисуйские султаны особенно усилили давление на мелкие сельские общины, и в эту борьбу активно вмешивались феодалы Ялаха, Луткуна, Кураха – выходцы из кумухского ханского дома, ведшего свое происхождение от шамхалов (иногда вмешивался и сам кумухский хан). Все это имело место во второй половине XVIII в.⁴⁹

К этому времени, кстати, относится и надпись над входом в мечеть с. Хурюг, повествующая о трехлетней войне Хурюга против Рутула и Ахты, где погибло много хурюгцев. Мир наступил в 1190/1776 г.⁵⁰

Запись в «Хронографе Абд ал-Хайя» соответствует скорее этим событиям. Тогда становится понятным вмешательство «эмиров Элису» и примирение Хурюга с Ахты. Менее ясна личность арбитра – обитателя «ворот шамхала (он вали Дагестана)». Мы предполагаем, что здесь речь идет о кюринском хане Шахмардане, сыне Мухаммед-хана Гази-Кумухского, имевшем резиденцию в Курахе, сравнительно недалеко от Хурюга (процитированная же титулатура

из хронографа – не более чем комплиментарное указание на его высокое происхождение).

Что же касается даты (900 г. хиджры), то в хронографе она дана прописью. И достаточно было невнимательному переписчику, опустив числительное «тысяча» (как тогда обычно делалось), далее вместо 190 написать 900, как события, современниками которых был создатель хронографа (конец XVIII в.), оказались «перемещенными» в конец XV в.

Третья разновидность затруднений с датами – различные датировки одного и того же сообщения в разных источниках. Выразительный пример: в различных списках «Тарих Дагестана»⁵¹ и в хронографах⁵² «разрушение Гумика (Кумуха) тюрками» датируется 637, 718, 807 гг. хиджры (соответственно 1240, 1318, 1404 гг.) и косвенно даже концом XVI в. («... от рук турок и крымцев...»). Мы полагаем, что накопленные ныне исторические материалы позволяют приблизиться к верной датировке этих событий, а также проследить причины возникновения подобных затруднений с датами.

Наиболее полное описание этого события гласит: «Разрушение Кумуха тюрками имело место в понедельник, в начале месяца рамадан, во время ан-Наджм ад-Дина, и погубило смертью воителей за веру все войско Гумика, кроме 1033 воинов, в 637 году. Построил эту крепость, или крепость, которая над мечетью Кикиули, Кавтар сын М.к.х. (или М.к.ч.), и пало мучениками в ней 70 юношей, которые пожертвовали имуществом, душой и телом, и поклялись сражаться на пути великого Аллаха. Строительство крепости завершилось в месяц сафар 715 г. (*май 1315 г. – А. К.*)»⁵³.

Сравнение показывает, что данное описание включает все наиболее существенные сведения об этом событии, содержащиеся в других вариантах сообщения о «разрушении Кумуха». В то же время оно не содержит сохраненных в них некоторых деталей (о храбрости кумухцев, об исполнении долга 70-ю добровольцами, а также существенное дополнение: «...оба князя, Сартан и Каутар, опустошили Кумух в субботу месяца сафар, и все князья кумухские, происходящие от Хамзы и Аббаса, рассеялись по окраинам вилайатов...»⁵⁴). Эти расхождения нельзя объяснить тем, что перед нами разные описания одного события: сохранившиеся в них «словесные трафареты» («...в дни Нажмуддина...» и др.) убедительно доказывают, что все упомянутые сообщения восходят к общему протографу (пока неизвестному). Все они являются его частя-

ми, причем очевидно, что ближе всех к первоначальному тексту должен стоять самый полный вариант, цитированный выше. Наиболее важной его особенностью, на наш взгляд, является то, что он допускает вывод о одновременности изложенных в нем событий: 1) разрушение Кумуха и гибель его войска, кроме 1033 воинов; 2) постройка крепости над Кикули; 3) гибель в этой крепости 70 добровольцев (к этому следует добавить и фразу об опустошении Кумуха Сартаном и Каутаром).

Итак, в рассматриваемом сообщении прослеживаются явные черты хронографа с характерным последовательным (чаще датируемым) изложением событий за длительный период времени. Очевидно, разорение Кумуха «в дни Нажмуддина» и гибель большей части войска действительно относится к рамадану 637/апрель 1240 г. Постройка же крепости над Кикули имела место явно позже. Следовательно, и гибель в ней 70 добровольцев относится к другой, более поздней кампании (к ней же как будто следует отнести и действия Сартана и Каутара). Одновременно устраняется и маловероятное предположение о том, что монгольское войско пребывало от рамазана (с момента разрушения Кумуха) до сафара (т. е. 6 месяцев) в разрушенном центре разоренного горного княжества с единственной целью одолеть 70 человек. Если бы удалось доказать подлинность даты постройки крепости (май 1315 г.), то это второе «разрушение Кумуха» следовало бы отнести ко времени позже этой даты.

Иногда в этой же части некоторых списков «Тарих-Дагестан» прослеживаются и следы третьего «разрушения Кумуха тюрками (и крымцами)», вполне очевидно датирующегося 1582 г.

Итак, в основе сообщения о «разрушении Кумуха» вероятнее всего лежит местный хронограф, включенный в «Тарих-Дагестан» при составлении окончательного варианта и подвергшийся при этом сокращению. Дальнейшие произвольные сокращения и добавления при переписке привели к тому, что два, а иногда и три разных захвата Кумуха слились в одно сообщение, сохранив разные даты.

Таким образом, существует немало примеров ошибочных дат, предлагаемых в рассматриваемых сочинениях (вследствие фальсификации, невнимательности переписчиков, произвольных сокращений и вставок при позднем редактировании). Все они убеждают в том, что такие даты не могут быть приняты без основательных подтверждений другими историческими материалами.

Более надежный путь к датировке материала нескольких хроник (летописей), относящихся к определенной исторической области и одному периоду, в принципе несложен. Изложение материала в хрониках, как правило, соответствует исторической последовательности событий, лежащих в его основе, даже если для значительной его части даты отсутствуют или сомнительны. Следовательно, сопоставляя сообщения разных хроник о тождественных или взаимосвязанных событиях, можно выяснить общую хронологическую последовательность для всего материала этой совокупности хроник. Затем достаточно выявить в нем детали, сопоставимые с установленными историческими фактами (хронологически фиксированными на основе других, не вызывающих сомнения источников), как эти детали, получив абсолютные даты, становятся «хронологическими гранями» не только для той или иной хроники, но и для всего материала этой их совокупности в целом. Это привело бы к почти сплошному абсолютному датированию материала этих хроник, сделав его пригодным для научного использования и каких-либо обоснованных исторических выводов.

Необходимым условием для этого надежного способа датирования является изложение в источниках материала в исторической последовательности.

Однако частые примеры нарушения этого основного условия не оставляют никакой уверенности в том, что такая последовательность присутствует хотя бы основной части изложения рассматриваемых сочинений. Убедительный пример очевидного нарушения этой последовательности – изложение «деяний» Амир-Чобана (Эмир-Джуфана, Амир-Чупана) в «Тарих-Дагестан».

Согласно этому источнику, Амир-Чобан б. Султан-Алибек был первым государем Кайтага, основавшим множество селений и сделавшим Кала-Курейш столицей. При нем был заключен «ложный договор» с амирами Гумика, в конце концов вероломно нарушенный: мусульмане истребили «неверных» этой страны, учинили много разрушений, а уцелевших обратили в ислам. После этого победители направились к «южным горам», но очутились... в Аварии (лежащей на северо-восток от Кумуха), где продолжили военные действия уже против нуцала Байара сына Сураки.

Выражение «к южным горам», противоречащее контексту, озадачило еще первого издателя русского перевода «Тарих-Дагестан» П. К. Услара⁵⁵.

«Противоречие» это, однако, разъясняется сравнением с соответствующими частями «Происхождения уцмиев» и «Истории уцмиев», излагающими «деяния» Амир-Чобана достаточно полно и последовательно («История уцмиев» излагает их несколько подробнее и ближе к версии «Тарих-Дагестан»). Амир-Чобан, став владетелем Кайтага, начинает с союза с Маасумом (или даже ставит его сына главой Табасарана и назначает кадиев). Далее изложение не имеет существенных отличий от версий «Тарих-Дагестан» (лишь нарушение договора приписывается кумухцам). Одолев их, Амир-Чобан двинулся «в южные части гор»⁵⁶ или «в сторону населения южных гор»⁵⁷, после чего, при полном сохранении логики событий, он оказывается в Южном Дагестане (с. Маза, Куруш и т. д.).

Итак, в «Тарих-Дагестан» налицо отрыв первой части «деяний» Амир-Чобана⁵⁸ и произвольное соединение ее с темой об исламизации Аварии (слова «в сторону южных гор» являются своего рода «швом»). При этом вопиюще нарушена не только историческая последовательность событий, но и элементарная логика.

Далее несообразности в «Тарих-Дагестан» усугубляются: Маасума сажают на трон Аварии, в то время как все известные источники знают его только в Табасаране; известный по другим источникам сподвижник Абу-Муслима шейх Ахмед⁵⁹ оказывается правнуком Маасума; «шейх Абу-Муслим» назначается в Аварию «вали и хакимом», хотя трон уже занят Маасумом. Эти явные и неудачные контаминации сильно искажают начало темы об исламизации Аварии, как это видно при сравнении с ее изложением в «Основании Аргвани»⁶⁰.

Примеры нарушения исторической последовательности в изложении, подобные приведенному выше, мы обнаружили во всех рассматриваемых сочинениях.

Итак, все вышеизложенные наблюдения над содержанием местных исторических сочинений приводят к выводу, что «хрониками» их можно именовать лишь условно, имея в виду форму изложения (якобы «последовательное» изложение событий; значительное количество дат).

По существу же они не являются ни хрониками (летописями), ни даже летописными сводами, ибо не обладают их главным свойством – хронологически последовательным изложением событий и преобладанием собственно-летописного материала над вставками.

Предлагаемые в их текстах «даты» не имеют большого значения, ибо в случаях, когда возможно сопоставление таких «датированных»

событий с установленными историческими фактами, эти «даты» чаще всего обнаруживают значительное расхождение с действительной хронологией.

Таким образом, подход к данным источникам как к хроникам неприемлем и может привести к ошибочным результатам.

Все без исключения рассматриваемые сочинения явно свидетельствуют, что их составители, берясь за перо, обращались к далекому прошлому под давлением самых острых и злободневных проблем тогдашней современности.

Поводом для создания большинства этих сочинений было стремление обосновать сословные преимущества феодалов (либо родственной их группы, либо княжеской династии, либо даже сословия в целом) через возведение их родословных чаще всего к выдающимся распространителям ислама, реже – к нуцалам и полулегендарным воителям⁶¹ – «деяния» всех этих лиц составляют значительную часть изложения в этих сочинениях. Встречаются и противоположные стремления: обосновать исконные права и независимость какой-либо сельской общины (причем, аргументами того же рода)⁶². При этом составители нисколько не стремятся скрыть «партийность» своих сочинений – напротив, нередко их социальные интересы четко сформулированы («вопийание к правоверным» о привилегиях потомков Хамзы и Аббаса⁶³; формула проклятия нарушителю владетельных прав⁶⁴), причем идеологи общинных прав не уступают и в этом отношении (обоснование независимости аргванинцев – потомков шамских газиев – от нуцалов – потомков нечестивца Сураки⁶⁵).

Достаточно четко прослеживаются и противоречия иного рода – соперничество между различными феодальными центрами и династиями. Например, одно и то же предание об исламизации Кайтага, Кумуха и Табсарана по-разному изложено в «Дербенд-наме» и, с другой стороны, в «Происхождении уцмиев» и «Истории уцмиев» (восходящих, по нашему предположению, к общему протографу «о деяниях Амир-Чобана»).

«Дербенд-наме» главой исламского похода называет Абу-Муслима; исламизация начинается с Кумуха – лишь оттуда ислам превносится в Кайтаг и Табасаран. Родоначальник шамхалов назначается в Кумухе лично Абу-Муслимом из потомков «дяди пророка» Аббаса – в Кайтаг же назначается «некто Хамза» (иногда это «один из родственников Абу-Муслима»). К тому же Хамза и равные ему по рангу подчинены «валию Дагестана» шамхалу⁶⁶.

«Происхождение уцмиев» и «История уцмиев» начальным пунктом исламизации называют Кайтаг. Именно оттуда потомок Хамзы – «дяди пророка» Амир-Чобан начал поход и принес ислам в Табасаран (где «утвердил» Маасума), а затем в Кумух, где назначил «одного султана из своих родственников» – некоего Шамхала⁶⁷.

Причина этой разницы очевидна. «Дербенд-наме» была составлена по повелению прямого потомка кумухских шамхалов – Чобан-бека, а предполагаемый протограф «о деяниях Амир-Чобана» оформился, очевидно, при уцмийском дворе. Выполняя социальный заказ (причем, довольно узкий), составители обоих сочинений возвышали каждый своего покровителя и его род, принижая его соперников. Это придает их сочинениям явный полемический оттенок.

Итак, все рассматриваемые сочинения являются по своему характеру историко-публицистическими памятниками дагестанской общественной мысли XVI–XIX вв. Однако это памятники особого рода: в качестве аргумента современной (для них) идейной борьбы они используют сведения о прошлом, отобранные в соответствии со злободневными социальными задачами. Последние определяли и форму подачи материала, и его последовательность в сочинении и т. п. Если добавить к этому крайне низкий уровень историографических преставлений в феодальный период, то становится понятным, что хронологическая последовательность материала, точность его фиксации и т. п. играли для составителя второстепенную роль, всецело определяясь его субъективными представлениями, что вполне объясняет многочисленные нарушения этого рода.

Хотя социальные задачи рассматриваемых сочинений давно утратили свою актуальность, и для современного исследователя абсолютную ценность сохранил лишь зафиксированный в них исторический материал, в работе с ними следует учитывать особенности этого рода источников. Последние – своего рода «контейнеры», доставившие современному исследователю включенный в их состав (односторонний, неточный, неупорядоченный) исторический материал, который можно было собрать в XVI–XIX вв. о еще более раннем прошлом.

Для упорядочения этого материала прежде всего выделим из текстов сочинений отдельные «темы»⁶⁸.

Хронологическая последовательность в них гарантируется 1) логикой развития событий и 2) достаточным сходством изложения одних и тех же тем в независимых друг от друга сочинениях. Поэтому прежде всего

проанализируем повторяющиеся темы, а затем выявим как точки их соприкосновения друг с другом, так и в связи их с остальным материалом.

Нам удалось выявить следующие повторяющиеся темы.

1) О серебряном (золотом) и медном рудниках на Тереке, в Кизляре, в Эндирее⁶⁹.

2) Об отравлении арабами 700 тысяч (7 тысяч) местных «неверных»⁷⁰.

3) Приход в Дагестан газиев-арабов.

4) Исламский поход по Кайтагу, Кумуху и Табасарану (разные версии).

5) Исламизация Абу-Муслимом Южного Дагестана.

6) Исламизация Абу-Муслимом Аварии.

От анализа первых двух тем мы отказываемся, т. к. нам неизвестны параллели к ним как в местных источниках, так и в другом фактическом материале по истории Дагестана.

Третья тема существует в двух вариантах: 1) сейида Али аш-Шаами являются в Дагестан по маршруту Шам – Нахшаван – Центральный Кавказ – Чечня⁷¹; 2) потомки дядей пророка Хамзы и Аббаса, выйдя из Мекки и Медины и обойдя чуть ли не все границы исламского мира (причем Шам – только один из этапов этого пути), начинают исламизацию Дагестана⁷².

Четвертая тема также имеет два основных варианта: 1) исламизация Абу-Муслимом Кумуха, Кайтага, Табасарана (исходная точка джихада – Дербент)⁷³; 2) исламизация газиями Кайтага (исходный пункт – «Черкасские пределы») и продолжение джихада Амир-Чобаном и потомком Хамзы⁷⁴ в Табасаране и Кумухе⁷⁵.

После очищения от позднейших тенденциозных наслоений (подробно о них говорилось выше) выявляется общая основа обоих вариантов – схема предания (очевидно, более древнего, нежели любой из использующих его вариантов) о газийском походе с целью исламизации земель Среднего Дагестана. А. Р. Шихсаидов связывает одну из версий данной темы (ту, где главой похода назван Калантар) с исламизацией Кайтага и Кумуха, датируемой по надежным письменным источникам XI – началом XII вв.⁷⁶ Очевидно, датировку эту следует распространить и на исторические события, которые отражены в этом предании, легшем в основу всех его вариантов.

По той же причине эту датировку следует считать верхним хронологическим пределом для событий, лежащих в основе второго варианта

третьей темы (о газиях – потомках Хамзы и Аббаса)⁷⁷ – нижним пределом для них, очевидно, будет IX в.⁷⁸ (первые достоверные свидетельства о газийских походах в Дагестан)⁷⁹.

При этом, однако, следует особо выделить конец второго варианта четвертой темы (о деяниях Амир-Чобана), повествующей о подвигах его героя в Южном Дагестане. Столь резкое перенесение театра военных (и политических) действий, отсутствующее к тому же в других вариантах этой темы, заставляет предполагать, что здесь мы имеем дело с контаминацией старого, известного предания о газийских войнах и какого-то нового сюжета. Таким образом, этот вариант заслуживает особого рассмотрения.

Пятая и шестая темы не обнаруживают столь же очевидного соответствия с установленными историческими фактами, как третья и четвертая. Они объединены именем Абу-Муслима, однако глубоко различны по существу.

Пятая тема (исламизация Абу-Муслимом Южного Дагестана) изложена лишь в кратком отрывке в «Тарих Абу-Муслим»⁸⁰. Абу-Муслим явился из Сирии (через Ширван), летом воевал с «неверными» Рича, а зимой – с «неверными» Дербента, затем построил мечеть в с. Кала-Кюре, Ахты, Рича, Мака, а аулы передал в управление свои родственникам⁸¹ (причем Рича и Мака – сыну своего деда Амир-Хамзе, т. е. своему дяде). Далее джихад ведет уже «Султан Ибрагим», а Абу-Муслим возвращается сначала в Ширван, затем «к себе на родину».

Этому отрывку предшествует пространная вступительная часть, представляющая собой беллетризованную биографию⁸² исторического лица – политического деятеля и полководца VIII в. Абу-Муслима Абд ар-Рахмана Хорасанского.

Преображение его в «Абу-Муслима – исламизатора Дагестана» происходит в тексте начиная с его прихода в Кухистан. Этот иранский термин, дословно означающий «страна гор», очевидно, был переосмыслен переписчиком как его тюркская калька «Дагестан», после чего начинается рассказ о войнах Абу-Муслима с Рича, Дербентом и т. д. Такие детали вступительного текста, как столкновение Абу-Муслима с Мерваном, выступление его в «Кухистан» из Шама, возможно, также облегчили соединение этого явно книжного отрывка с дагестанскими историческими преданиями, причем главной «соединительной деталью» послужило имя и образ «Абу-Муслима».

В то же время становится понятным возникновение (наряду с «Масламой», «Абу-Муслимом», «Абд ал-Муслимом», «Абу-Муслимом б. Абдулмаликом») и такого имени этого персонажа дагестанских преданий, как «Абу Муслим б. Абд ар-Рахман»⁸³ (явный «след» данной темы в рассматриваемых исторических сочинениях).

Мы полагаем, что пятая тема представляет собою соединение отрывка беллетризованной биографии Абу-Муслима Хорасанского, не имеющего никакого отношения к истории Дагестана, с элементами по меньшей мере двух местных преданий об исламизации: «Ахты-наме» + темы о шамских газиях (Шам – исходная точка похода Абу-Муслима; «султан Ибрахим», несмотря на наличие исторического прототипа, соответствует здесь, очевидно, легендарному шейху Ибрахиму Абу-Исхаку: а «дядя» Абу-Муслима «Амир Хамза» – «дяде пророка Хамзе»).

Таким образом, данная контаминация лишена цельности и может быть названа «темой» лишь условно, поскольку следы ее обнаруживаются в других сочинениях. К историческим событиям в Дагестане она имеет весьма косвенное отношение.

Шестая тема (исламизация Аварии Абу-Муслимом и его сподвижниками) прослеживается в двух сочинениях. В «Тарих-Дагестан»⁸⁴, как отмечалось выше, ее начало искажено механическим соединением с предыдущим отрывком (об Амир-Чобане); в «Основании Аргвани»⁸⁵, напротив, сохранилось начало темы, однако, конец сильно сокращен.

Попытка восстановления этой темы схематически выглядела бы так: некогда (называются даты от 654 до 900 г. хиджры⁸⁶) войско газиев под руководством шейхов Ахмеда, Абдуллы, Абу-Муслима и Абд ал-Муслима (Абдулла либо Абд ал-Муслим в некоторых списках опускаются) направились из Кара-Хайдака в Аварию. Там правил нуцал Сурака (иногда добавляется его брат Кахру). Шейхи начали джихад против «неверного» нуцала. Сначала они одолели Кахру в Чир-Юрте (иногда при этом гибнут Ахмад и Абдулла), затем был захвачен Хунзах (иногда при этом гибнет Абд ал-Муслим), Сурака погиб (исчезает), а его сын Байар (Байар-Аббас, Йар-Аббас, Байрампас) бежит в Туш. В Хунзахе устанавливается продолжительное правление Абу-Муслима (иногда упомянут его потомок Абд ал-Муслим с соправителем Ахмедом). Затем Абу-Муслим умирает (или покидает Хунзах под влиянием вешего сна; Б. Малачиханов зафиксировал даже предание о том, что Абу-Муслим был убит стрелой во время джихада в Гидатле)⁸⁷. После этого в Хунзахе реставрируется прежняя

династия нуцалов – в этом согласны оба названных сочинения. Дальнейшие события излагает лишь «Тарих-Дагестан»: Амир-Султан, сын Байара (Байрампаса) и внук Сураки, захватывает престол, опираясь на тайных сторонников в Хунзахе и на силы обществ «от границы Цумтала до оконечности Аришти»⁸⁸, после чего начинает войну с соседями-мусульманами, длящуюся 24 года. Экономическая блокада, однако, вынуждает аварцев постепенно вернуться в ислам.

Примечательна трансформация образа Абу-Муслима. По «Дербенд-наме» еще можно установить его тождество с Масламой: хотя они фигурируют как два разных лица, но Абу-Муслиму приписана часть деяний Масламы, известная по труду Балазури⁸⁹, к тому же он носит ту же «ку-нья», что и Маслама (бен-Абдулмалик).

В «Тарих Абу-Муслим» заметна книжная идеализация образа за счет отождествления его с героем средневековой беллетристики – Абу-Муслимом Абд ар-Рахманом.

В аварском же варианте отчетливо проступает схема мифа о культурном герое, отмеченного у многих народов земного шара. Это сверхчеловек (герой, полубог), принесший людям некие вечные ценности (варианты: огонь, речь, какие-либо умения, истины) и часто платящий за это жизнью – впрочем, в поздних версиях вместо героя иногда гибнет его близкий (как бы выкупая его жизнь своею)⁹⁰.

Известно также, что эта мифологическая схема обладает значительной устойчивостью – влияние ее прослеживается и после вытеснения мифологии другими формами общественного сознания. Примеры такого рода дают монотеистические религии с их пророками и мучениками. У земледельческих же народов миф о культурном герое часто перекрещивается с мифом об умирающем и воскресающем боге плодородия.

В этой связи интересно отметить начало мифологизации образа Масламы (еще не Абу-Муслима), которое заметно в сообщении Абу-Хамида ал-Гарнати: реликвия первораспространителя ислама (меч Масламы) стала предметом земледельческого культа⁹¹. Вместе с тем столь же очевидно, что элементы мифа в данной теме выполняют роль устойчивой схемы, в рамках которой фиксирован материал о подлинных исторических событиях. Данная тема обнаруживает такие моменты соответствия с содержанием других источников, которые заслуживают рассмотрения.

Прежде чем приступить к выяснению связей разобранных выше тем с остальным материалом сочинений, следует выяснить, в каком же виде су-

ществовали эти сведения, связанные преимущественно с исламизацией тех или иных районов (VIII–XIV вв.), вплоть до фиксации их в историко-публицистических сочинениях (XVI–XIX вв.), т. е. 200 и более лет?

Некоторые из них были получены составителями сочинений в виде письменных материалов⁹² (выше мы уже пытались проследить в «Тарих-Дагестан» и т. п. сочинениях характерные черты предполагаемых письменных прототипов – кумухского хронографа и историко-публицистического сочинения «о деяниях Амир-Чобана»)⁹³.

Однако преобладающая часть материала рассматриваемых сочинений (включая и все шесть разработанных тем) несет на себе следы большей или меньшей «фольклоризации»: участие сверхъестественных сил⁹⁴, вещей сон⁹⁵, гиперболы⁹⁶, элементы мифа⁹⁷. Следовательно, прежде чем попасть в письменные источники, свидетельства об исторических событиях долгое время передавались изустно и приобрели форму устных исторических преданий, и судить ныне непосредственно по ним о дагестанском средневековье «было бы так же ошибочно, как судить о жизни европейского рыцарства по “рыцарским романам”» (как сказал по аналогичному поводу В. В. Бартольд⁹⁸).

Использовать материал предания в качестве исторического источника возможно лишь после выделения лежащих в его основе исторических фактов. Большой частью это достигается путем сравнения преданий друг с другом и с историческими источниками иных видов. Очевидно, что чем больше сопоставимых деталей обнаруживает та или иная тема в процессе такого сравнительного исследования, тем эффективнее, как правило, выделяется ее фактическая основа.

Из всех разработанных нами тем наиболее явные сопоставления такого рода обнаружили две: 1) «деяния Амир-Чобана» и 2) исламизация Аварии Абу-Муслимом. По этой причине их следует рассмотреть более подробно.

II

Исламизация Аварии, ход которой мы изложили выше согласно рассматриваемым сочинениям, затянулась, по-видимому, на довольно продолжительный срок. Начавшись с концом правления Сураки, она охватила время его сына и внука (Байар и Амир-Султан), причем из источников отнюдь не следует, что при последнем она завершилась. «Тарих

Дагестан»⁹⁹ сообщает лишь о том, что вскоре после воцарения Амир-Султана началась война его подданных против соседей-мусульман, окончившаяся лишь через 24 года вместе с постепенным возвращением аварцев к исламу. Таким образом, проследить вполне завершение исламизации Нуцальства (т. е. принятие там ислама как государственной религии), можно лишь выяснив продолжение событий при преемнике Амир-Султана (бывшем уже безусловно мусульманином).

Здесь следует обратить внимание на часть генеалогии одного из потомков нуцалов – Сурхая б. Гебека (убит в 1834 г.), помещенной в его эпитафии¹⁰⁰: «...б. Амир-Султан-нусал б. Йар-Аббас-нусала б. Суракат-нусала...» (как во всякой «кунья», порядок перечисления имен здесь обратен действительной очередности их носителей)¹⁰¹. Совершенно очевидно полное совпадение этих имен и их порядка с именами и очередностью нуцалов в «Тарих-Дагестан». Это, видимо, свидетельствует о том, что сведения о нуцалах периода исламизации и у составителя «Тарих-Дагестан», и у составителя эпитафии Сурхая б. Гебека восходят к какому-то общему источнику. В то же время отмеченное совпадение гарантирует в какой-то мере, что и другие данные эпитафии (по крайней мере, непосредственно примыкающие к совпавшему отрывку) также почерпнуты из упомянутого источника и могут продолжать оборванное изложение «Тарих-Дагестан».

Согласно эпитафии Сурхая б. Гебека, сыном Амир-Султана является Сартан. «Тарих-Дагестан» знает и это имя – его носит сын «царя (правителя) аварского», победоносно завершивший в союзе с Каутаршахом затяжную войну с Кумухом, начавшуюся при его отце¹⁰². Это в свою очередь позволяет отождествлять «царя (правителя) аварского» с Амир-Султаном, а начавшуюся при нем 24-летнюю войну – с затяжной войной, окончившейся захватом Кумуха. К этому событию, следовательно, хронологически близко и принятие ислама в качестве государственной религии в Нуцальстве. Так может быть восстановлена хронологическая последовательность и связь событий, которые лежат в основе двух тем, поданных в «Тарих-Дагестан» как отдельные предания, между которыми «прошло уже много веков»¹⁰³. Предложенная реконструкция является правильной, разумеется, лишь в том случае, если эпитафия Сурхая б. Гебека, через которую мы соединяем обе темы, дает в указанном месте верную последовательность поколений нуцалов.

Попытаемся теперь хотя бы приблизительно соотнести эти события с абсолютной шкалой хронологии.

Согласно современным научным представлениям¹⁰⁴, окончательное утверждение ислама в качестве государственной религии Нуцальства падает на рубеж XIII–XIV вв. Ввиду того, что Сартан, заканчивающий войну, уже является мусульманином, ее конец (разгром Кумуха) следует отнести ко времени после принятия ислама Нуцальством, т. е. к началу XIV в. В таком случае начало 24-летней войны (а заодно конец правления в Хунзахе «Абу-Муслима», реставрация династии нуцалов в лице Амир-Султана и отпадение аварцев от ислама) следует отнести к 80–90-м гг. XIII в.

Этому предшествовало длительное правление «Абу-Муслима», за время которого сменилось 1–2 поколения¹⁰⁵, а по другим данным – прошло «примерно 30 лет»¹⁰⁶. Следовательно, начало правления «Абу-Муслима», т. е. газиев в Хунзахе (а заодно и исламский поход Абу-Муслима, и бегство нуцалов) следует отнести к 50–60-м гг. XIII в.

Обоснованность таких датировок, кроме правильности толкования источника, зависит и от правильного выбора точки отсчета. Профессор Р. М. Магомедов обратил наше внимание на то обстоятельство, что именно на рубеже XIII–XIV вв. ислам становится государственной религией в двух огромных державах, с которыми Дагестан граничил на юге и на севере – в государстве Ильханов (1295 г.) и в Золотой Орде (1312 г.), что не могло не привести к усилению позиций этой религии и в Дагестане и активизации ее сторонников и миссионеров. Очевидно, в начале XIV в. ислам побеждает не только в Хунзахе – о его активизации в это время может свидетельствовать интересная хронографическая запись¹⁰⁷: «Дата исламизации Дагестана от рук Абу-Муслима и разрушения крепости Кала-Курейш (?) – 114 год. Исламизация Кубачи и убийство справедливого Хасана в (селении) Шири – 705 год. Между исламизацией Дагестана и исламизацией Кубачи – 560 лет». Первые две даты даны прописью (в данном случае это понижает вероятность ошибки при переписывании) и соответствует 732–33 и 1305–06 гг. Последнее число дано цифрами.

Итак, запись фактически содержит две даты исламизации Кубачи: 705 г. хиджры и (114+560) 674 г. хиджры. Мы предпочитаем первую не только ввиду большей достоверности прописных дат сравнительно с цифровыми (так, в варианте А. Р. Шихсаидова вместо 560 стоит 570 лет).

Следует учесть, что 1) исторические предания Кубачи говорят о принятии здесь ислама после гибели «ширинского шейха»¹⁰⁸; 2) имя «ширинского шейха» – Хасан, связывающее эти предания с датой 705 г. хиджры в упомянутом хронографе, подтверждено источниками письменными¹⁰⁹ и эпиграфическими¹¹⁰.

Итак, принятие ислама как государственной религии обеими соседними с Дагестаном державами и засвидетельствованная источниками активизация миссионерской и газийской деятельности в Дагестане, хронологически очень близки: конец XIII – начало XIV вв. Это делает более понятным и обоснованным вывод об утверждении его в Хунзахе в это же время (следовательно – и более надежной точку отсчета наших вычислений).

Перейдем теперь к поискам связей «деяний Амир-Чобана» с другими сообщениями источников.

Все источники едины в том, что имя отца Амир-Чобана – Султан-Алибек¹¹¹. Родословная уцмия Рустам-хана¹¹² знает среди его предков единственного Султан-Алибега б. Султан-Мухаммада, сыном которого там же действительно назван Амир-Чобан (лишним доказательством того, что это интересующий нас воитель, является приставка «гази»).

Между тем «Хроника М. Хиналугского» связывает с именем Султан-Алибека, сына уцмия Султан-Мухаммеда, заметное историческое событие – его борьбу со сводным братом Ильча-Ахмедом за уцмийский престол после смерти их отца – уцмия. В эту борьбу по просьбе Алибека вмешался вооруженной рукой его дядя по матери – шамхал Кумухский.

Сторонники Ильча-Ахмеда потерпели поражение, а сам он бежал к своему дяде по матери – ширванскому Кершаспу (Кершасибу). Дальнейшая судьба его потомков прослежена выше при анализе «Хроники М. Хиналугского».

Из этого, однако, следует, что Амир-Чобан является его племянником и принадлежит к тому же поколению, что и сын Ильча-Ахмеда – Мухаммед-бек (третья четверть XIV в., как определено для последнего выше). К этому времени, следовательно, относятся и интересующие нас «деяния Амир-Чобана».

Однако поскольку данный вывод сделан на основании родословной Рустем-хана, уместен вопрос: насколько ей можно доверять? Ведь значительная часть родословных, содержащихся в историко-публицистических

сочинениях, являются заведомыми фикциями (родословная Сураки, Шамхала¹¹³; родословные «потомков Абу-Муслима»¹¹⁴). Да и «древняя» часть родословной Рустем-хана, восходящая прямоком к Адаму, является фиктивной – в какой же степени (до какого поколения) она может давать верные имена и последовательность уцмиев?

Прежде всего отметим, что рассматриваемые источники дают два рода родословных. В заведомо фиктивных последние поколения (Сурака, Шамхал и т. п.) едва ли не столь же легендарны, как и предки. Другие же (родословная потомков Ильча-Ахмеда, например), как мы видели выше, вполне увязываются с историческими фактами. Тем более заслуживают анализа родословные исторических лиц – существование же уцмиев Рустем-хана, его отца Мухаммеда и деда Султан-Ахмеда не вызывает ни малейшего сомнения и доказано надежными источниками. Интересующие нас Султан-Алибек б. Султан-Мухаммед и его сын Амир-Чобан, согласно этой родословной, являются предками Рустем-хана соответственно в 12-м и 11-м поколениях – следовательно, надо проверить надежность родословной хотя бы до этого предела¹¹⁵.

1. Из других источников нам известно лишь одно имя уцмия, правившего задолго до Рустем-хана – это «Алиль-бек кайтачаский» (по А. Ф. Никитину, осень 1466 г.). Пользуясь применявшимся выше методом хронологического использования родословных (I поколение – 25 лет), получаем: (1620–1466): 25=154:25=6 поколений. Итак, «Алиль-бек» отстоит от Рустем-хана на 6 поколений. Рассматриваемая родословная дает в шестом поколении Уллу-бека, которое весьма соответствует «Алиль-беку». Следовательно, по крайней мере до шестого поколения ее правильность подтверждается надежными источниками.

2. Соответствие родословной Ильча-Ахмеда известным историческим фактам доказывалось выше. Султан-Алибек, будучи его сводным братом, бесспорно, должен быть и его современником, т. е. согласно родословной Ильча-Ахмеда время его деятельности должно приходиться также на вторую четверть XIV в. Попытаемся проверить, будут ли соответствовать этому данные рассматриваемой родословной Рустем-хана? Согласно ей, Султан-Алибек предшествует Рустем-хану (и времени составления родословной – 1620 г.) в двенадцатом поколении, его отцу Мухаммеду (умер в 1596–97 г.) – в одиннадцатом и Уллу-беку («Алиль-беку» 1466 г.) – в шестом. Примем абсолютные даты, связанные с этими лицами, за точки отсчета (взаимная корректировка уменьшит роль

случайности): $1620 - (25 \times 12) = 1320$; $1596 - 7 - (25 \times 11) = 1321 - 2$; $1466 - (25 \times 6) = 1316$.

Итак, усредненный результат дает второе десятилетие XIV в. Расхождение с родословной Ильча-Ахмеда сравнительно невелико, т. е. данные обеих родословных близко соответствуют (тем более, что Алибек «по возрасту был старше»¹¹⁶). Следовательно, обе родословные обладают примерно равной степенью достоверности.

3. Имя сына уцмья Алибека – «Амир-Чобана» – не автохтонно-дагестанского происхождения, следовательно, оно заимствованное. В то же время оно и не арабско-мусульманское: оно состоит из титула «амир» + тюркского имени «Чобан». Первым известным в истории Восточного Кавказа лицом, носившим это имя¹¹⁷, был выдающийся государственный деятель и военачальник ильханов. После его походов в 1319 и 1325 гг. через Приморский Дагестан¹¹⁸ его имя получило известность и здесь. Предположение о том, что для сына уцмья Алибека было заимствовано имя именно этого лица, косвенно подкрепляется и тем, что титул «эмир», которое который определял ранг Чобана в феодальной и военной иерархии государства ильханов, превратился в Кайтаге в часть личного имени сына уцмья Алибека.

Итак, лишь с 1319 г. это имя получило в приморской части Дагестана широкую известность. С другой стороны, согласно вышеприведенным расчетам по уцмийской родословной, время деятельности Амир-Чобана б. Алибека должно падать на середину и третью четверть XIV в. Учитывая, что человек становится дееспособным лишь на втором десятке лет жизни, дату рождения Амир-Чобана следует искать около 30-х гг. XIV в., т. е. позже 1319–1325 гг. Это еще раз доказывает, что расчеты по родословной уцмья Рустем-хана (по крайней мере до 11–12 поколений) не вступают в противоречие с историческими фактами¹¹⁹.

Согласно родословной Рустем-хана, «деяния Амир-Чобана» следует отнести к середине и третьей четверти XIV в. Выше уже говорилось, что в основе первой их части лежит схема старого предания об исламизации Среднего Дагестана, отражающая исторические события не позднее XII в. (см. выше разбор «четвертой темы»). Позже она стала излюбленным «эпическим трафаретом» для историко-публицистических апологий того или иного «предка-исламизатора» (при сохранении схемы менялись лишь имена героев). Таким образом, первая часть «деяний Амир-Чобана» заведомо не дает адекватного отображения событий XIV в.

В то же время правомерно предположить, что выбор именно этой схемы все же обусловлен какими-то реальными обстоятельствами действий Амир-Чобана: для походов из Кайтага в бассейн Самура (тема второй части этих «деяний») надо иметь надежные коммуникации либо через Кумух, либо через Табасаран. Возможно, именно стремление реального Амир-Чобана в середине XIV в. к установлению контроля над Табасараном и Кумухом и послужило причиной к использованию схемы старого предания о газийских походах в эти же земли для описания действий нового завоевателя¹²⁰ (видимо, действия эти были достаточно успешными, судя по его дальнейшей активной деятельности на юге).

Вторая часть «деяний» описывает как раз эту деятельность, обнаруживая, на наш взгляд, несомненные соответствия с известными фактами истории Южного Дагестана и сведениями других источников.

Согласно «Хронике М. Хиналугского» ширваншах вынужден «согласовывать» с уцмием Алибеком назначение своего вассала Мухаммед-бека «для управления крепостью Ахир-Докуз-пара, находящейся в соседстве твоего (*т. е. Алибека – А. К.*) владения»¹²¹. Уцмий Алибек дает согласие. Приводится «юридический документ», утверждающий ширванского вассала в Ихире – это грамота Алибека, уцмий Кайтага (!).

Итак, налицо совпадение данных двух независимых источников: один¹²² сообщает о завоеваниях сына Алибека в бассейне Самура, захвате базы (с. Маза) на пути в Ширван, союзе с местными феодалами, другой¹²³ – о контроле уцмий Алибека над бассейном Самура у границ Ширвана, с чем ширваншах должен считаться даже в своих внутренних мероприятиях (назначение коменданта приграничной крепости).

Время обоих сообщений совпадает, т. к. выше было доказано, что сын Алибека Амир-Чобан и комендант Ихира Мухаммед-бек – современники (и двоюродные братья).

Попутно следует отметить, что согласно «Хронике», Алибек все еще находится на уцмийском троне во время успешных завоеваний его сына «в южных горах». В таком случае его уступчивость вполне понятна: Мухаммад-бека, сына его брата-соперника следовало удовлетворить за счет земель вне Кайтага, дабы ослабить его легитимные претензии на уцмийский престол.

Военно-политические успехи Амир-Чобана в бассейне Самура означали, по сути дела, распространение контроля Кайтагского уцмийства на земли у самых границ Ширвана, в сфере его традиционных интересов.

Есть даже сообщение о сборе Амир-Чобаном податей «со всех горных жителей до границ города Шемахи»¹²⁴ – впрочем, источник как будто считает это единичным актом.

Определенную безучастность Ширвана к этим событиям на его северной границе может объяснить дата их, предложенная выше – середина и третья четверть XIV в.

Это время непрерывной междоусобной борьбы феодальных кланов Чобанидов, Джелаиридов, Музаффаридов у южных пределов Гирвана. Оттуда в 1348 г. последовало нападение на Ширван армии Мелик-Ашрафа, а с 1366/67 г. – нашествие войск Джелаиридов, причем сам ширваншах Каус был в цепях увезен в Тебриз¹²⁵.

Очевидно, в этот период определилась постоянная, несравненно более опасная угроза Ширвану с юга, что объясняет невнимание ширваншахов к его северным границам.

С этими фактами истории Ширвана середины и третьей четверти XIV в., таким образом, хорошо согласуются сведения о завоеваниях Амир-Чобана, и предлагаемая их датировка.

Для отождествления «султана Феридуна»¹²⁶ с ширваншахом Афридуном б. Ферибурзом (и отнесения на этом основании завоеваний Амир-Чобана к началу XII в.) источник не дает никаких оснований. В «Происхождении уцмиев» (1620 г.) он ни разу не назван ширваншахом и, таким образом, именование его этим титулом в компилятивном сочинении 1870 г.¹²⁷ не может считаться решающим доводом. К тому же источник не приписывает ему ни одной детали или действия, характерных для ширваншаха. Судя по источнику, это феодал того же ранга, что и сам Амир-Чобан (они заключают договоры, закрепляют их взаимным династическим браком, ссорятся из-за податей и т. п.). «Султан» – феодальный титул из наиболее распространенных. Имя «Феридун», видимо, было достаточно распространено в феодальной среде при Кесранидах, культивировавших староиранские традиции¹²⁸. В интересующее нас время, например, источники не сообщают о ширванских феодалах Хаджи Феридуне и Хаджи Фараморзе, вынужденных после пленения Кауса (1366/67 г.) признать свою зависимость непосредственно от Увейса Джелаирида и платить ему дань¹²⁹.

Итак, интерпретация материала о деятельности Амир-Чобана, обусловленная отнесением ее к середине и третьей четверти XIV в., вполне соответствует установленным историческим фактам.

Закончив рассмотрение обеих выделенных тем, отметим достойный внимания случай хронологической и локальной близости сообщений, восходящих к двум независимым источникам.

Вмешательство шамхала кумухского в династическую распря в Кайтаге, согласно «Хронике М. Хиналугского», непосредственно предшествует правлению Алибека, а потому должно иметь место до 1316–1321 гг.

Распря между князьями Кумуха и Кайтага¹³⁰, которая привела к вмешательству аварских нуцалов и окончилась разгромом Кумуха (начало XIV в.), разумеется, предшествовала этому разгрому.

Если интерпретация источников и хронологические расчеты, изложенные в данной статье, соответствуют действительности, то указанные два события не только сходны по характеру, но близки по месту и по времени.

Поскольку выше доказывалось, что в основе рассмотренных источников лежат устные исторические предания, то, вероятно, оба приведенных сообщения восходят к двум разным циклам этих преданий, отразивших одни и те же события.

Это позволяет соотнести во времени оба ряда событий, установленные выше при анализе обеих тем (об исламизации Аварии и о «деяниях Амир-Чобана»), а также связанного с ними материала источников.

С другой стороны, отождествление вышеназванных событий позволяет предположить, что бежавшие в Аварии кайтагские князья¹³¹ принадлежали к проигравшей стороне Ильча-Ахмеда, который также бежал (в Ширван). Если бы это предположение было доказано, то бегство названных лиц оказалось бы синхронно (или хронологически близко) воцарению Алибека и вступлению нуцалов в войну, что позволило бы еще более уточнить хронологические соотношения обоих рядов.

Данную попытку рассмотреть местные исторические сочинения как источники для изучения истории феодального периода в Дагестане хотелось бы завершить некоторыми выводами.

1. Интерпретация материала письменного памятника во многом обуславливается определением его характера. Рассмотренные памятники в достаточной степени обладают признаками историко-публицистических сочинений, их окончательные варианты оформились с XVI–XIX вв. Это определяет целый ряд их особенностей, которые следует учитывать в работе с ними.

2. Значительную часть их материала можно рассматривать в совокупности как «свод сведений по истории Дагестана VIII–XIV вв.». Каждое отдельное сочинение содержит большее или меньшее число отрывков (тем) из этого «свода», а потому исторические выводы сколь-нибудь общего характера из такого отдельно взятого сочинения неправомерны. Для работы с текстами рассмотренных сочинений весьма пригодны методические принципы, разработанные Б. Н. Заходером для исследования арабо-персидской географии IX–X вв.

3. Ввиду откровенно публицистического характера этих сочинений классовая позиция их составителей является главным фактором, определяющим подбор материала, его модификации, даже порядок его изложения. Правильная интерпретация их возможна лишь при условии тщательного критического разбора их материала под углом зрения марксистской историографии.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. VII / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1976. – С. 149–183.

¹ *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении Дербенд-наме // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению / Подготовил к изд. О. Ф. Акимовский. – М.: Наука, 1973. – С. 474–475.

² [Происхождение узмиев] // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – С. 1072–1073.

³ Считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить старшего научного сотрудника ИИЯЛ А. Р. Шихсаидова за любезно предоставленные сводные переводы «Основания Аргвани», «Хроники Герейхана», «Хроники Ихрана», «Тарих-Дагестан», «Тарих Абу-Муслим», выполненные им с комментариями и вступительными статьями. Перечисленные работы должны войти в готовящийся к изданию сборник дагестанских исторических сочинений.

⁴ «Сказание об основании аула Аргвани» (рукопись) – перевод сводного текста (со вступительным пояснением и комментариями), выполненный А. Р. Шихсаидовым по рукописям РФ ИИЯЛ (Ф. 1. Оп. 1. № 404. Л. 26–29; Д. 378. Л. 66–56, 7а–66; № 2646. Л. 166–176) с привлечением рукописи из частной коллекции и перевода подполковника А. Я. Чернышева (*Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). – СПб.:

- Тип. А. Хомского, 1895. – С. 209–222, приложение: Предание о происхождении чеченцев).
- ⁵ Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность Ф. И. Зейналову за перевод данного сочинения с турецкого.
- ⁶ В изложении событий до конца XVI в. «История уцмиев» не является самостоятельным источником, а дает лишь подборку сведений из «Дербендаме», «Происхождения уцмиев» и «Хроники Махмуда Хиналугского». Поэтому мы не рассматриваем ее как источник, но привлекаем для уточнения имен, названий, терминов и т. п. в названных трех сочинениях.
- ⁷ «Разъяснение обстоятельств сейидов селения Истал из прилегающих к Баб ал-Абваб Дербенду» (на турецком языке) // РФ ИИЯЛ. По каталогу А-371.
- ⁸ «Тарих Абу-Муслим» (рукопись) – перевод сводного текста (со вступительным пояснением и комментариями), выполненный А. Р. Шихсаидовым по тексту опубликованному Н.В. Ханьковым (*Khanikoff N. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase // Journal asiatique. – 1862. Ser. 5. T. 20. – P. 82–90*) с привлечением рукописи РФ ИИЯЛ (инв. № 1651) и трех рукописей из частных коллекций.
- ⁹ *Нейматова М. Х.* О некоторых эпиграфических памятниках Ширвана (XIV–XVI вв.) // Эпиграфика Востока: Сборник статей. Вып. XV / Под ред. В. А. Крачковской. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 104.
- ¹⁰ О широком проникновении шиизма в Закавказье в XVI в. и превращении Ширвана в вилайат государства Сефевидов см.: *Петрушевский И. П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. – С. 234, 247.
- ¹¹ «Тарих Абу-Муслим» (рукопись); *Khanikoff N.* Op. cit. – P. 83.
- ¹² Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи / Вступ. П. У[слара] // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1871. – С. 3–30. Пользуясь данным переводом «Тарих-Дагестан», мы исправляли и дополняли его соответственно переводу сводного текста «Тарих-Дагестан», выполненному А. Р. Шихсаидовым с привлечением 14 рукописей и 2 переводов этого сочинения.
- ¹³ Извлечение из истории Дагестана... – С. 6; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 25; *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963. – С. 220; *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская исто-

рическая хроника «Та'рих Дагестан» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении). (Рукопись статьи). – С. 22.

¹⁴ Именованье Мухаммада Рафи по некоторым спискам «сыном» этого кадия есть очевидное недоразумение, возникшее вследствие пропусков в них невнимательными переписчиками слов «...во время...» в приписке.

¹⁵ *Магомедов Р. М.* История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. – С. 147.

¹⁶ О ежегодной поставке Зирихгераном шамхалу 30 мер (киле) пороха (Извлечение из истории Дагестана... – С. 23). Если учесть, что наименьшее из известных значений киле равно 8,3 кг (Иран, с XVI в.), то окажется, что только для нужд шамхала Зирихгеран производил минимум четверть тонны пороха в год. Следовательно, данное сообщение могло появиться лишь в период широкого распространения огнестрельного оружия. Между тем это оружие достоверно засвидетельствовано впервые в истории в начале XIV в. Согласно источникам, армия Тимура не применяла его в Дагестане (конец XIV в.); для Узун-Хасана Ак-Коюнлу (конец XV в.) оно было новшеством и редкостью (*Петрушевский И. П.* Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. – С. 174). Т. к. в Дагестане источники позволяют предполагать его лишь с XVI в., данные о его распространении приведем по сопредельной Грузии: там в XVI в. его имели лишь 4 % воинов, а во второй половине XVIII в. – 38 % (*Чолокашвили К. К.* К истории оружейного производства в Грузии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Тбилиси: [б.и.], 1961. – С. 16). Вряд ли Дагестан того времени имел в этой области существенные отличия.

¹⁷ Вариант барона П. К. Услара не содержал этих слов (Извлечение из истории Дагестана... – С. 20) – ср. соответствующее место в переводе А. Р. Шихсаидова после имени «Амир-Джужфана б. Султа-Алибека».

¹⁸ [Происхождение уцмиев]... – С. 1072.

¹⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – С. 153.

²⁰ [Хроника Махмуда Хиналугского] // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – С. 1073–1077.

²¹ Во всяком случае, «История уцмиев» 1870 г. рассматривает эту «хронику + фирман» как нечто единое (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 10). Хотя она именует Султан-Мухаммеда «шахом Ширвана», однако, это не устраняет несообраз-

ности: в 1456 г. ширваншахм был Халилуллах, в 1466 г. – Фаррух-Ясар и, разумеется, они не имели лакаба «Сефеви».

²² «Хроника» дает два варианта родословной потомков Ильча-Ахмеда. Вариант 1 содержит очевидные несообразности: сыном Оруджа там назван «Ибрахим сын Алибека» (?), а сыном Салбиса – «Асам сын Кака-бека» (?) ([Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1074). Сравнение вариантов 1 и 2 показывает, что сыновья Мухаммеда и Абдулкадыра даны в варианте 1 как цепи их потомков (!), в которые включены и посторонние лица. Принимая во внимание, что вариант 1 дан в описании «деяний» Ильча-Ахмеда I с сыновьями, можно предположить, что имена сыновей и сподвижников последних позже стали материалом для неудачной фабрикация «генеалогического древа» (вариант 1). Вариант 2, охватывающий лишь потомков Мухаммеда, сына Ильча-Ахмеда I, выгодно отличается отсутствием явных противоречий и потому заслуживает анализа. Отметим попутно, что позднейшая попытка создать из вариантов 1 и 2 единую «сводную» родословную, естественно, привела лишь к заведомым ошибкам в показе там 3, 4 и 5-го поколений потомков Ильча-Ахмеда (История происхождения рода уцмиев... – Л. 8–9).

²³ Предложенный Б. Г. Малачихановым метод использования родословных для «привязки» исторических событий к абсолютной хронологической шкале дает, естественно, приблизительные результаты. Они, однако, гораздо точнее многих предлагаемых в местных источниках «дат», расходящихся с истинным временем описываемых событий на 100–400 лет (*Малачиханов Б. Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. (Материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XIV: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 194–195).

²⁴ С одной стороны: 1) родословная заставляет отнести пребывание Ильча-Ахмеда в Ширване примерно ко второй четверти XIV в.; 2) ширваншах – дядя Ильча-Ахмеда носит характерно-кесранидское имя (Кершасп=Гершасп); мало того, по крайней мере после 1345 г. и до падения династии Кесранидов никто из них не носил этого имени; 3) Ильча-Ахмед прибыл в Ширван с четырьмя взрослыми сыновьями, получившими вскоре собственные владения – следовательно, сам он был в годах. С другой стороны: 1) Кершасп наделен чертами Ибрахима I Дербенди (это показал еще Шихсаидов, см.: *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 80); 2) Ильча-Ахмед –

собеседник (следовательно, современник) Тимура, причем последний называет его «молодым человеком». По нашему мнению, эти противоречия легко устраняются, если предположить здесь результат контаминации двух разных исторических преданий (об Ильча-Ахмеде I и его внуке Ильча-Ахмеде II), облегченной, видимо, совпадением имен персонажей. Скорее всего, контаминация произошла еще на стадии их устного бытования, до письменной фиксации их в «Хронике».

²⁵ [Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1076.

²⁶ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.

²⁷ [Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1077.

²⁸ *Эфендиев О. А.* Некоторые сведения о последних ширваншахах Дербендской династии (1500–1538 гг.) // Ближний и Средний Восток. Сборник статей / Под ред. А. И. Фалиной. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 89–90.

²⁹ «Дата разорения селения Курах и Кюры рукой Шайхшаха 917 г. (1511–2 г.)» (Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1968. – С. 18).

³⁰ Поправка дается по «Истории уцмиев» (История происхождения рода уцмиев... – Л. 9).

³¹ *Петрушевский И. П.* Азербайджан в XVI–XVII вв... – С. 247.

³² Что касается всех остальных аулов в их «владении» или «управлении», то сообщения о них в «Хронике» не содержат никаких оснований считать их «вотчинами». Судя по всему, это были условные, временные феодальные пожалования. Только этим можно, например, объяснить получение потоками Мухаммед-бека владения из земель с. Эйхар около Кубы ([Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1077) – эти земли были ранее названы «владением» другого сына Ильча-Ахмеда – Гамзы, брата Мухаммед-бека (Там же. – С. 1074). Условный характер этой группы «владений», возможно, объясняет и отсутствие имен, называемых в «Хронике» «владельцев» в локальных эпиграфических и других источниках.

³³ *Петрушевский И. П.* Азербайджан в XVI–XVII вв... – С. 254–255.

³⁴ Цит. по: *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Указ. соч. – С. 66.

³⁵ [Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1074.

³⁶ Видимо: следует читать: «Ахмед-хан и Эльча-Ахмед-хан».

³⁷ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2... – С. 157.

- ³⁸ «Хроника Герейхана» (рукопись) – перевод сводного текста, выполненный А. Р. Шихсаидовым (ему же принадлежит вступительное пояснение и условное название) по рукописи Отдела восточных рукописей АН АЗССР и двум рукописям частных коллекций.
- ³⁹ «Хроника аула Ихран» (рукопись) – перевод копии текста «о событиях в Дагестане в старые времена», выполненный А. Р. Шихсаидовым (ему же принадлежат и вступительные пояснения, и условное название). Копия содержится в рукописном сборнике «К истории Дагестана. Запись Инкачилау» (РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378. Л. 5 б. – 4 а.).
- ⁴⁰ Мы имеем в виду даты в основной части сочинения, а не в приложенной к нему родословной кадиев с. Куркли.
- ⁴¹ Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XI: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963. – С. 178–179.
- ⁴² Магомедов Р. М. Хронология истории Дагестана. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. – С. 51.
- ⁴³ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2... – С. 126–127.
- ⁴⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – С. 1085–1088.
- ⁴⁵ Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в... – С. 177.
- ⁴⁶ Там же. – С. 181.
- ⁴⁷ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1... – С. 141.
- ⁴⁸ Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в... – С. 180–181.
- ⁴⁹ Магомедов Р. М. История Дагестана... – С. 218–219.
- ⁵⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2... – С. 68.
- ⁵¹ Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Та’рих Дагестан»... – С. 20–21.
- ⁵² Гайдарбеков М. Хронологические выписки по истории Дагестана из арабских источников // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Ч. VII. Л. 6; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1969. – С. 180.

- ⁵³ *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника «Та'рих Дагестан»... – С. 20.
- ⁵⁴ Извлечение из истории Дагестана... – С. 27.
- ⁵⁵ См. его конъектуру: «(северный?)» (Извлечение из истории Дагестана... – С. 20).
- ⁵⁶ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.
- ⁵⁷ История происхождения рода уцмиев... – Л. 3.
- ⁵⁸ Сравнение трех выше названных версий «Деяний Амир-Чобана» убеждает в том, что они не зависят одна от другой, но, видимо, восходят к одному протографу. При этом: 1) ни одна из них не является его копией, ибо составители всех трех сочинений лишь использовали его как материал, каждый в соответствии со своей темой и задачами; 2) сохранение устойчивых словосочетаний («в юные горы» и др.) заставляет предполагать бытование этого протографа в письменном виде еще до 1582 г. (около этой даты было составлено самое раннее из трех сочинений, включающих «деяния Амир-Чобана» – т. е. «Тарих-Дагестан»); 3) большая близость версий 1870 г. и версии 1582 г. может означать как возможность бытования в Кайтаге какого-то списка этого протографа еще во второй половине XIX в., так и большую близость к нему версии 1870 г. сравнительно с версией 1620 г. Выявленные в этих трех версиях общие элементы показывают, что «Происхождение уцмиев» следует протографу «о деяниях Амир-Чобана» в наибольшей степени (добавлены лишь родословная Рустем-Хана в начале и упоминание «потомков Аббаса» в с. Маза в конце; изложение событий в Табасаране и Кумухе сокращено – версия 1870 г. здесь ближе к оригиналу). Отметим, что в материале протографа уже содержится и ссылка на Мухаммеда Рафи, и «вопийание к правоверным» об уважении к потомкам Аббаса и Хамзы (*Малачиханов Б. Г.* К вопросу о хазарском Семендере... – С. 191).
- ⁵⁹ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 17–18.
- ⁶⁰ Там же. – Л. 17–20.
- ⁶¹ Хроника Герейхана... – Л. 2–3.
- ⁶² Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 19–21; Хроника аула Ихран... – Л. 2, 3, 5, 7.
- ⁶³ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073; Извлечение из истории Дагестана... – С. 27–28.
- ⁶⁴ [Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1076–1077.
- ⁶⁵ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 19–21.

- ⁶⁶ Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. – Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. – С. 79–80, 112–113.
- ⁶⁷ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.
- ⁶⁸ Так вслед за профессором Б. Н. Заходером будем называть «отрывки, представляющие собою законченное повествование, неизменно повторяемые в разных текстах в различного рода сочетаниях с различными дополнениями, опущениями, искажениями...». Это «...сравнительно мало изменяющийся материал и значительно более надежный, чем, например, целый отрывок или раздел, ...представляющий собой сочетание “тем” разного происхождения и времени» (*Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 7). Наш подход к рассматриваемым сочинениям близок к методическим принципам Б. Н. Заходера (с необходимыми поправками на специфику нашего материала).
- ⁶⁹ Тарихи Дербенд-наме... – С. 51, 93; Хроника аула Ихран... – Л. 12; следы – Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 11.
- ⁷⁰ Хроника аула Ихран... – Л. 9–11; Извлечение из истории Дагестана... – С. 19–20.
- ⁷¹ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 3–10; если упоминание Черкассии как предпоследнего этапа этого маршрута можно считать «следом» этого варианта, то он отмечается: [Происхождение уцмиев]...; История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков...; Разъяснение обстоятельств сейидов селения Истал.
- ⁷² [Происхождение уцмиев]... – С. 1072; История происхождения рода уцмиев... – Л. 2; Извлечение из истории Дагестана... – С. 12; следы – Разъяснение обстоятельств сейидов селения Истал... – Л. 3; Тарих Абу-Муслим... – Л. 22.
- ⁷³ Тарихи Дербенд-наме... – С. 79–80, 112–113; следы – Хроника аула Ихран... – Л. 9.
- ⁷⁴ Существует версия этого варианта, где вместо «Амир-Чобана» везде фигурирует «Калантар сын Султан-Хайдара». Она столь же тенденциозна, как и вышеизложенный вариант предания, ибо стремится возвысить местного кумухского «святого» (*Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане... – С. 170–171).
- ⁷⁵ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073; История происхождения рода уцмиев... – Л. 2–3; Тарихи Дербенд-наме... – С. 20 – следовательно, этот вариант входил и в предполагаемый протограф «о деяниях Амир-Чобана».

⁷⁶ *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане... – С. 170–175; *Он же.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан»... – С. 18.

⁷⁷ Датировка первого варианта третьей темы менее ясна. Во вставке на полях рукописи 745/1344–45 г., обнаруженной В. В. Бартольдом, речь идет также о войнах «Аргуна» (ильхана, 1284–1291 гг.) в «Дербенде Гурджистане» (Дарьял = Центральный Кавказ?) против «неверных», которым помогают лакзы (*Бартольд В. В.* О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке) // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению / Подготовил к изд. О. Ф. Акимушкин. – М.: Наука, 1973. – С. 236. Прим. 66). Если бы связь этой вставки с соответствующим отрывком «Основания Аргвани» была доказана. То события, лежащие в основе первого варианта третьей темы, пришлось бы «отодвинуть» в 80–90-м гг. XIII в. Пользуясь случаем, благодарю Т. М. Айтберова за указание на этот отрывок, а О. Ф. Иранпура – за его перевод с фарси.

⁷⁸ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. – С. 65.

⁷⁹ Следует отметить, что и третья, и четвертая темы, посвященные распространению ислама, в основе своей обходятся без «Абу-Муслима». Лишь поздние переделки третьей темы привлекают его то как «отца» шейха Ибрагима (Тарих Абу-Муслим... – Л. 22), то как ставленника Амир-Чобана (Тарихи Дербенд-наме... – С. 21), что является уже чисто литературной вольностью, за которой заведомо не стоит никакая историческая связь. Что касается первого варианта четвертой темы, то, как явствует из всего вышеизложенного, именование вождя похода «Абу-Муслимом» не более достоверно, чем «Амир-Чобаном» или «Калантаром». По этой причине мы рассмотрели этот вариант отдельно от пятой и шестой тем, повествующих о деяниях Абу-Муслима.

⁸⁰ Тарих Абу-Муслим... – Л. 19–21.

⁸¹ В этой части изложения наиболее явственна связь «Тарих Абу-Муслима» с «Ахты-наме» (утраченным письменным памятником, содержание которого известно по пересказам Десимона и А.-К. Бакиханова), что отмечал еще профессор В. Ф. Минорский (*Минорский В. Ф.* Указ. соч. – С. 25. Прим. 29).

⁸² О существовании средневекового романа об Абу-Муслиме сообщает В. В. Бартольд (*Бартольд В. В.* Абу Муслим // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VII: Работы по исторической географии и истории Ирана / Подготовили к изд. Е. В. Зеймаль, В. А. Лившиц. – М.: Наука, 1971. – С. 480). Для вступления к «Тарих Абу-Муслим» использовано произведение именно такого рода.

⁸³ Т. М. Айтберов любезно ознакомил нас со своим переводом арабоязычного варианта «Дербенд-наме» из частной коллекции (список 1311/1893–4 г.), где

походом на Кумух после 115 г. хиджры руководит «Абу-Муслим б. Абд ар-Рахман».

⁸⁴ Извлечение из истории Дагестана... – С. 21, 24.

⁸⁵ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 17–20.

⁸⁶ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 17; *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане... – С. 205–206.

⁸⁷ *Малачиханов Б.Г.* О прошлом Аварии. (К материалам по истории Нагорного Дагестана). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1928. – С. 17.

⁸⁸ Извлечение из истории Дагестана... – С. 24.

⁸⁹ Ср.: *Тарихи Дербенд-наме...* – С. 110–111; *Баладзори.* Книга завоевания стран / Текст и перевод с араб. П.К. Жузе. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1927. – С. 17.

⁹⁰ В разных версиях аварского варианта предания об Абу-Муслиме, как мы видели выше, можно проследить оба этих исхода. Не этим ли вызвано «удвоение» образа в письменных сочинениях (Абу-Муслим и Абд-ал-Муслим)? Оригинальное предположение высказал Т. М. Айтберов: «удвоению» могло способствовать наличие двух «святых», связанных именно с этим циклом преданий («могилы» Абу-Муслима в Хунзахе и его же «надгробия» в Кумухе). Около каждой из них сложилась своекорыстная группа клерикалов, причем обе группы непрерывно старались обосновать подлинность именно «своей» святыхни. Попытка компромисса привела к «удвоению» образа Абу-Муслима.

⁹¹ На это указывал еще А. Н. Генко. См.: *Генко А. Н.* Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. 19–23 октября 1937 г. / Под ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 106.

⁹² Здесь мы говорим о сугубо дагестанском материале, не имея в виду ни сочинений последователей Табари (использованных в «Дербенд-наме»), ни беллетризованной биографии Абу-Муслима Хорасанского (открывающей «Тарих Абу-Муслим»).

⁹³ Упоминание об использовании труда Мухаммеда Рафи (с датой 712 г. хиджры/1312 г.) содержат все сочинения, предположительно восходящие к этому протографу («Происхождение уцмиев», «История уцмиев», «Тарих-Дагестан»). Однако ставить вопрос о тождестве труда М. Рафи с этим протографом мешает прежде всего ссылка на этот же труд М. Рафи в «Ахтынаме», пересказы которого не содержат никаких сходных с этим протографом деталей (*Десимон А. Ф.* Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – С. 364).

- ⁹⁴ Извлечение из истории Дагестана... – С. 25; Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 13; Хроника аула Ихран... – Л. 4–5.
- ⁹⁵ Извлечение из истории Дагестана... – С. 24.
- ⁹⁶ Извлечение из истории Дагестана... – С. 20; Хроника аула Ихран... – Л. 2, 5.
- ⁹⁷ Извлечение из истории Дагестана... – С. 21, 24; Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 17–20.
- ⁹⁸ *Бартольд В. В.* [Рец.]: Б.Я. Владимирцов, Чингис-хан // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / Подготовили к изд. С. Г. Кляшторный. – М.: Наука, 1968. – С. 448.
- ⁹⁹ Извлечение из истории Дагестана... – С. 25.
- ¹⁰⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2... – С. 98.
- ¹⁰¹ Мы сознательно отделяем этот отрывок эпитафии, т. к. приводимая там родословная, судя по ее поздней проверяемой части, не вполне надежна (Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2... – С. 167–170). Исследовавший ее Л. И. Лавров указывает на возможность перестановки в части ее, начиная с имени Дугри-Нуцала. Однако имена, хронологически предшествующие Дугри, он объединяет в группу «легендарных нуцалов», указывает на их совпадение с именами в «Тарих-Дагестан» и тем самым признает возможность восхождения обеих тождественных групп имен к единому источнику. Собственно, в эпитафии Сурхая б. Гебека назван еще один Сартан – отец Сураки. Но отнести к нему данную тему «Тарих-Дагестан» нельзя, ибо Сартан в ней изображен, видимо, мусульманином (союз с Каутар-шахом и женитьба на его дочери), в то время как отец Сураки – заведомо «неверный».
- ¹⁰² Извлечение из истории Дагестана... – С. 26–27.
- ¹⁰³ Там же. – С. 25.
- ¹⁰⁴ *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане... – С. 206.
- ¹⁰⁵ Правление Сураки прекращено насильственно, а его сын Байар, не вступив на престол, умер в эмиграции, и лишь Амир-Султан б. Байар б. Сурака вернул престо своих предков – все это заняло время по крайней мере большее продолжительности одного поколения. См.: Извлечение из истории Дагестана... – С. 20–21, 24–25.
- ¹⁰⁶ Сказание об основании аула Аргвани... – Л. 19.
- ¹⁰⁷ На обложке рукописной книги, доставленной в РФ ИИЯЛ из с. Хихита сотрудником ИИЯЛ М.-Р. Мугумаевым. Обратил на нее наше внимание и сделал перевод Т. М. Айтберов, которому выражаем нашу искреннюю при-

знательность. Другой вариант этой записи опубликовал в сокращении А. Р. Шихсаидов (*Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане...* – С. 191). Кстати, его вариант исправляет необоснованное утверждение о «разрушении» Кала-Курейша.

¹⁰⁸ *Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 8–11.

¹⁰⁹ *Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики.* – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975. – С. 169.

¹¹⁰ Сотрудник отдела рукописей ИИЯЛ Х. Омаров любезно сообщил нам имя (Хасан) и дату (703/1303–4 г.), содержащиеся в эпитафии памятника на могиле «шейха» в с. Шири, за что мы ему искренне признательны.

¹¹¹ [Происхождение уцмиев]... – С. 1072, 1073; История происхождения рода уцмиев... – Л. 2; Извлечение из истории Дагестана... – С. 20.

¹¹² [Происхождение уцмиев]... – С. 1072.

¹¹³ Извлечение из истории Дагестана... – С. 11, 18.

¹¹⁴ Извлечение из истории Дагестана... – С. 24; Тарих Абу-Муслим... – Л. 23.

¹¹⁵ Возможность верного знания имен и последовательности предков за 12 поколений сама по себе не вызывает сомнений. Во время сбора полевого материала мы убеждались, что большинство пожилых информаторов хранит в памяти сведения о своих предках до времени Шамиля включительно, а имена своих предков до 6–7 поколения, иногда и более (Согратль). В единичных случаях правильность их сообщений проверялась по эпитафиям. Если это возможно в наши дни, когда родословная не играет роли, то тем более это было возможно для феодальных династий, придававших родословной большее значение.

¹¹⁶ История происхождения рода уцмиев... – Л. 5.

¹¹⁷ На это обратил наше внимание Т. М. Айтберов.

¹¹⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений / Собраны В. Г. Тизенгаузеном, обработаны А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 100–101, 142–143.

¹¹⁹ Сам Б. Г. Малачиханов, используя ту же родословную и тот же метод, получил ошибочные даты исключительно потому, что взял неверную точку отсчета: вместо абсолютно надежного времени Рустем-хана он отсчитывал от первого года самостоятельного правления ширваншаха Афридуна б. Ферибурза (513/1119–20 г.), которого произвольно отождествил с «султаном Феридуном» – современником Амир-Чобана. В ошибочности такой точки отсчета легко убедиться даже исходя из известных Малачиханову данных:

ведь в этом случае Рустем-хан, потомок Амир-Чобана в одиннадцатом поколении, попадает в $(1120 + 25 \times 11) = 1390$ -е гг., т. е. на 2,5 столетия ранее своего действительного времени. Ошибка в расчете способствовала и другим ошибочным выводам Малачиханова, хотя сам его метод довольно верен.

¹²⁰ Отметим попутно, что отсюда следует вывод о довольно позднем (не ранее конца XIV в.) создании предполагаемого протографа «о деяниях Амир-Чобана».

¹²¹ «Хроника» приводит и письма, которыми обменялись обе стороны (цитата приведена оттуда) и «утвердительную грамоту». Хотя нельзя пока высказывать никакого суждения о степени подлинности их текстов, но политическая обстановка того времени, видимо, отражена в них правильно. Согласно «Хронике», письмо с просьбой о согласии было отправлено и шамхалу кумухскому ([Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1075), однако, в отличие от Алибека, шамхал не назван по имени и об ответе его ничего не сказано – он забыт «Хроникой» буквально вслед за отправкой просьбы! Это может либо свидетельствовать, что шамхалы еще не оправались после разгрома Кумуха в начале XIV в., либо быть позднейшим добавлением ввиду постепенного роста значения Кумуха в политической жизни Южного Дагестана.

¹²² [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.

¹²³ [Хроника Махмуда Хиналугского]... – С. 1075–1076.

¹²⁴ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.

¹²⁵ *Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1956. – С. 177, 379.

¹²⁶ [Происхождение уцмиев]... – С. 1073.

¹²⁷ История происхождения рода уцмиев... – Л. 3.

¹²⁸ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. – С. 177–178.

¹²⁹ *Али-Заде А.А.* Указ. соч. – С. 379. Для нашей цели достаточно доказать лишь факт бытования имени «Феридун» у феодалов Ширвана второй половины XIV в. Заметим, однако, что если бы было доказано тождество «султана Феридуна» и Хаджи Феридуна, то это уточнило бы некоторые стороны сообщения источников. Так, с большим основанием можно было бы отнести данный единичный факт сбора Амир-Чобаном податей с северных территорий Ширвана «до Шемахи» к 1366 – 67 г., когда Ширван был временно лишен центральной власти. Стала бы понятной и большая самостоятельность «султана Феридуна», ведущего войны и заключающего договоры, и даже его ссора с Амир-Чобаном «относительно податей и налогов».

¹³⁰ Извлечение из истории Дагестана... – С. 25.

¹³¹ Там же.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ В БАССЕЙНЕ КАРАКОЙСУ*

На следы выплавки железа (железные металлургические шлаки) в районе Ругуджа – Куяда впервые в археологической литературе указал Д. М. Атаев¹. Он же предположительно отнес их к средневековой эпохе.

Позже многие местонахождения подобных шлаков были выявлены и уточнены краеведом А. Кичевым из с. Согратль. В 1971 и 1973 гг. он обследовал территорию между с. Согратль и р. Каракойсу, пересек ущелье ее западного притока – речки Беџ-Гџор и поднялся вверх по Хидибскому притоку последней, пройдя в общем около 150 км. На этом маршруте Кичевым были обнаружены железные шлаки («мукъур», «къаркъуш» на местном диалекте) – от россыпей до «холмов высотой в несколько метров» (с. Унти, с. Кула, хут. Ахнада, местности Хъархъиль, Сулела КџКџал, Росониб, Оцол Милгъахъ); выходы железной руды (местности Тџогъохъ, ГадиГала, Сеседа КџКџал, хут. Хидиб); то и другое вместе (с. Наказух, с. Бацада, местности Къебельул КџКџал и ДибирГџамал). Он же обратил внимание на характерную топонимию: Махх бахъулеб къуру – «Скала, где добывают железо», Пири речЧџулеб къуру – «Скала, в которую бьет молния» (обе у с. Наказух), Къаркъушалъул гохџ – «холм шлака» (у с. Кула), Маххул нохъо – «Железная пещера», Къебельул кџКџал – «Ущелье кузнеца» (по Хидибскому притоку) и т. п. названия². Позже А. Кичев обнаружил скопление металлургического шлака в местности Лъогџоб у с. Согратль.

В августе 1974 г. автор настоящей статьи вместе с М. Ахдухановым, М. Газичиловым, А. Махмудовым, пройдя от с. Кула в ущелье Беџ-Гџор, поднялись по правому берегу ее основного русла до заимки охотинспектора М. Ибрагимова, находящейся примерно в 2–3 км от хутора Чохолда, на левом берегу Беџ-Гџор. Основной нашей целью были поиски материала, датирующего следы местной металлургии (рис. 1).



Рис. 1. Следы средневекового железодельного производства в бассейне р. Каракойсу.

а – выход железных руд; б – находки железных шлаков; в – маршрут археологической разведки.

1 – хутор Ахнада; 2 – Хъархиль; 3 – Сулела КІкІал; 4 – Росониб; 5 – ТӀогъохъ; 6 – ГадигІала; 7 – Сеседа-Кал (Сеседа-КІкІал); 8 – хутор Хидиб; 9 – Къебельул КІкІал; 10 – ДибиргІамал; 11 – дом охотинспектора.

В с. Кула россыпь обломков шлака и железной руды была обнаружена прямо на улицах. Хотя существует предание, что в Корода, Кула и Наказухе выплавляли железо еще при Шамиле³, однако старожилы⁴ Кула твердо заявили, что о времени образования шлаков они ничего сообщить не могут. Они же указали выход рудной жилы (на месте нынешнего склада детских яслей) и сообщили о наличии шлаков на хуторе Гъорода, в местностях Гордаль (у лесхоза) и Тамарил-хоб.

В свою очередь, в ущелье р. Беци-гӀор, ниже заимки охотинспектора, нами было обнаружено значительное скопление шлаков.

Итак, следы былой железной металлургии прослеживаются по обеим сторонам р. Каракойсу в ее среднем течении, на территории, ограни-

ченной ее притоками – Согратлинской речкой на востоке и пределами бассейна БеџI-Гор на западе. Достаточно твердо установлены лишь восточная и южная границы этого металлургического района по линии Ругуджа – Унти – Согратль – Наказух. Расспросные и иные сведения дают основание предполагать, что этот район уходит далее на северо-запад.

Рудной базой здешней металлургии были местные залежи железных руд. Геолог Ч. М. Халифа-Заде, производивший съемку в этом районе в 1959 г., обнаружил значительные залежи сидеритовых руд к западу от с. Ругуджа⁵. Рудные образцы, собранные нами, были переданы в Институт нефти и химии (Баку) и определены как гидрогетиты и лимониты⁶. Все названные выше минералы относятся к группе бурых железняков. Несмотря на невысокую концентрацию железа (20–25%)⁷, бурые железняки являлись обычным сырьем для древней и средневековой металлургии.

Обнаруженный материал дает некоторое представление и о технологии выплавки железа. Металлургический шлак насыщен вкраплениями породы, древесных угольков, а также частиц руды, криц (нередко даже отклоняет стрелку компаса). По утверждению А. Кичева, этот шлак значительно тяжелее, чем современный кузнечный шлак⁸. Относительная тяжесть железных шлаков считается характерной для сыродутного способа выплавки железа⁹. О последнем непреложно свидетельствуют многочисленные обломки глиняных сопел, находимые вместе со шлаками (внутренний диаметр канала 3,5–4 см, тесто сильно отощено обильной примесью мелкого кварцевого песка, очевидно, для повышения жароупорности)¹⁰. Анализ шлаков не производился. Остатков горнов или домниц не найдено.

Следует принять к сведению записанное А. Кичевым сообщение жителя с. Кула Ахмедова Магомеда (из потомственных кузнецов) о способе выплавки железа по рассказам его предков: «...железную руду, смешанную с древесным углем, засыпали в сильно разогретую яму и через глиняные сопла с помощью мехов вдували воздух и поддерживали там нужный жар. В результате такой трудоемкой работы получали кусок железа, достаточный для изготовления одного молотка или 3–4 подков»¹¹.

Некоторое представление о масштабах и продолжительности выплавки железа в многочисленных пунктах металлургии среднего течения Каракойсу дает обследованное нами на южном склоне ущелья БеџI-Гор скопление шлаков. Оно представляет собою осыпь, начинающуюся несколько ниже бровки естественной террасы, вниз от сеновала охотин-

спектора. Примерно 15 м ниже своего верхнего края осыпь пересекается горизонтально проходящей дорогой, имея на этом уровне ширину около 20–25 м. Далее вниз она ниспадает по склону более чем на 300 м, постепенно расширяясь и приобретая в плане очертания треугольника (замеры шагами производил М. Ахдуханов, преподаватель истории Сограглинской средней школы).

Шлаковая осыпь слабо задернована и покрыта густым мелколесьем. Ниже дороги нами была сделана попытка прорыть этот слой сплошного шлака до основного грунта, дабы определить мощность слоя, однако на глубине около 1 м (по вертикали) все еще шел сплошной шлак, и работа была прекращена.

Было совершенно очевидно, что сбрасывавшие шлак вниз плавильные сооружения функционировали довольно долго и располагались на террасе, а потому она была обследована.

Естественная терраса находится приблизительно на 700 м выше речки Беці-Гюр на южном склоне ущелья, полого ниспадая к востоку. На поверхности террасы, непосредственно над шлаковой осыпью, различимо обширное неровное пологое возвышение. В размывах склонов последнего наблюдались угольки, обломки костей крупного и мелкого рогатого скота, шлака, и были собраны обломки керамики – светлой красноглиняной, ровного и сильного обжига, со следами светлого ангобирования, иногда с полосами малинового ангоба; один фрагмент принадлежал крупному толстостенному штрихованному сосуду. Весь этот подъемный материал, очевидно, соответствует верхнему слою возвышения.

Было очевидно, что это возвышение сформировалось из культурных отложений в период бытования на террасе как плавильных, так и связанных с ними сооружений. Видимо, строительный камень последних был отчасти использован для строительства (на этом же возвышении) дома и хозяйственных построек усадьбы охотинспектора, но прежние строительные остатки кое-где прослеживаются донныне.

Заметив обнаженную размывом верхнюю часть кладки (ряд грубо обработанных камней протяженностью около 1 м), обреченную на разрушение последующими ливнями, мы заложили рядом шурф 1х1 м так, чтобы одновременно была обнажена кладка, верх которой служил для нас репером.

Материк (светлый суглинок со щебнем) был достигнут на глубине 1,5 м, основание кладки – на глубине 1,8 м. Культурная толща четко распада-

лась на два слоя. Нижний (глубина от 1,6 м до 1,2 м) состоял из местами обожженного суглинка со щебнем с крупными кусками железа. Сходство грунта данного с материковым, его слабая гумусированность заставляют предполагать, что указанный слой сформировался за относительно короткий срок. Уровень 1,2 м был, очевидно, некоторое время дневной поверхностью. На нем в шурфе были обнаружены три крупных обломка керамики, по-видимому, тарной: 1) красноглиняный, слоистый, грубо заглаженный черепок лепного сосуда; 2) красноглиняный, с серой прослойкой в изломе; 3) сероглиняный, с полосчатым лощением поверхности и врезным линейным орнаментом.

Верхний слой шурфа (до глубины 1,2 м) представлял собой завал крупных, едва обработанных камней и их обломков вместе с кусочками шлака, грунт сильно гумусирован. Последнее обстоятельство заставляет предполагать, что верхний слой складывался в течение продолжительного времени. Этому слою соответствует упоминавшийся подъемный керамический материал, собранный в размывах.

Нижний слой шурфа хронологически безусловно соответствует началу выплавки железа на террасе. Конец образования этого слоя приблизительно датируется найденными в шурфе на границе верхнего и нижнего слоя тремя обломками керамики (см. выше) – то есть концом I – началом II тысячелетия н. э., но не позже XIII в.

О продолжении выплавки железа в период складывания верхнего слоя шурфа можно говорить лишь предположительно, несмотря на содержание в нем шлака, ибо не исключена возможность, что последний был постепенно нанесен с вышележащих участков террасы. Но соответствующий верхнему слою подъемный керамический материал, датируемый XIV–XV вв. (причем датировку можно расширить до средневековья, т. е. до XVI–XVII вв.)¹², в любом случае свидетельствует об обитаемости террасы в указанный период. Сопоставление с этим фактом незаурядной мощности шлаковой осыпи при слабой ее задержанности дает основание предполагать, что выплавка железа на террасе продолжалась и в отмеченный период.

Итак, начало выплавки железа на исследованных памятниках в ущелье Беци-Гюр следует искать в интервале: конец I тысячелетия н. э. – XIII в.

Пытаясь датировать конец существования описанного очага металлургии, уместно вспомнить мнение Д. М. Атаева, заметившего, что

поскольку о металлургическом производстве в данном районе нет упоминаний в письменных источниках, то прекращение его должно было произойти до начала непрерывной фиксации в них событий истории Дагестана (последнее надо, по-видимому, отнести к рубежу XVI–XVII вв.)¹³. Таким образом, верхним пределом выплавки здесь железа следует считать XVI в. – это, кстати, с очевидностью согласуется и с наиболее поздним керамическим материалом из культурных отложений на террасе БецI-гIор.

Любопытно сопоставить с такой датировкой собранные А. Кичевым¹⁴ в с. Наказух, Бацада, Кула и прилегающих к ним хуторах предания, согласно которым железо выплавлялось здесь 15 поколений тому назад. Если принять одно поколение за 25–30 лет, то окажется, что и предания относят верхний предел местной металлургии к XVI в.

Есть основания считать, что угасание металлургического очага означало исчезновения связанных с ним ремесел в среднем течении Каракойсу. Лежащие по ее правому притоку с. Согратль¹⁵, Чох, Гамсутль¹⁶ издавна являлись центрами металлообработки и оружейного дела.

Расположенная в северо-западной части описанного района Куяда¹⁷ также издавна и до самого последнего времени¹⁸ была центром выделки холодного оружия и металлообработки вообще, удовлетворявшим нужды жителей сопредельных территорий во всевозможных видах железных изделий¹⁹.

Уместно отметить, что Б. Малачиханов прослеживал участок «великого пути через горы» от Чоха до Чечни именно через Куяда (далее Гидатль – Ассаб – Карата – Ичичали)²⁰, то есть гораздо западнее современного маршрута (Карадах – Хунзах – Тлох). Наличие в Куяда крупного центра металлообработки (предполагающего и соответствующие рыночные связи) делает более понятным описанное направление «пути народов», далеко превосходившего по своему значению местные масштабы.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Материалы по археологии Дагестана. № 9: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. (Тематический сборник) / Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 231–237.

¹ *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. – Махачкала:

[ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963. – С. 225–226.

- ² Весьма содержательную статью – отчет об этих разведках А. Кичев опубликовал в газете «БагIараб байрахъ» (*Кичев Г. Къиматаб хIалтIи // БагIараб байрахъ.* – 1974. № 61. – С. 4). Ниже мы не раз обратимся к этой статье. Выражаю искреннюю признательность выпускнику ДГУ М. Газичилу за перевод последней на русский язык.
- ³ Информатор Г. Кичев (отец А. Кичева) 73 л. Запись 1974 г., с. Согратль.
- ⁴ Информаторы У. Магомедов 92 л., И. Гаджиева 74 л., И. Амичов 80 л., З. Муртазалиева более 90 л. Запись 1974 г., с. Кула.
- ⁵ *Халифа-Заде Ч. М., Аббасова С. М.* Сидеритовые залежи Дагестана. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 14, 61. Судя по их схеме, залежь локализуется к северу от бассейна БецI-Гюр, охватывая всю территорию Уралинского сельсовета (Куюда).
- ⁶ Приношу свою глубокую благодарность профессору А. З. Везир-Заде, определившему образцы, и аспиранту В. М. Харитонову.
- ⁷ *Халифа-Заде Ч. М., Аббасова С. М.* Указ. соч. – С. 90.
- ⁸ *Кичев Г.* Указ. соч. – С. 4.
- ⁹ *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан... – С. 226. Прим. 36.
- ¹⁰ Два почти целых сопла из с. Наказух хранятся в краеведческом музее средней школы с. Согратль.
- ¹¹ *Кичев Г.* Указ. соч. – С. 4.
- ¹² Приношу свою глубокую благодарность археологам ИИЯЛ А. И. Абакарову, М. Г. Гаджиеву, М. Г. Магомедову за консультацию в датировке керамического материала.
- ¹³ *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан... – С. 226.
- ¹⁴ *Кичев Г.* Указ. соч. – С. 4.
- ¹⁵ *Асиятилов С. Х.* Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XVII: Серия общественных наук / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1967. – С. 185. Кроме того, информатор Г. Кичев сообщил об изготовлении в Согратле в прошлом не только холодного оружия, но и ружейных стволов. Запись 1973 г.
- ¹⁶ *Кильчевская Э.* Аварское ювелирное искусство // Искусство Дагестана: Сборник / Сост. Н.П. Воронкина. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1965. – С. 104–105.

- ¹⁷ Куяда – совокупность около 40 хуторов на площади 3х8 км с сельсоветом в хуторе Урала. См.: *Исламмагомедов А. И.* Из истории материальной культуры аварцев. Поселения и жилища в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1965. – С. 67.
- ¹⁸ *Атаев Д. М.* Нагорные средневековые могильники Аварии // Материалы по археологии Дагестана. Т. II / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1961. – С. 239. Прим. 32. Приводится предание о расцвете металлообработки в Куяде в период перехода куядинцев в ислам, т. е., по видимому, в XIV–XV вв.
- ¹⁹ *Асиятилов С. Х.* Указ. соч. – С. 185–186.
- ²⁰ *Малачиханов Б. Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. (Материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XIV: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 185–187.

ДАГЕСТАН XIII–XIV ВЕКОВ ПО СООБЩЕНИЯМ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ*

Настоящая статья представляет собой попытку выделить из материала наиболее известных арабских и персидских письменных источников XIII–XIV вв. факты по истории Дагестана этого периода, систематизировать последние и на их основе осветить некоторые вопросы, связанные с татаро-монгольским господством в Дагестане и его последствиями для экономической, общественной и политической истории Страны гор.

Употребление источниками термина «Лекзистан»¹ для обозначения по меньшей мере нынешнего Нагорного Дагестана говорит об исторически сложившейся к этому времен территориальной общности на Северо-Восточном Кавказе, четко отделяемой от Ширвана, Дешт-и-Кипчака и других сопредельных земель – явление, неизвестное в предшествующий период.

Плоскостной Дагестан многие источники считают до самого Дербента частью Дешт-и-Кипчак, т. е. южнорусских степей и Казахстана. Однако ряд персидских источников относит прикаспийскую плоскость до Дербента к Дешт-и-Хазар, никогда не смешивая ее с Дешт-и-Кипчак.

Существование в этот период на территории нынешнего Дагестана некоей исторически сложившейся территориальной общности делает правомочным вычленение из связного хода событий на Восточном Кавказе XIII–XIV вв. тех моментов, которые локально связаны с указанной территорией и рассмотрение их роли в ее историческом развитии. Это же обстоятельство определяет локальные рамки нашей работы: Лекзистан (точнее, его предгорья), Дербент и простирающаяся к северу от него Дешт-и-Хазар до долины р. Терека включительно.

Хронологические рамки работы были определены с учетом того, что 1) началу монгольского господства в Дагестане, в особенности же завоевательным действиям монголов, уделено уже достаточное внимание

исследователей, основательно обработавших имеющийся исторический материал – последующий же период исследован заметно слабее; 2) факты истории Дагестана XIII–XIV вв. излагаются в письменных источниках преимущественно и связи с хулагидско-золотоордынским соперничеством на Восточном Кавказе: ход борьбы обоих чингизидских государств (и связанный с ней материал по истории Дагестана) источники дают между 1261 и 1357 гг., что естественно определяет рамки нашей работы во времени.

К 1261–62 г. относится первый открытый конфликт между государством Хулагидов и Золотой Ордой: золотоордынские отряды, принимавшие участие в завоевании Ирана под командованием Хулагу, покинули ряды ильханской армии. Небольшая их часть перешла во враждебный ильханам Египет, остальные прорвались в улус Джучи – либо через Хорасан, либо через Дербент.

Содержащий наиболее полные сведения об этом событии исторический труд Рашид-ад-Дина сообщает, что все три командира этих золотоордынских отрядов – царевици Балакан (Балага) сын Шейбана, Тутар сын Бувала и Кули сын Орды (все трое – внуки Джучи и племянники Бату) – при разных обстоятельствах были умерщвлены в улусе Хулагу³; однако домочадцам Балакана и Кули удалось из Ирана бежать морем в Дербент, на территорию Золотой Орды⁴. Об оценке этого инцидента современниками можно судить по словам Рашид ад-Дина: «...когда родственников его (*Берке – А. К.*): Тутара, Балагу и Кули, постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Берке) появились вражда и озлобление, которое с каждым днем все усиливалось»⁵.

Это было внешним поводом последовавшего вскоре (1262 г.) столкновения, открывшего почти столетие в основном враждебных отношений между обоими чингизидскими государствами, сопровождавшихся военными действиями на равнине между Терекон и Курой, прерывавшихся периодами непрочного мира.

Соответственно переходу инициативы (военной и политической) от одного из этих государств-соперников к другому в течение упомянутого столетия можно выделить три периода: 1262 г. – 70-е гг. XIII в. – инициатива в руках Золотой Орды, 70-е гг. XIII в. – 1318 г. – она переходит к Хулагидам, 1318 г. – 1357 г. – инициатива опять у Золотой Орды.

Проявления этой инициативы со стороны золотоордынцев носили в основном военный характер (походы с целью завоевания – впрочем,

неудачные) ввиду территориальных претензий Джучидов; активизация Хулагидов находила выражение преимущественно в политических и экономических мероприятиях.

Подробный разбор причин и хода ильхано-золотоордынской борьбы на Восточном Кавказе в монографии А. А. Али-Заде⁶ избавляет нас от необходимости детального изложения событий и позволяет перейти к выяснению, в какой мере моменты этой борьбы коснулись непосредственно Дагестана (в очерченных выше рамках).

1262 г. – 70-е гг. XIII в.

Начало первого периода военной активности Золотой Орды отмечено движением в августе 1262 г.⁷ через весь равнинный Дагестан за Дербент 30-тысячного отряда под командованием Ногая. В декабре разбитый в Ширване отряд Ногая отступил к Дербенту, преследуемый армией Хулагу, один только авангард которой составляли три тумана. 8 декабря Ногай, надеясь задержать противника, принял бой у Дербента, но не смог удержать крепости. В течение недели золотоордынцы вели арьергардные бои, затем Ногай быстро отступил за Терек. В погоню Хулагу послал семерых своих эмиров во главе с сыном Абагой, оставшись по правую сторону Терека. Судя по материалу источников этого периода, эмир чаще всего командовал туманом: тогда приблизительная численность ильханской армии, прошедшей через дагестанскую плоскость за Терек – около 70 тысяч всадников, что вполне соответствует ее 30-тысячному авангарду. За Тереком это войско уничтожило кочевья золотоордынцев, но в феврале 1263 г. был разбито огромной армией последних (согласно источнику, Берке при ее создании мобилизовал «из каждого десятка по 8 человек»⁸, все же цифру в 600 тысяч, которую дает Ибн Васыл⁹, следует признать фантастической). Отступая через Терек, многие хулагидские воины провалились под лед и погибли. Огромная армия Берке, преследуя противника всю плоскость до Куры, а затем вернув себе Дербент, возвратилась в Дешт-и-Кипчак.

Следующая кампания 1265 г.¹⁰ началась после смерти Хулагу движением через дагестанскую плоскость за Дербент авангарда Ногая (не менее тумана) и Ясунтая (около 50 тысяч всадников)¹¹. Вскоре тем же путем проследовала основная армия Берке в 300 тысяч всадников¹². Потерпев неудачу в Азербайджане, часть остатков золотоордынских войск возвра-

щается через приморский Дагестан – по некоторым сведениям¹³, вместе с большим Берке, умершим близ Терека.

Несмотря на поражение, Дербент, по всей видимости, остался за Золотой Ордой. Во всяком случае, Абага-хану пришлось организовать строительство на левом берегу Куры оборонительной стены «Сибех» (валы и рвы)¹⁴ – вряд ли в этом была необходимость, если бы Хулагиды укрепились в Дербенте. С другой стороны, египетские авторы, перечисляя владения, унаследованные Менгу-Тимуром от Берке, единогласно относят к ним и «Железные Ворота с тем, что к ним прилегает»¹⁵.

Вместе с тем в исследованиях отмечалось сообщение Рашид ад-Дина о поручении Абагой своему брату Юшумуту командования охраной азербайджанских земель с передачей ему во владение пограничных областей Дербента и Аррана. Однако назначение Юшумута состоялось до победоносной войны 1265 г., когда Дербент безусловно был в руках золотоордынцев¹⁶.

Сведения источников о событиях на Восточном Кавказе в период правления Менгу-Тимура весьма скудны и противоречивы. Большинство источников говорит о продолжении враждебных отношений, глухо упоминая о военных стычках¹⁷. При этом и египетские, и персидские источники сходятся в том, что преимущество в это время было на стороне Хулагидов¹⁸. Их военное превосходство и отлив золотоордынских военных сил с Восточного Кавказа¹⁹ оказались, видимо, условием кратковременного затишья на Прикаспийской равнине. В то же время военно-политическая инициатива постепенно перешла в руки Хулагидов. По этому поводу Рашид ад-Дин сообщает: «...они (*Менгу-Тимур и Абага – А. К.*) несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов они в году... в силу крайней необходимости заключили мир... С той поры они оставили споры до времен Аргун-хана...»²⁰. Вассаф добавляет: «Эта вражда была постоянной и продолжительной, а избегание между обеими сторонами оставалось до времен царствования Гейхату-хана»²¹.

Итак, подводя итоги окончившемуся периоду военной активности Золотой Орды, следует отметить, что хотя в основном военные действия велись к северу от Куры, а Дагестан вовсе не был целью ильханских походов, все же, согласно источникам, его равнинную часть на протяжении примерно десяти лет 6 раз пересекали многотысячные конные армии, к северу от Дербента велись бои, а сражение 1263 г. на Тереке было одним из крупнейших за все время хулагидо-золотоордынской борьбы.

Заслуживают внимания и сообщения источников о кочевьях золотоордынцев в 1262–1263 гг. на левом берегу Терека²² и о пребывании кочевья Ногая в 1264 г. непосредственно у «гор Лекзистана»²³ – факты хозяйственного использования кочевниками дагестанской плоскости.

Наконец, источники отмечают, что еще во времена Берке золотоордынцы учитывали оборонительное значение Дербентских укреплений: «Берке сын Туши, сына Чингиз-хана, монгол, царь Кипчака... Между ним и Азербайджаном находятся Железные Ворота в известном ущелье (Дербентском – прим. *Тизенгаузена*). Это большие закрывающиеся ворота между двумя государствами, вверенные охране знатного эмира»²⁴. Итак, начало золотоордынских мероприятий по охране Дербентской преграды также относится к первому периоду борьбы чингизидских государств.

70-е гг. XIII в. – 1318 г.

Второй период их соперничества начался в 70-х годах XIII в. в обстановке вынужденного перемирия и натянутых отношений, удачно определенных современником как «избегание». Однако перемирие сделало возможным для ильханов удачные дипломатические действия. В 1277/78 г., когда Менгу-Тимур вел войну с аланами, ильханский сахибдиван (второе лицо в государстве) Шамс ад-дин Джувейни «...направился в Дербенд, к горе Эльбрус и в Лекзистан, и добрыми мероприятиями привел к повиновению те народы, которые ни в какие времена никому не подчинялись»²⁵. Итак, влияние Хулагидов распространилось на Южный Дагестан, и, вероятнее всего, на Дербент. Одновременно отмечается некоторое экономическое оживление в пограничной полосе: после постройки стены «Сибех» «...с обеих сторон стали опять ходить караваны туда и обратно»²⁶, сообщение источника за 1288 г. говорит как о наличии в Дербенте «уртаков и купцов», так и свидетельствует об ильханском контроле над ним.

Вот это сообщение: в 1288 г. золотоордынец «Тама-Токта-Мурад с 5 тысячами всадников прошел Дербенд и ограбил всех уртаков и купцов», однако отряд скоро отступил, избежав столкновения с армией Аргунхана²⁷.

В марте 1290 г. несколько больший золотоордынский отряд вновь вторгся в Ширван. Против него выступили основные силы ильхана Аргуна. По-видимому, убедившись в несерьезности угрозы, ильхан ограни-

чился посылкой авангарда для преследования противника. По неясным причинам первое столкновение ильханского авангарда с отступающими золотоордынцами произошло лишь через месяц: «...авангард войска (его) столкнулся (с неприятелем) на берегу реки Карасу, что по ту сторону Дербенда»²⁸ (т. е. к северу – на территории Дагестана). По оценке Рашид ад-Дина, силы золотоордынцев составляли около одного тумана. Что касается их противника, то, по сообщению источника, ильханский авангард состоял из отрядов трех равных по рангу эмиров, причем в подчинении у одного из них назван тысяцкий. Следовательно, каждый из эмиров имел под своим началом военную часть крупнее «тысячи» – вернее всего туман, а общая численность авангарда достигала трех туманов (обычная величина авангарда, судя по источникам). Итак, в отличие от первого ильхано-золотоордынского сражения на территории Дагестана в 1263 г., где с обеих сторон действовали огромные массы войск, во втором сражении на дагестанской плоскости, в 1290 г., участвовало в общем менее 40 тысяч воинов (1 туман золотоордынский + 3 тумана хулагидских, причем едва ли они достигали полного комплекта в 10 тысяч после пяти недель военных действий).

Кампании 1288 и 1290 гг. с очевидностью отличаются от всех предыдущих (а также последующих) золотоордынских походов, имевших целью полный или частичный захват Азербайджана (чего, впрочем, они никогда не достигали), возглавлявшихся ханами, производившихся силами многочисленных армий, опиравшихся на ресурсы всего Золотоордынского государства, иногда вместе с его вассалами.

В отличие от них, походы 1288 и 1290 гг. были набегами, предпринятыми сравнительно небольшими силами с целью захвата добычи; их не возглавляли члены царствующего дома; опирались они на ограниченную локальную базу (последнее мы постараемся обосновать).

Допуская предположение, что их инициаторы рассчитывали воспользоваться внутривосточными неурядицами в Иране, не следует забывать, что и Золотая Орда являла аналогичную картину²⁹ – всевластие Ногая, раскол верхушки на две враждебные партии, приход Токты к власти в 1290 г. по трупам царевичей-потомков Бату, а потому инициатива золотоордынских верхов в набегах 1280 и 1290 гг. весьма маловероятна.

Нельзя также принять отождествления Тама-Токая (Тама-Токта-Мурада), фигурирующего среди предводителей обоих этих набегов, с Токта-ханом.

Личность Тама-Токтая и связанные с нею исторические обстоятельства заслуживают рассмотрения.

Отец Тама-Токты, Балакан (Балага) сын Шейбана, племянник Бату и внук царевича Джучи упомянут в начале данной статьи как один из трех царевичей-джучидов, трагически погибших в улусе Хулагу. Согласно академику Б. Я. Владимирцову, монгольская феодальная верхушка состояла из двух ступеней: «царевичей» (чингизидов) и «ноянов» (нойонов)³⁰. Если в нойоны можно было выдвинуться в процессе службы, то «золотой род» чингизидов был совершенно закрыт для «выскачек»: чингизидом можно было только родиться³¹. Таким образом, Тама-Токтай по рождению принадлежал к «царевичам» – высшей ступени монгольской аристократии.

Рашид ад-Дин, указав его в родословии Джучи, добавляет: «Этого Токдая называют также Муртад (Мурид)-Токдай или Тама-Токдай; зимовья его находятся около реки Терека, у Дербенда. Уже долгое время как он стоит во главе сторожевой рати (лашкар-и-караул). У него три сына: Бақырча, Кунчек и Джаукан»³².

Поручение Тама-Токте – «царевичу» и ханскому родственнику – защиты Дербента и всей территории до Терека показывает, что монголы придавали этому пограничному району важное значение. Весьма вероятно, что приведенные нами выше слова аз-Захаби о «знатном эмире» (охране которого вверены Железные Ворота) относятся к Тама-Токте; тогда следует допустить, что он был назначен в Плоскостной Дагестан еще при Берке (с этим хорошо согласуется указание Рашид ад-Дина на «долгое время» его службы у Дербента). Это могло произойти вскоре после бегства Тама-Токтая вместе с семьями Балакана и Кули в 1261 г. из Ирана, где был казнен его отец. В этом случае поручение Тама-Токтаю Дербента становится еще более понятным: кроме родственной близости к хану, Тама-Токтай является кровником Хулагидов, казнивших его отца, что должно было побудить его в случае необходимости сражаться с ними не за страх, а за совесть. С другой стороны, Тама-Токтай вернулся в Золотую Орду 20 лет спустя после завоевания Джучидами ее основной территории, когда лучшие владения были давным-давно поделены между членами «золотого рода» чингизидов и военными предводителями. Поэтому вполне понятно получение Тама-Токтаем территории Плоскостного Дагестана, пограничное положение которого обязывало к постоянной

военной бдительности, но едва ли сулило значительные доходы из-за постоянных разорительных нашествий.

За несение пограничной службы Тама-Токта получил «зимовья» (т. е. зимние пастбищные участки) на равнине между Терекком и Дербентом. Предоставление пастбищ в качестве лена, кстати, хорошо согласуется с традициями монгольского кочевого феодализма³³. Указанное сообщение Рашид ад-Дина можно рассматривать как первое свидетельство письменных источников о наличии на территории Дагестана феодальной собственности на пастбища. Данное свидетельство становится особенно примечательно, если сопоставить его с обстоятельно разработанным в монографии Р. М. Магомедова положением, согласно которому именно собственность феодала на пастбища была основой феодальных отношений в ханствах Горного Дагестана вплоть до XIX в.³⁴

Как установил академик Б. Я. Владимирцов, «царевичи» пользовались правом относительного иммунитета, которого были совершенно лишены «нояны»³⁵. Тама-Токта, будучи «царевичем»-чингизидом, очевидно, также располагал правом относительного феодального иммунитета. Косвенным доказательством, подкрепляющим этот вывод, являются, на наш взгляд, оба похода-набега 1288 г. и 1290 г., обладающие яркими чертами самостоятельного (негосударственного) феодального военного предприятия и возглавленные в обоих случаях Тама-Токтаем.

Довольно значительное место Тама-Токты в золотоордынской верхушке ярче всего проявилось, как нам кажется, во время междоусобной войны Ногай против Токта-хана. Еще до начала этой войны в 1298 г. Ногай называл Тама-Токту в числе трех своих злейших врагов, выдачи которых он ультимативно требовал у хана, угрожая в противном случае войной, несмотря на происхождение Тама-Токты от Джучи и родство его как с ханом, так и с самим Ногаем (они были троюродными братьями; два других «врага» были простолюдины – «караджу», выслужившиеся в эмиры)³⁶. С другой стороны, Токта-хан расценивал участие монгольского наместника Дагестана в борьбе на его стороне как значительный фактор победы³⁷.

Итак, в 60-х гг. XIII в. золотоордынские ханы создали на дагестанской плоскости владение, напоминающее пограничный округ, а Дербент превратили в пограничное укрепление, охраняемое особой «сторожевой ратью» (лашкар-и-караул). Во главе этого округа долгое время стоял влиятельный член ханского рода Тама-Токта, связанный с правящим домом

родственными и социальными узами и неоднократно доказавший свою преданность ему. Он обладал относительным иммунитетом (включая право ведения самостоятельных военных действий с соседним государством) и ленными пастбищными владениями на дагестанской плоскости.

Любопытны его прозвища – Тама-Токтай и Муртад (Мурид, Мурад)-Токдай. «Тама» – монгольский термин, означающий отряды, несущие гарнизонную службу³⁸. Весьма вероятно, что прозвище это связано с ролью Токтая как командующего Дербентскими укреплениями (до перехода их под контроль ильханов).

Другое прозвище Тама-Токтая – Муртад (Мурид, Мурад) может свидетельствовать о его склонности к исламу. При этом следует учесть, что вплоть до 1312 г. ислам не был в Золотой Орде государственной религией, хотя некоторые эмиры исповедовали его уже в XIII в., а Берке был ярым мусульманином. Следовательно, исламские симпатии Тама-Токтая – явление примечательное, оно не может быть объяснено вынужденным следованием государственной религии.

Два набега, предпринятых местными силами пограничного владения, не могли, разумеется, изменить общего соотношения сил, которое в этот период складывалось в пользу державы Хулагидов. Более того, Токта-хан, все еще чувствовавший свою зависимость от Ногай и внутривосточную напряженность в Орде, настойчиво добивался замены существовавшего вынужденного и непрочного перемирия с ильханами («избегания») более надежным миром, гарантирующим безопасность южных границ его государства. Результаты его усилий засвидетельствованы в оценке отношений между обеими державами в 90-е гг. в XIII в., данной Рашид ад-Дином: «С той поры и до сего времени... они больше не принимались за распри, и вследствие (своей) слабости предпочли соглашение раздору, ищут дружбы и единодушия и посылают государю ислама (*Газан-хану* – А. К.) гонцов с извещениями об обстоятельствах дел, дарами и подношениями»³⁹.

Подтверждая приведенную оценку, Вассаф касается и экономических последствий этой стабилизации для Восточного Кавказа: «Когда Токтай сделался наследником царства Менгу-Тимура, то путем неоднократного приезда послов и частых сношений (снова) был открыт путь торговцам и ортакам, и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих; область Арран взволновалась от множества повозок рабов,

коней и овец; товары и редкости тех стран, после (своего) прекращения в течение стольких лет, (опять) получили обширнейшее обращение»⁴⁰.

Военные действия на равнине Восточного Кавказа прекратились на три десятка лет. Одновременно стало заметно усиливаться ильханское влияние в Южном Дагестане. Сообщение Рашид ад-Дина за 1298 г. – «Эмира Нурина (*Газан-хан А. К.*) отправил в Арран для защиты области Дербенд»⁴¹, не оставляет сомнений в ильханском контроле над Дербентом.

Примечательно и совпадение этой даты с началом открытой войны Токты с Ногаем, когда внимание золотоордынской верхушки к окраинам сильно ослабело. В 1299–1300 гг. Токта-хан отозвал из Дагестана для борьбы с Ногаем Тама-Токтая с его отрядом – таким образом, на короткое время прекратилась ордынская оккупация Плоскостного Дагестана⁴².

Использованные нами источники ничего не сообщают о последующих формах или мероприятиях золотоордынского контроля в Дагестане. Правда, основываясь на том, что в соответствующей главе сочинения Рашид ад-Дина, законченной в 1301 г., когда Ногай был побежден, говорится о Тама-Токтае и его охранной службе в формах настоящего времени, можно высказать осторожное предположение, что Тама-Токтай с отрядом был возвращен в Дагестан в прежней должности после победы над Ногаем.

Любопытно также сообщение Рашид ад-Дина о том, что когда Газан-хан в 1301 г. приблизился к Дербенту, то «царь улуса Токта обратился в бегство, а находившиеся поблизости к этой стороне царевичи и эмиры его... отправились на ту сторону рек»⁴³ (имеются в виду многочисленные реки Восточного Кавказа, впадающие в Каспий). Следовательно, накануне 1301 г. по эту «сторону рек», т. е. в Дагестане, находились золотоордынские «царевичи и эмиры», а ставка хана Токты также располагалась невдалеке. Рашид ад-Дин добавляет, что когда стало ясно, что Газан-хан идет не с войной, то «...снова купцы стали ездить в ту и другую сторону», что свидетельствует о продолжении торговли через Дербент в этот период.

Вышеупомянутый известный поход Газан-хана зимой 1301–1302 гг. в Ширван и Лекзистан под видом «охоты» имел своей целью укрепление ильханского влияния в Южном Дагестане и районе Дербента.

Как известно, ильханские охоты всегда были формой проведения военных маневров⁴⁴. На этот раз «охота» имела еще одно важное по-

следствие: «В то время все эмиры Лекзистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных горах, послушно и добровольно покорились и искренне обратили лицо к служению (государю) и взялись рукою за крепчайшую рукоять послушания и повиновения.

Толпу воров и бродяг, которая укрылась во владения Азербайджана в те горы и предпринимала грабежи и разбой на дорогах, полностью переловили и перебили»⁴⁵.

Итак, Южный Дагестан был подчинен военно-политическому контролю ильханов. Судя по тому, что местные феодалы названы «эмирами» и далее говорится об их «служении» и «повиновении», можно заключить, что последние подчинились ильханам в обмен на признание Хулагидским государством их сословных привилегий.

Источники не дают никаких сведений о социальной природе «воров и бродяг», скрывавшихся в горах Лекзистана и даже делавших оттуда вылазки, – были ли это участники недавних массовых выступлений в 80–90 гг. XIII в. или же местные сепаратистски настроенные феодальные элементы. Отметим, однако, это свидетельство источника о наличии значительного числа недовольных ильханской властью в Азербайджане, открыто выступающих против нее и находящихся убежище и соратников в горах Дагестана.

Между тем, почувствовав упрочение своей власти и укрепив союз с Египтом, Токта возобновил традиционные претензии Джучидов на Азербайджан. Через Дагестан в 1302–3 г. проследовало внушительное золотоордынское посольство с требованием уступки Азербайджана, угрожая в противном случае войной.

Судя по речи послов (в передаче Вассафа), Токта сосредоточил на южной границе Золотой Орды крупные силы: «...начиная от пределов Крыма и Каракарума (в низовьях Сыр-Дарьи – прим. публикатора) до окрестностей Дербенда 10 туманов с лишним сторожевых войск нашей армии стоят так, что шатер прилегает к шатру и канат цепляется за канат. По аналогии с этим исчисление всего войска не укромется от далеко забегающего воображения всякого рассудительного (человека)»⁴⁶. Если даже численность пограничных войск была преувеличена послами (более 100 тысяч), то все же, надо полагать, золотоордынцы сосредоточили к северу от Дербента, в Приморском Дагестане, значительную армию.

Газан-хан, однако, решительно отклонил эти претензии, дав понять,

что готов к войне. Как известно, Токта-хан так и не решился на военные действия⁴⁷.

Ответная речь Газан-хана, помимо прямого своего смысла, примечательна содержащимися в ней историческими сведениями. Так, интересен упрек ильхана послам в излишней их расточительности (те явились ко двору тремя группами, на 325 почтовых конях): «...посланнику вполне достаточно пяти нукеров; занимать же столько почтовых лошадей («улаг») о пределов Дербенда, составляющего пограничную линию между нашими владениями... – значит, уклоняться от исполнения правил ясака»⁴⁸.

Это заставляет предполагать наличие в Дербенте почтовой станции (ям) – конечной на государственном почтовом тракте с целой цепью таких станций (организация монгольской государственной почты хорошо изучена)⁴⁹. Такое предположение подтверждается эпиграфической находкой А. В. Комарова в Дербенте – надписью⁵⁰, согласно которой некий Хаджи-Амир б. Хаджи-Тавакли-амир (или: эмир Хаджи сын эмира Хаджи-Тавакли) передал 10 мая 1301 г. в вакф почтовой станции (чапарханэ) источник воды и колодец. Персидский язык надписи не оставляет сомнений в принадлежности станции именно к ильханской сети трактов, охватывающей Иран. Она свидетельствует также о наличии в Дербенте этого времени владельцев недвижимой собственности и, следовательно, постоянного населения.

Любопытен и термин, примененный для лошадей, взятых посольством от Дербента, – «улаг». Он имел несколько значений, но основное – подводная повинность населения (содержание «ямов» и предоставление по приказу властей требуемого числа лошадей на любой срок)⁵¹. За такое понимание термина «улаг» говорит и число взятых послами лошадей (325 голов) – сомнительно, чтобы почтовая станция держала целый табун или полностью уступила послам всех наличных коней. Правдоподобнее, что лошади были собраны у местного населения по «улагу». Если такое значение термина в данном случае правильно, то данное сообщение Вассафа является первым свидетельством о существовании этой чисто монгольской повинности в Дагестане, где, кстати, подводная повинность прочно укоренилась, бытуя еще в XVIII в. Шамхальстве Тарковском⁵², ханстве Мехтулинском⁵³.

О контроле ильханов над Дербентом на рубеже XIII–XIV вв. свидетельствует и упоминание его среди пограничных областей государства

Газан-хана в его речи незадолго до смерти (1304 г.)⁵⁴. А. Р. Шихсаидов указывает на возможность понимания одного из сообщений Рашид ад-Дина за этот же год как свидетельства о размещении Газан-ханом в этих областях (включая Южный Дагестан) его «тазикских войск» и наделении их «икта»⁵⁵. Это явление может свидетельствовать не только об усилении ильханского военно-политического контроля, но о наступлении новой стадии хулагидского господства в Южном Дагестане – о начале его постоянной экономической эксплуатации. Это в свою очередь могло иметь значительные последствия для форм социально-экономического развития Южного Дагестана.

Предположение А. Р. Шихсаидова хорошо согласуется с интересным свидетельством в письме Рашид ад-Дина: в Шеки, непосредственно граничащем с Дагестаном, находилось поместье либо его собственное, либо даже ильханское, которым Рашид ад-Дину довелось управлять⁵⁶.

В другом его письме говорится о доме ширваншахов: «...до настоящего времени они являются государями Дербенда»⁵⁷ – следовательно, ширваншахи воспользовались распространением ильханской власти на бывшие земли Ширвана, чтобы предъявить на них владельческие права, не отставая в этом отношении от новоиспеченных «тазикских» феодалов.

Последнее обстоятельство также следует отметить: держатели «икта» в Южном Дагестане были не монголами или тюрками, а «тазиками»⁵⁸, т. е. оседлыми иранцами-мусульманами, что не могло не способствовать насаждению принятых в хулагидском Иране форм социальной, экономической, правовой, культурной жизни в этой части Дагестана (и в этом смысле от них существенно не отличались ширванские феодалы). С другой стороны, упомянутые «тазики» – носители вековых феодальных традиций и весьма разработанного эксплуататорского права, были гораздо более изощрены в эксплуатации зависимого населения, нежели кочевники-золотоордынцы, методы которых были заметно примитивнее.

Не здесь ли лежит объяснение примечательного факта, сообщаемого Вассафом: население Дагестана (аквам-и-лакзанат – «племена лакзов») обнаружило «большую связь с той (золотоордынской) стороной» и поддержало золотоордынцев в следующей военной кампании 1318 г.⁵⁹ Весьма вероятно, что, пробыв более сорока лет либо в тесном контакте, либо под военно-политическим контролем Хулагидов, подвергаясь их карательным экспедициям («охота» 1301 г.), военной оккупации и прямому

феодалному угнетению, «племена лакзов» стали искать союза с их врагами (золотоордынцами).

Впрочем, вплоть до 1318 г. в золотоордынско-хулагидской пограничной полосе царил относительный мир. Сообщение о стычке осенью 1308 г. не меняет этой картины, хотя и показывает, что обе стороны держали здесь свои сторожевые отряды. Еще в 1314 г. через Плоскостной Дагестан проследовало на юг большое посольство от хана Узбека к ильхану Улджайту на 150 конях во главе с Гейхату и четырьмя старшими эмирами⁶¹.

Однако канун кампании 1318 г. обнаруживает признаки утраты Хулагидами военно-политической инициативы на Восточном Кавказе (хорезмский инцидент 1315 г. и уступка Улджайту⁶²; затем появление в 1317 г. на ильханском троне малолетнего Абу-Саида и начало регентства Чупана, ознаменовавшегося острым политическим кризисом)⁶³. Вести о борьбе придворных партий, появление перебежчиков из Ирана, мятеж в Хорасане и призывы его предводителя Ясаула к золотоордынцам о военном союзе и помощи против ильхана⁶⁴ – все это убеждало Узбека, что благоприятный момент настал: хан собирает силы и осенью 1318 г. переносит свою ставку в Приморский Дагестан, где пребывает до середины зимы 1318–1319 гг. На это указывают данные русских летописей о гибели в ноябре 1318 г. в ставке Узбек-хана русского князя Михаила Тверского – попутно летописцы указывают и место кочевья⁶⁵.

Поход хана Узбека в 1318 г. стал явственным признаком постепенной утраты ильханами военно-политической инициативы на Восточном Кавказе, которую они удерживали с 70-х годов XIII в. Это явление дает нам право подвести краткий итог истекшему сорокалетнему периоду.

В этот период в деятельности ильханских властей преобладали мероприятия политического характера, ибо на Кавказе территориальные претензии Хулагидов были выражены гораздо слабее, чем у Золотой Орды. Источники столь же редко говорят о военных стычках обеих этих держав в этот период, как о моментах мира – в предшествующий. Два набега золотоордынцев (1288 и 1290 гг.) свидетельствуют скорее о тогдашнем бессилии Орды предпринять крупную военную акцию. Военные же мероприятия ильханов в этот период – либо оборонительные операции, либо карательные экспедиции и захваты, направленные против местного дагестанского населения.

Активность обеих чингизидских держав на Восточном Кавказе в этот период проявляется в основном в экономической и политической сферах.

В источниках засвидетельствованы факты хозяйственного использования золотоордынскими кочевниками дагестанской плоскости – начиная от Тама-Токтая и его подчиненных (в отношении последних это можно утверждать по аналогии с Золотой Ордой) до «эмиров и царевичей» времен Токта-хана, причем эпизодические зимовки ханов Токты и Узбека (1301, 1318 гг.) также весьма вероятны.

В свою очередь, начиная от рубежа XIII–XIV вв., источники сообщают о хозяйственном использовании хулагидскими феодалами земель Южного Дагестана, о наличии владельцев недвижимого имущества в Дербенте. Сообщения же о «купцах и уртаках» в Дербенте, о некотором экономическом оживлении его округа, о торговых путях, связывающих его с отдаленными местностями вместе с повторяющейся фразой «снова караваны стали ходить туда и обратно» встречаются в источниках на всем протяжении данного периода.

Тем не менее, упадок торгового значения Дербента продолжался. Начало ему положили военные действия в районе Дербента, постоянно прерывавшие торговлю по великому историческому пути, а также штурмы города, прохождения сквозь него огромных армий, сопровождавшиеся разорениями и грабежом. Все это способствовало оттоку торговли на другой великий меридиональный путь – через Черное море в Средиземноморский бассейн⁶⁶.

Стабилизация обстановки на рубеже XIII–XIV вв. также обернулась ударом по торговле Дербента: с одной стороны, мир сделал возможным экономическое оживление прикаспийской полосы южнее Дербента, капитальное строительство на Апшероне⁶⁷ и рост конкурирующего порта Баку; с другой стороны, Дербент, оставаясь пограничным городом, не мог воспользоваться этой стабилизацией, не имея средств для поддержания своих портовых сооружений⁶⁸. Таким образом, данный период стал этапом медленного, но неуклонного падения роли Дербентского порта, которое достигло крайней степени к XV в.⁶⁹

Вовлечение дагестанских земель в сферу экономической и политической жизни обеих чингизидских держав способствовало распространению в Дагестане присущих им форм феодальной собственности: на плоскости к северу от Дербента – традиционных для монгольского кочевого феодализма, а на юге – типичных для Хулагидского Ирана. Следует отметить также упоминание в Дербенте начиная с 1288 г. «уртаков» – членов характерных для средневекового мусульманского Востока купе-

ческих объединений. При этом, однако, неясно, являлись ли эти «уртаки» дербентцами.

Примечательно, что усиление феодализации в Южном Дагестане и Ширване может быть сопоставлено с ростом политического отчуждения (в Ширване) или даже враждебности (в Южном Дагестане) коренного населения по отношению к ильханской власти, последствия чего вполне проявились позже, в период перехода военно-политической инициативы к Золотой Орде.

1318–1357 гг.

«В середине зимы 718/1318–19 гг. ...Узбек... появился из пределов Саксина и Кипчака с огромным и бесчисленным войском, пустив вскачь боевых коней и обнажив сверкающие мечи; за каждым человеком следовало три коня. Прежде чем было получено известие, они как ревущий поток и яростный лев, задумав опустошение, прошли через Железные Ворота (Дербенд-и-аханин). Охранение этой окраины поручено было эмиру Тарамтазу с личной тысячей... Т. к. племена лезгин (аквам-и-лекзанат) – да дарует Аллах неоднократно победы над ними – из-за скверных намерений и дурных наклонностей имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему (Тарамтазу) не дали знать о приближении этой неожиданной армии. Вот почему он не устоял против превосходства многочисленного (неприятельского) войска, поневоле убрался восвояси...»⁷⁰.

Численность конной армии, проследовавшей через дагестанскую плоскость, источники позволяют установить лишь приблизительно. Очевидно, Узбек двигался не с основными силами, а с отборным, очень мобильным авангардом (отсюда и по три сменных коня на каждого бойца), задачей которого был захват Дербента и переправа через Куру – далее успех должны были развить основные силы. Начальником этого авангарда был, кстати, эмир Гейхату⁷¹, уже проделавший этот путь в 1314 г. во главе посольства ко двору Газан-хана – Узбек же сохранял общее командование.

Изложенный план полностью не был осуществлен: через Куру переправиться не удалось, и Узбек решился на затяжную войну⁷². Часть основных сил он послал с Кутлуг-Темиром в Хорасан, а другую часть в составе 8 туманов двинул на Азербайджан.

Итак, на этот раз дагестанскую плоскость пересекла армия, значительно превышающая 80 тысяч всадников.

Потерпев неудачу в Азербайджане и получив известие о неудаче в Хорасане и бездействии египетского султана, Узбек отвел эту армию (поспешно, но без особых потерь) по тому же маршруту.

Ильханские войска во главе с эмиром Чупаном преследовали Узбека лишь до Дербента (а согласно «Тарих-и Шейх-Увейс» – за Дербент)⁷³.

Хотя источники не дают однозначного ответа на вопрос, за кем остался Дербент, однако с этого времени становится ясно, что в стратегическом смысле ильханы его потеряли: они не смогли обеспечить себе поддержки хотя бы части местного населения и привлечь его к обороне Дербентской преграды (к чему стремились и чего порой достигали и Сасаниды, и арабы), а потому во время войны Дербент вместо мощной оборонительной линии сразу рисковал превратиться в осажденную крепость, которую следовало оставить как можно скорее.

Выше мы постарались показать вероятные социально-экономические корни явного противодействия «племен лакзов» ильханским властям. Видимо, именно в этом противодействии следует искать разгадку стратегической беспомощности ильханов, не сумевших создать непреодолимую преграду, используя первоклассный Дербентский оборонительный комплекс, к тому же обращенный фронтом на север, т. е. исторически приспособленный для борьбы против кочевников из Дешт-и-Кипчака. Иное объяснение этому явлению дать трудно.

Согласно части источников («Продолжение сборника летописей», ал-Айни, Вассаф), описанная кампания окончилась в 1319 г. Между тем некоторые авторы как персидские, так в египетские⁷⁴, говорят о набеге (не преследовавшем, очевидно целей аннексии), совершенном золотоордынцами в 1319 г. вплоть до Мугани. Чупан, однако, обратил золотоордынцев в бегство, преследуя противника на его территории: «(Чупан) двинулся в Ширван. Оттуда он разделил войско на две части: некоторые эмиры отправились из Дербента к берегу р. Терек, а эмир Чупан со своими сыновьями пошел через Грузию. Узнав об этом, Узбек со своего места обратился в бегство... Пробыв там несколько времени, они (*т. е. войска Чупана – А. К.*) вернулись обратно»⁷⁵.

Если это сообщение «Тарих-и Шейх Увейс», поддержанное двумя другими источниками, отражает действительный факт, то Чупан не толь-

ко отразил золотоордынский набег, но и подготовил свой следующий поход.

В 1324/25 г. «Чупан через Грузию пошел в область Узбек-хана и в возмездие за опустошения, произведенные им (Узбеком) во время прихода его в Арран, также произвел опустошения и (затем) поспешно ушел...»⁷⁶. Другой источник добавляет: «...в 725/1324/25 г. он (Чупан – А. К.) повел огромное войско в земли Узбека. Большинство эмиров сопутствовали и сопровождали Чупана в этом походе. Он пошел к Дербенду через Грузию, а оттуда вступил в улус Узбека. Они (войска Чупана), дошли до берегов Терека и не пощадил никого из деревень, городов и кочевников тех мест; они убивали, грабили и брали в плен. После (такого) разорения и грабежа он (Чупан) победоносно и торжествуя вернулся восвояси...»⁷⁷. Итак, войско Чупана прошло через Грузию в Предкавказье, повернуло вниз по Тереку и далее с севера двинулось к Дербенту, грабя равнины Северо-Восточного Кавказа и Дагестана.

Судя по тому, что перебежчики из Хулагидского Ирана находили при дворе Узбека милостивый прием и почетные должности, можно сделать вывод, что после описанных событий вражда между обеими сторонами продолжалась⁷⁸. Она несколько утихла к 30-м гг. XIV в.⁷⁹, однако дальнейшие события показали, что Узбек лишь выжидал благоприятного момента для начала завоевательного похода.

Казалось, такой момент настал в конце лета 1335 г.: почти одновременно со смертью ильхана Абу-Саида Узбек с «огромным войском» (более точных сведений источники не дают) прошел через Дербент в Азербайджан. Ему было известно о постоянных смутах и борьбе придворных партий в государстве Хулагидов: к нему прибывали оттуда знатные перебежчики, приходили тайные письма, сулившие ему ильханский престол⁸⁰. Х. Казвини сообщает и о тайных сторонниках Узбека в Азербайджане: «В то же время склонность ума тянула некоторых на этой стороне к нему, и в надежде на это он дошел до р. Куры»⁸¹.

Другой персидский источник отмечает отсутствие каких-либо попыток поддержки ильханских властей или сопротивления противнику со стороны населения Ширвана: «Жители владений Абу-Саида, ниоткуда не видя спасения, потеряли надежду на сохранение имущества и семьи и решились умереть и пропасть»⁸².

Итак, население Азербайджана проявляло либо враждебность, либо равнодушие к власти Хулагидов.

Однако ильхан Арпа сумел воспрепятствовать переправе Узбека через Куру. Вскоре положение золотоордынской армии осложнилось, и Узбек был вынужден поспешно отступить через Дербент в Дешт-и-Кипчак.

В продолжение двух десятков лет после этого похода Узбека в источниках отсутствуют какие-либо сообщения о событиях в пограничных кавказских землях. Даже сообщая о величайшем бедствии средневекового мира – опустошившей Золотую Орду эпидемии чумы 1347–1350 гг.,⁸³ – источники не поясняют, коснулась ли она Восточного Кавказа.

Однако есть основания утверждать, что несмотря на неудачу похода Узбека 1335 г., Дербент остался за Золотой Ордой: как отметил еще Е. И. Козубский, на Каталонской карте 1375 г. (составленной, разумеется, по более ранним данным) Дербент назван *custodia Nusbeci* (стража Узбека)⁸⁴.

Восточный Кавказ вновь привлек внимание средневековых авторов лишь в связи с походом Джанибека на Тебриз в 1356/57 г. с огромной армией: Зайнуддин Казвини исчисляет ее в 100 туманов⁸⁵ – видимо, не достигавших полного комплекта, так как «Тарих-и Шейх Увейс» уточняет, что Джанибек «перешел Терек и прибыл в Дербенд, а оттуда – в Ширван» во главе 300-тысячного войска⁸⁶. На этот раз золотоордынскому войску впервые удалось перейти р. Куру. Вскоре после взятия Тебриза основная часть этой армии во главе с Джанибеком вернулась тем же путем обратно, а через два месяца за ними проследовали оставшиеся 50 тысяч воинов во главе с Бердибеком, спешившим в Дешт-и-Кипчак и прошедшим Дербент, не останавливаясь⁸⁷.

Возвращение этой армии в Дешт-и-Кипчак через равнину Дагестана явилось последним упомянутым в источниках событием его истории, связанным с золотоордынско-ильханской борьбой. С этого времени татаро-монгольской власти в Дагестане фактически приходит конец, хотя события, сопровождающие распад Золотой Орды и державы Хулагидов, еще долго оставляют след в истории Дагестана.

Подводя краткий итог последнему периоду соперничества на Восточном Кавказе, когда инициатива вернулась в руки ханов Золотой Орды, следует отметить возобновление их завоевательных походов с целью захвата Азербайджана.

Дагестан вновь был вовлечен в военные действия. Как и в первый период этой борьбы, его равнина не менее семи раз пересекается огромными конными армиями обеих сторон, исчисляемыми в десятки и сотни

тысяч всадников. Особенно разорителен должен был быть набег Чупана в 1325 г., имевший необычный маршрут (с севера на юг) и ставивший целью опустошение предкавказских равнин.

Вместе с тем следует отметить наличие на плоскости «деревень, городов и кочевников» (разоренных армией Чупана), о которых источники почти не упоминали прежде. Эти факты хозяйственного оживления плоскости можно сопоставить с экономической стабилизацией в Золотой Орде в период правления Узбека, о которой сообщает Ибн Баттута.

Примечательны оценки в источниках отношений населения Ширвана и Азербайджана к власти ильханов – либо враждебность, либо равнодушие. На наш взгляд, весьма вероятно, что у этого явления те же социальные причины, что и у враждебного отношения к ильханам «племен лакзов».

Что же касается действий Узбека, то бросается в глаза сравнительно меньшая военная активность золотоордынцев по сравнению с первым этапом соперничества, несмотря на явное усиление в этот период Золотоордынского государства. Здесь в значительной мере сказалось изменение отношения Египта к государству Хулагидов. Если в период золотоордынско-хулагидской борьбы Египет активно содействовал Орде, согласовывая с ней свои действия и непрестанно воюя с Хулагидами на Ближнем Востоке, то в данный период, не порывая дипломатических связей с Ордой, Египет прекращает всякую борьбу с Хулагидской державой, с которой Узбек остается один на один⁸⁸.

Прекращение татаро-монгольского господства в Дагестане к концу 50-х гг. XIV в. было связано с начавшимся распадом обоих чингизидских государств, проявившимся в острых политических кризисах в государстве Хулагидов в конце 30-х гг. и в Золотой Орде – с конца 50-х гг. XIV в.

Сообщения источников позволяют сделать некоторые выводы о значении татаро-монгольского господства в XIII–XIV вв. для истории Дагестана.

Военные действия, карательные экспедиции, переброски войск обеих чингизидских держав обезлюдили плоскостную часть Дагестана и способствовали ее общему упадку.

Другим их следствием была изоляция Нагорного Дагестана и нарушение его органических связей с плоскостью, что способствовало замед-

лению его исторического развития. Те же причины вели к постепенной утрате былого значения торгового пути вдоль Приморского Дагестана. Это явление вместе с отмеченным выше подрывом местных производительных сил определило падение роли Дербента как крупного экономического центра и порта.

Вместе с тем ход указанных военных событий, столь значительно повлиявших на исторический процесс в Дагестане, определялся главным образом этапами соперничества Золотой Орды и державы Хулагидов, а в конечном счете – исторической жизни обширного региона, включавшего Дешт-и-Кипчак, Закавказье, Иран, Хорасан, Азию, Египет. Таким образом, причины многих событий и явлений в истории Дагестана XIII–XIV вв., а также ее место в мировом историческом процессе возможно уяснить лишь при региональном подходе к ее исследованию.

Включение дагестанских земель в административную, экономическую, военную систему двух чингизидских держав способствовало насаждению здесь присущих им экономических, административных, общественных, правовых, культурных норм и институтов, определенное влияние которых продолжало сказываться в дальнейшем историческом развитии Дагестана. Наряду со значительным уроном от непрекращающихся военных акций чингизидов, народы Дагестана испытывали постоянный административный и налоговый гнет захватчиков. По аналогии с другими странами, подпавшими под монгольское иго, можно предположить, что дагестанское население привлекалось обеими державами к участию в их военных действиях.

Все это не могло не повлечь за собой сопротивление народных масс Дагестана завоевателям (источники сохранили упоминания о разных формах такой борьбы). Непрерывное восстановление постоянно разрушаемого захватчиками, стойко переносимые потери и страдания от их военных и «мирных» акций, усиливающаяся борьба против них – все это сближало в XIII–XIV вв. народы Дагестана с трудящимися массами Закавказья, Руси, Ирана, Средней Азии.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. IV / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1974. – С. 96–118.

¹ Впервые в связи с событиями 1264 г. Рашид ад-Дин. *Рашид-ад-Дин*. Сборник

- летописей. Т. III / Перевод с перс. А. К. Арендса. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 60.
- ² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений / Собраны В. Г. Тизенгаузеном, обработаны А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 92, 142, 185. Составители считают, что термин «Дешт-и-Хазар» относится к степям Северного Кавказа, см.: Там же. – С. 294.
- ³ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Перевод с перс. Ю. П. Верховского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 81–82.
- ⁴ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 54.
- ⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 74.
- ⁶ *Али-Заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1956. – С. 300–330. Хроника событий, данная Е. И. Козубским в «Истории города Дербента», изобилует неточностями и лишена обобщений (*Козубский Е. И.* История города Дербента. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1906. – С. 48–50). По необходимости краткая, строго ограниченная темой хроника событий XIII–XIV вв. в Плоскостном Дагестане дана в учебном пособии профессора Р. М. Магомедова (*Магомедов Р. М.* История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. – С. 112; *Он же.* История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – С. 98). Весьма сжатое освещение указанных событий, содержится в «Истории Дагестана» (История Дагестана. Т. I / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1967. – С. 205–206).
- ⁷ Наиболее полные и непротиворечивые сообщения о кампании 1262–1263 гг. дают Рашид ад-Дин (*Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82; *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 59–60), а также Х. Казвини, Вассаф и «Тарих-и Шейх Увейс» (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 81, 91–92, 99).
- ⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 81 (Вассаф).
- ⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечение из сочинений арабских / [Перевод] В. Тизенгаузена. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1884. – С. 74 (Ибн Васыл).
- ¹⁰ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82; *Он же.* Сборник летописей. Т. III... – С. 68; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 121 (Р. Бейбарс), 152 (ан-Нувейри), 203 (аз-Захаби), 276 (Ибн Кесир), 380 (Ибн Хальдун); Сборник материалов, относящихся к исто-

- рии Золотой Орды. Т. II... – С. 92 (Х. Казвини), 99 («Тарих-и Шейх Увейс»), 210 (Гаффар).
- ¹¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 152 (ан-Нувейри), 509 (ал-Айни).
- ¹² *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 68; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»), 210 (Гаффар).
- ¹³ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 205 (аз-Захаби); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»).
- ¹⁴ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 68; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 204–205 (аз-Захаби); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 82 (Вассаф).
- ¹⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 153 (ан-Нувейри), 510 (ал-Айни).
- ¹⁶ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 67–68.
- ¹⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. ... – С. 82 (Вассаф).
- ¹⁸ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 204 (аз-Захаби), 276 (Ибн Кесир), 510 (ал-Айни); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 92 (Х. Казвини).
- ¹⁹ В 1270 г. Менгу-Тимур предпринимает поход на Константинополь (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 511 (ал-Айни)); в 1277/78 г. – поход на аланский город Дедаков. См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 64 (со ссылкой на русские летописи).
- ²⁰ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82.
- ²¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 82 (Вассаф).
- ²² «В той степи ставки всех эмиров, вельмож и воинов Берке блестели как звезды, степь Кипчакская вся была полна палатками и шатрами их, и край этот был полон лошадьми, верблюдами, быками и баранами» (*Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 60).
- ²³ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 60. Посланный Хулагу-ханом лазутчик – шейх Шериф Тебризи, перейдя «через горы Лекзистана»

попадает в лагерь Ногая. Кроме того, это первое упоминание в письменных источниках термина «Лекзистан».

²⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 204 (аз-Захаби). Подробнее о золотоордынском контроле в Дербенте и на дагестанской плоскости будет сказано ниже – пока отмечается учреждение этого контроля.

²⁵ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 90. Приводя это сообщение источника, профессор Р. М. Магомедов обращает внимание на то, что и контроль ильханской власти над Лекзистаном был весьма слаб и ненадежен (*Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в.... – С. 97*).

²⁶ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 68.

²⁷ Там же. – С. 118.

²⁸ Там же. – С. 124. См. также: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 92 (Х. Казвини) и комментарий А. А. Али-Заде к этому сообщению (*Али-Заде А. А. Указ. соч. – С. 322*).

²⁹ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 85–86.

³⁰ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 117.

³¹ Там же. – С. 145.

³² *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 74.

³³ *Владимирцов Б. Я.* Указ. соч. – С. 110–121.

³⁴ *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957. – С. 91–98, 211–214, 261–270, 385–394.

³⁵ *Владимирцов Б. Я.* Указ. соч. – С. 116.

³⁶ Накануне междоусобицы Токта-хан потребовал у Ногая немедленного возврата хошунов, самовольно взятых последним под свое командование, «... но Ногай также не согласился, сказав: “Я отошлю их тогда, когда он (Токтахан) придет ко мне Салджидай, сына его Яйлага и Тама-Токту”» (*Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 85).

³⁷ «Токтай потребовал к себе Тама-Токту, сына Балаги, который долгое время был защитником и охранителем Дербента, снова двинул в поход большое войско и пошел войной на Ногай» (Там же. – С. 85).

³⁸ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Перевод с перс. О. И. Смирновой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 279.

- ³⁹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 82–83.
- ⁴⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 82 (Вассаф).
- ⁴¹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 180.
- ⁴² *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II... – С. 85.
- ⁴³ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 188–189.
- ⁴⁴ *Али-Заде А.А.* Указ. соч. – С. 132.
- ⁴⁵ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 189.
- ⁴⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 82–83 (Вассаф).
- ⁴⁷ Быть может, это следует сопоставить с известиями о тяжелом экономическом положении в Орде после трехлетних неурожаев и эпизоотии. См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 513 (ал-Айни).
- ⁴⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 82–83 (Вассаф).
- ⁴⁹ *Владимирцов Б. Я.* Указ. соч. – С. 119, 178.
- ⁵⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Издание текстов, перевод, комментарий, ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – С. 114–115.
- ⁵¹ *Владимирцов Б. Я.* Указ. соч. – С. 164; *Али-Заде А. А.* Указ. соч. – С. 237.
- ⁵² Шамхалы Тарковские. (Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – С. 78.
- ⁵³ Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1869. – С. 10–11.
- ⁵⁴ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III... – С. 285.
- ⁵⁵ *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 57–58.
- ⁵⁶ *Рашид ад-Дин*. Переписка / Перевод, введ., коммент. А. И. Филиной. – М.: Наука, 1971. – С. 270. Письмо написано между 1304 и 1316 гг. См.: Там же. – С. 408. Прим. 1.
- ⁵⁷ Там же. – С. 186. Письмо написано между 1305 и 1318 гг. Следует учесть,

что дочь ширваншаха была замужем за сыном Рашид ад-Дина.

- ⁵⁸ *Бартольд В. В.* История Туркестана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 121; *Он же.* Таджики. Исторический очерк // Там же. – С. 456; *Он же.* Таджики. (Из «Энциклопедии ислама») // Там же. – С. 469.
- ⁵⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 87 (Вассаф). Полностью цитата приводится ниже.
- ⁶⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 120 (Р. Бейбарс).
- ⁶¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 139 («Продолжение Сборника летописей»).
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 326 (Ибн Дукмак).
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ «...минувшие все горы высокие Яськие и Черкасские близ Ворот Железных» (т. е. Дербента). Цит. по: *Насонов А. Н.* Указ. соч. – С. 87. На кочевье Узбека у Дербента указывал и Е. И. Козубский (*Козубский Е. И.* Указ. соч. – С. 49). В своей научно-популярной работе «Через хребты веков» В. Б. Виноградов локализует это событие в районе Брагунов, опираясь главным образом на отождествление местных топографических объектов с летописными «Горькой речкой» и «Темиревой богатыревой могилой» (*Виноградов В. Б.* Через хребты веков. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970. – С. 91–99). Не отвергая его интерпретации как допустимого варианта, считаем все же необходимым указать на возможность отождествления первого из упомянутых летописных топонимов с Ачису или же озером Аджи (вместе с впадающей в него р. Артузень), а второго – с теми курганами в Терекеме, тянующимися далее на север, которые издавна именовались Тимур-Аксак-ори (*Бакыханов А.-К.* Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926. – С. 65) или холмами Тимур-шаха (*Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) / Перевод и прим. А. Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1929. – С. 30).
- ⁶⁶ *Али-Заде А. А.* Указ. соч. – С. 315–316.
- ⁶⁷ *Аишурбейли С. Б.* Очерк истории средневекового Баку (VIII – начало XIX вв.). – Баку: Изд-во АН АзССР, 1964. – С. 117.
- ⁶⁸ *Бартольд В. В.* Дербент // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III: Работы по исто-

рической географии / Подготовлен к изд. О. Г. Большаковым. – М.: Наука, 1965. – С. 427.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 86–87 (Вассаф).

⁷¹ Там же. – С. 139, 142 («Продолжение Сборника летописей»).

⁷² Там же. – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»), 139, 142 («Продолжение Сборника летописей»)

⁷³ Там же. – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁷⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 326 (Ибн Дукмак), 387 (Ибн Хальдун); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁷⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 100–101 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁷⁶ Там же. – С. 92 (Х. Казвини).

⁷⁷ Там же. – С. 142–143 («Продолжение Сборника летописей»).

⁷⁸ Там же. – С. 142–143 («Продолжение Сборника летописей»).

⁷⁹ Там же. – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс») – известие о браке сына Узбека с дочерью одного из хулагидских эмиров.

⁸⁰ Там же. – С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁸¹ Там же. – С. 93 (Х. Казвини).

⁸² Там же. – С. 143 («Продолжение Сборника летописей»).

⁸³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I... – С. 530. Прим. 1 (Ибн аль-Варди).

⁸⁴ *Козубский Е. И.* Указ. соч. – С. 49–50.

⁸⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II... – С. 94 (Х. Казвини).

⁸⁶ Там же. – С. 102 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁸⁷ Там же. – С. 96 (Х. Казвини), 103 («Тарих-и Шейх Увейс»).

⁸⁸ *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). – М.: Наука, 1966. – С. 68–92.

ЕЩЕ РАЗ О МАРШРУТЕ ТИМУРА | НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

Постоянный интерес к теме нашествия Тимура на Северный Кавказ¹ свидетельствует о важности проблемы и о том, что многие ее моменты все еще не ясны. Последнее обусловлено состоянием источников. Хронологически наиболее близким к описываемым событиям является «Зафар-намэ» Н. Шами². Оно же лежит в основе одноименного сочинения Ш. Йезди³, где многие факты нашествия Тимура детализированы, дополнены, а порой и искажены. Любые иные источники, в том числе историко-фольклорные, могут играть лишь вспомогательную роль. Использование, в частности, сообщения А.-К. Бахиканова⁴ возможно лишь при контроле надежными письменными источниками. Но соответствующие отрывки из сочинений Шами и Йезди слишком общи и скудны, а сведения местных письменных источников⁵ использовать затруднительно ввиду ненадежной исторической критики их (кроме того, их сообщения обладают всеми известными специалистам недостатками историко-фольклорных материалов)⁶. Тем важнее опора на свидетельства, интерпретация которых не вызывает сомнений, и одновременно – выявление всех допускаемых источниками вариантов реконструкции событий, равно как и отсеечение явно несогласуемых с источниками гипотез.

Исходя из этих соображений, мы и пытаемся уточнить отдельные моменты нашествия Тимура на Северный Кавказ и борьбы с ним, а также предложить некоторые варианты реконструкции событий.

І. «Обоз» и «войско» персидских источников. Говоря об армии Тимура, персидские историографы упоминают об ее «обозе» (угърукъ)⁷, у Йезди он иногда назван «высочайшей ордой». «Угърукъ» в общепринятом значении – тяжелый обоз, при котором находятся стада, палатки, женщины. В близком смысле этот термин употребляется в «Зафар-намэ»: говорится о доставке в обоз добычи и пленных после рейдов, о помещении туда раненых (например, Мираншаха), а иногда о пирах, организо-

мых в обозе для участников набега. С другой стороны, термин «лашкар» одинаково обозначает и армию в целом (включая обоз), и боевые ее части, но когда речь идет о последних, то текст обычно отмечает, что они отделяются от обоза и, выполнив оперативную задачу, возвращаются к нему. Иногда (в основном при преследовании уходящего противника) источники говорят об «отборном (гозин) войске». Самоочевидно, что «множество скота победоносного войска» также должно постоянно пребывать при обозе.

Итак, армия Тимура состояла из двух взаимосвязанных частей. Собственно «войско» – это весьма подвижные и боеспособные конные соединения, налегке и почти при полном бездорожье совершающие дальние и стремительные марши; кроме того, они защищают обоз и пополняют его ресурсы. «Обоз» – это подвижная база войска (но не столь мобильная), хранящая запасы продовольствия (скот) и снаряжение, награбленное и пленных, принимающая раненых и т. п. Некоторые исследователи иногда замечают это различие, однако недостаточно учитывать его влияние на события⁸.

Местонахождение обоза отнюдь не определялось очередным районом боевых действий (и наоборот). Главной тут была чисто хозяйственная функция – необходимость иметь достаточную кормовую базу для огромных стад. Лучшей летовкой на Северном Кавказе со времен Узбек-хана считалось Пятигорье, а лучшей зимовкой – Прикаспийская низменность. Здесь наиболее длительное время и пребывал обоз, войско же неизменно возвращалось сюда с театра военных действий.

Следовательно, движение армии Тимура в конце 1395 – начале 1396 гг. следует рассматривать как два отдельных маршрута⁹ – обоза и войска. Если действие войска с момента ухода с базы и до возвращения на нее рассматривать как отдельный рейд, то таковых всего было шесть: I – на черкесов, II – на асов, III – «от крепостей Кулы и Тауса» до Капчигая и «Абаса» (Аяса), IV – от Симсима через горные области до Чутур Казака, V – на Астрахань и Сарай, VI – по северо-восточной части горного Дагестана.

Можно реконструировать и маршрут обоза. Местонахождение «высочайшей орды» (у низовий Кубани) впервые упоминается в связи с рейдом на черкесов в октябре 1395 г. Видимо, дожидаясь его завершения, обоз простоял там «несколько дней» – такое указание в тексте Йезди само по себе свидетельствует, что затем обоз двигался, пока не достиг Пятигорья

(Бештагъ, Баштакъ) – не позже окончания третьего рейда¹⁰. Не позже завершения четвертого рейда обоз расположился на зимовку в Бугаз-Кум. Исходя из этимологии этого топонима (бугаз – глотка, горловина, ущелье; кьум – песок), а также характеристики местности как благоприятной для зимовки скота и расположенной севернее Терека, большинство исследователей обоснованно помещают ее на равнинных землях, прилегающих к Куме. Ранней весной 1396 г. (низовья Терека были еще подолдом) армия Тимура переходит в Тарки, вблизи которых обоз находится в продолжение шестого рейда, после чего вся армия уходит через Дербент к Шабрану.

II. Дагестанский вариант маршрута третьего рейда. В историографии прослеживаются в основном два варианта третьего рейда Тимура: «дагестанский» и «балкарский» (соответственно предполагаемому театру военных действий)¹¹. Последний вариант возобладал в новейших работах, хотя далеко не во всех моментах его можно согласовать с данными источников.

1. Описание предыдущего (второго) рейда в область «народа ас», правители которого носят тюркские имена¹², более всего соответствует Балкарии. Это исключает возможность третьего рейда в ту же самую область. Источники ничего не говорят о повторном характере третьего рейда, а обитатели этого района именуются не «ас», а «иркувун».

2. Согласно «Зафар-намэ», прежде чем вступить во владения Пулада, по лесистому ущелью достичь крепости Кабчигай, а затем «Абасы», войско Тимура сутки отдыхало в местности Балкан, а до того захватило крепости Кулы и Тауса в неприступных горах. Локализуя Кабчигай у верхнего Чегема¹³, сторонники «балкарского» варианта видят в «местности Балкан» либо долину реки Малки (кабард. Балкъ)¹⁴, либо ущелье восточного истока реки Черек, издавна называвшееся Балкъар (Балхар), которая при этом отождествляется с «Балкъан»¹⁵. Но между исходным районом третьего рейда (к западу от Пятигорья) и рекой Малкой нет «неприступных гор». Не существует и ущелья, ведущего из долины балкарского Черема к Верхнему Чегему. В «Абасе (Аясе)» хотят видеть абазинцев, однако ближайший район их расселения (так называемая Нижняя Абаза) – между верховьями рек Кумы и Кубани – едва ли можно назвать «подножьем горы Эльбурз», ибо это уже горная местность, все точки которой лежат выше 1000 м.

Стратегия Тимура на Северном Кавказе отнюдь не состояла в последовательном и сплошном завоевании его территории. Верно определяют ее задачу Э. В. Ртвеладзе и Р. А. Даутова: нанести избирательные уничтожающие удары по союзным Тохтамышу областям Кавказа, обессилить их истреблением возможно большей части населения, основательно подорвать их хозяйственную базу, оставляя до поры до времени в стороне тех, кто не обнаружил связи с Золотой Ордой¹⁶.

Исходя из такого понимания стратегии Тимура, не кажется столь уж невероятным, что после удара по черкесам и асам настала очередь дагестанцев. Нельзя не заметить соответствия, которое находит в Дагестане отрезок маршрута третьего рейда: «местность Балкъан – лесистое ущелье – крепость Кабчигай». В долине р. Аварское Койсу действительно расположено крупное старинное селение Балаханы (Балахуни) – важный пункт на пути с плоскости на Хунзахское нагорье¹⁷. Недалеко, по другую сторону Гимринского хребта, находятся лесистые верховья р. Шураозень, ущелье которой выходит прямо к с. Кабчигай. Движение напрямик (вероятно, через Эрпелинский перевал) Тимур мог предпочесть более удобной окружной дороге ради сугубо тактической цели – стремления захватить ордынского военачальника Удурку, укрывавшегося в Кабчигае у местного владельца Пулада.

Удурку мог быть достигнут Мираншахом в «местности Абаса (Аяса)» «справа» от войска Тимура (то есть гораздо южнее Кабчигая). Ныне название, подобное «Абаса (Аяса)», в этой части Дагестана нам не известно. Однако местность южнее Кабчигая (в отличие от Нижней Абазы) соответствует положению у «подшвы горы Эльбурз», откуда Мираншах прислал известие об Удурку. В таком случае приход Тимура в Абаса «через перевалы и ущелья» означает лишь, что он шел туда напрямик через возвышенности к югу от Кабчигая (высота до 900 м).

В решении вопроса о том, как Тимур достиг с. Балаханы (местности Балкъан), по нашему мнению, может помочь анализ устных преданий о Тимуре и топонимики, зафиксированных в полосе Андийского, Салатавского, Гимринского хребтов А.-К. Бакихановым, Р. М. Магомедовым, Б. И. Гаджиевым¹⁸. Мы лишены возможности в данной статье уделить должное внимание фольклору. Однако перспективы в этом направлении совершенно очевидны. Из сочинений А.-К. Бакиханова, например, явствует, что Тимур переправлялся с левого берега Сулака на правый. Следовательно, направление движения Тимура было с запада на восток, и

потому этот цикл преданий нельзя отнести к весенней кампании 1395 г. (а тем более к следующему, четвертому рейду, в описании которого нет никаких намеков на правую сторону Сулака).

Вероятнее всего, «крепости Кулы и Тауса» следует искать на отмеченных «тимуровой топонимикой» северных склонах Салатавского хребта, вдоль пути к Ахатлинской переправе и Чиркейским воротам (Главному каньону). Тогда становятся понятны и свидетельства «Зафар-намэ» об исключительно крутом и гористом рельефе местности с самого начала боевых действий¹⁹, особенно если учесть, что после переправы через р. Сулак Тимуру пришлось по правому берегу пройти Главный каньон (длина 18 км, глубина 1800 м, склоны почти отвесные). У его южного выхода сходятся две большие долины (Аварского и Андийского Койсу), ведущие во Внутренний Дагестан. Движение по восточной долине (Аварского Койсу) выводит к с. Балаханы («местность Балкъан»); дальнейший путь прослежен выше.

Мы сознаем, однако, гипотетический характер такой реконструкции маршрута третьего рейда, ее менее убедительные стороны. Таковы, в частности: 1) отсутствие какого-либо упоминания о пути из бассейна Кубани к Северному Дагестану и обратно; 2) значительная протяженность этого пути (около 900 км) при довольно напряженном графике времени. Возможные объяснения: 1) путь этот описан в «Зафар-намэ» в связи с весенней кампанией 1395 г., когда местность вдоль него была полностью опустошена; боевых действий в пути не было, а потому марш этот не привлек внимания обоих персидских авторов; 2) отягощенная обозом армия Тимура сумела пройти более 300 км тяжелейшего пути через кубанские плавни за 7–8 дней²⁰ (т. е. примерно по 40 км в сутки), значит конное войско без обоза двигалось не менее чем вдвое быстрее²¹. Поэтому весь путь с базы к театру военных действий и обратно не занял бы более 10 дней.

Итак, «дагестанский» вариант маршрута третьего рейда Тимура, на наш взгляд, все еще не потерял своей научной актуальности, и его следует учитывать как возможный.

III. «Дагестанский отрезок» четвертого рейда Тимура. Из всех пунктов четвертого рейда наименьшие сомнения у исследователей вызывает «Аухар»: его принято отождествлять с «Аварией»²² и использовать как отправную точку при реконструкции маршрута. Недавно Х. А. Хизриевым предложено отождествление «Аухар» с позднейшим «Аухом»²³,

но оно представляется ошибочным. При его обосновании предполагается рассматривать «Аухар» как «Аух + ар», причем считать «-ар» суффиксом множественного числа «у дагестанцев и в персидском языке». Однако ближайшие носители языка, знающие такую форму множественного числа – лезгины – всегда обитали в Южном Дагестане и никогда не имели касательства к Ауху, будучи удалены от него 200 км труднодоступных гор с многоязычным населением. Персидский же язык вообще не знает суффикса множественного числа «-ар».

Близость «корня» «Аух-ар» и кумыкского топонима «Аух» целиком основана на сходстве их передачи в русском тексте, где не могут быть полностью учтены иноязычные фонетические особенности. В персидском тексте «Аухар» читается как «Ау/в/Гаp»²⁴. Совершенно очевидно различие «ГІ» и «х» – это два разных согласных звука.

Еще более разительное отличие «Аухар» от самоназвания ауховцев «аькхкхий». Геминат «кхкх» не может быть передан через «ГІ», так как при необходимости передачи «кхкх» в персидском тексте скорее были бы применены буквы «ха» или «къаф». Все это исключает, на наш взгляд, возможность того, что «Аухар» есть персидская передача «Аух» или «аькхкхий». В выражении источника «подножье горы Аухар» (дамаьн-е кугІ-е АугІар) Х. А. Хизриев предлагает два первых слова понимать как «предгорье», а «Аухар» считать названием этого предгорья (а не «горы»). Однако то же выражение (дамаьн-е кугІ-е Эльбурз) употреблено, когда речь идет о «подножье горы Эльбурз», и нет сомнений, что Эльбурз – это название горы, а не предгорья²⁵. Во всех подобных конструкциях имя собственное относится к «горе», а не к «подножью», а значит отпадает и довод: «высокогорная Авария никогда не считалась и не может считаться предгорьем» – ведь на самом деле источник говорит о «подножье», которое есть у всякой горы (в том числе и Аварии).

Кроме того, из отождествления «Аухар-Аух» последовал бы целый ряд исторических выводов, не согласующихся с данными источников, на что уже указано в специальной литературе²⁶. В самом деле, пришлось бы признать, что ауховцы, подвергшиеся сильному разорению и разграблению в ноябре – декабре 1395 г., оказались в состоянии отправить в марте 1396 г. в восточно-дагестанские предгорья войско, существенно не уступавшее войску шамхала Гази-Кумухского. Учитывая, что на подобные акции не оказалась способна больше ни одна из северокавказских земель, придется признать Аух XIV в. весьма мощной политической еди-

ницей. Чем объяснить в таком случае отсутствие упоминания о нем во всех известных источниках? Почему он не оказал аналогичной помощи в конце 1395 г. своим чеченским и салатавским соседям – ведь это было бы легче, чем идти в восточнодагестанские предгорья?

Наконец, источники считают Аухар страной, где ислам к концу XIV в. укоренился настолько основательно, что аухарские газии даже распространяли его мечом среди соседей-иноверцев. Между тем в Аухе не найдено никаких памятников ислама (эпиграфика, культовые постройки и т. п.), относящихся к тому времени.

И напротив, общепринятое отнесение «Аухар» к историческому ядру Аварии основано отнюдь не на «отдаленном созвучии», как полагает Х. А. Хизриев. В. Ф. Минорский дал основательный анализ исторической топонимики с корнем «а/у/-гI-р», связанной с аварской территорией, помещая в этот ряд и «АугIар» из «Зафар-намэ»²⁷.

Средневековое Аварское княжество было одним из сильнейших в Дагестане, и после разгрома Тимуром весной 1395 г. Кайтагского уцмийства оно действительно оказалось вторым по значению в Дагестане после Гази-Кумухского шамхальства²⁸. Добавим, что, кроме военных сил, оно хорошо защищено своим положением в глубине горного Дагестана. Его ядро – Хунзахское нагорье – действительно представляет собой приподнятое плато, защищенное с северо-востока хребтом Аракмезр, а с северо-запада – долиной Андийского Койсу. Часть ее, прилегающая к Хунзахскому плато («подножье») и носящая название Нака-Хиндалал²⁹, до сих пор остается одной из плодороднейших частей Аварии.

Что касается исламизированности Аухара, то мусульманская эпиграфика Хунзаха восходит к XIII в.³⁰, а традиция ведения здешними феодалами непрерывных «войн за веру» хорошо прослеживается от XVII–XVIII вв. до времени утверждения ислама в Хунзахе.

Основываясь на приведенных данных, мы считаем принятое отождествление «Аухар-Авария (т. е. Хунзахское нагорье)» обоснованным и приемлемым. Используя его как отправную точку и сопоставляя сообщения «Зафар-намэ» с дагестанскими преданиями и топонимикой, попытаемся реконструировать «дагестанский отрезок» маршрута четвертого рейда Тимура.

Симсим, с захвата которого начался рейд, бесспорно, лежал в равнинно-предгорной зоне (ибо часть его жителей бежала оттуда в горы)³¹. Оттуда Тимур вторгся в крайне труднодоступный горный район, населенный

христианами (и язычниками)³² и лежащий выше «подножья горы Аухар» (т. е. выше Нака-Хиндалальской долины Андийского Койсу). По нашему мнению, с этим отрезком следует сопоставить группу дагестанских преданий о движении Тимура по «Арсахь-Тимурил нух» в Гумбет, а затем в Анди. По местным преданиям³³, в Андийской котловине находилось довольно сильное феодальное княжество во главе с князем-христианином Юлуком (Елуком)³⁴. Предания единодушны в том, что Тимур вторгся туда со стороны с. Мехельта (т. е. из Гумбета) через перевал Андийские Ворота, причем потерял неделю, стараясь взять тамошнюю оборонительную стену³⁵, пока противники Юлука не указали завоевателям обходную тропинку. Ударом с двух сторон те прорвали укрепление (видимо, это нашло отражение в словах «Зафар-намэ» о «завоевании крепостей»), а затем одолели андийское войско в кровопролитной битве у с. Гагатль (местность эта доныне называется «кровавая река»). Что же касается «огня гнева» Тимура, который «жег сухое и мокрое», то андийские предания сохранили массу примеров его зверств.

Поскольку нет свидетельств о продвижении Тимура дальше Андийской котловины, остается предположить, что он покинул ее тем же путем (через Андийские Ворота). Однако вряд ли имело смысл войску его возвращаться по прежде разоренным местам (да еще глубокой осенью). Спускаясь с перевала, он неизбежно оказывался над Нака-Хиндалальской долиной, разграбить которую было нетрудно. «Зафар-намэ» говорит об обилии «добычи, корма и пищи», захваченных у «предгорья горы Аухар».

После этого, разумеется, можно было продемонстрировать «великодушие» и не грабить дочиста покорившийся ранее Бешкенд, расположенный по пути от Аухара. Если предположить, что Тимур уходил не по прежней разоренной дороге «Арсахь-Тимурил нух», а по долине Андийского Койсу, то «иль Чутур-казакский... в этих великих горах»³⁶ следует искать вблизи долины Койсу, где-то ниже Нака-Хиндалал, но выше Миатлинского каньона³⁷ (далее начинается плоскость), а Бешкенд должен находиться между ними. Согласно «Зафар-намэ», бешкендцы «раньше покорились». Случилось ли это после ухода Тимура от «подножья горы Аухар», или же во время одной из предыдущих акций Тимура – в любом случае Бешкенд должен находиться вблизи пути движения завоевателей, а это возможно лишь при локализации Бешкенда где-то в Салатавии или вблизи нее.

Вышеизложенные соображения в рамках ныне известного фактического материала помогают уточнить некоторые обстоятельства нашествия Тимура на Северный Кавказ и борьбы горцев против завоевателя.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Б. Виноградов. – Грозный: [ЧИГУ], 1979. – С. 135–145.

¹ См., например: *Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С.* О маршруте похода Тимура 1395–1396 гг. через Дагестан // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XX: Серия общественных наук / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1970. – С. 221–235; *Ичалов Г. Х.* Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. (Досоветский период). Вып. II / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1975; *Ртвеладзе Э. В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В. Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976. – С. 103–128; *Хизриев Х. А.* К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура // Известия [Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы]. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1: Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. (Сборник аспирантских работ) / Отв. ред. А. Г. Попов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1974. – С. 3–18; *Он же.* Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Т. IX / С. А. Сангариев, А. Г. Попов. – Грозный: [б.и.], 1977. – С. 125–141; *Он же.* Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Там же. – С. 142–157.

² Перевод соответствующих отрывков см.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений / Собраны В. Г. Тизенгаузеном, обработаны А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 118–124. Для уточнения использован также персидский текст «Зафар-наме» по изданию Ф. Тауэра, см.: Там же. – С. 105.

³ Перевод отрывков см.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 174–187.

⁴ *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926. – С. 64.

- ⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). – СПб.: Тип. А. Хомского, 1895. – С. 219–220 (приложение: Предание о происхождении чеченцев); Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975. – С. 207 (отрывок о падении Аркаса).
- ⁶ Пример того, как использование письменного источника без должной критики может ввести в заблуждение, – статья Х. А. Хизриева, в которой отождествление без достаточного основания калмыков из «местной хроники арабиста Висарпаши Ибрагимова» с монголо-татарами привело к «сдвигу» в XIII в. событий XVII в. См.: *Хизриев Х. А. К истории чеченцев...* – С. 13.
- ⁷ Персидские термины передаются в дагестанской транскрипции (кроме специально оговоренных случаев), а местная терминология – в написании, принятом ныне в соответствующих республиках и областях Северного Кавказа. Выражаем искреннюю признательность Т. М. Айтберову, оказавшему большую помощь в привлечении персидского текста Шами.
- ⁸ *Хизриев Х. А. Походы Тимура...* – С. 128.
- ⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 180. См. также ссылку на Абдуразака Самарканди: Там же. – С. 181.
- ¹⁰ Там же. – С. 123, 183.
- ¹¹ Третий вариант, локализирующий события в преддверии Дарьяльского ущелья, явно не согласуется с источниками (*Хизриев Х. А. Походы Тимура...* – С. 135–138). Необъяснимо отсутствие упоминаний о Тереке, хорошо известном персидским авторам, непроходимом лесе на протяжении 20 км, на одном из самых оживленных путей средневекового Кавказа вокруг Джулата, отождествления Капкай – Кабчигай, Ларс – Абаса, никак не обоснованные автором, и т. п.
- ¹² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 122, 181.
- ¹³ *Ртвеладзе Э. В. Указ. соч.* – С. 115–116.
- ¹⁴ *Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В. К. Гарданов.* – М.: Наука, 1969. – С. 86.
- ¹⁵ *Ртвеладзе Э. В. Указ. соч.* – С. 115 (со ссылкой на Л. И. Лаврова).
- ¹⁶ Там же. – С. 124–126; *Даутова Р. Тимур и вайнахи в 1395–1396 годах // Вторая Всесоюзная студенческая научная конференция по вопросам истории и филологии народов Кавказа, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. План работы и тезисы докладов.* – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1969. – С. 16.

- ¹⁷ «Аркас – Араканы – Зирани – Балахуни – вот исторически известный и кратчайший путь, который вел из низин на плоскогорье» (*Малачиханов Б. Г.* О прошлом Аварии. (К материалам по истории Нагорного Дагестана). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1928. – С. 14).
- ¹⁸ *Бакиханов А.-К.* Указ. соч. – С. 64; *Магомедов Р. М.* Дагестан... – С. 264–266; *Гаджиев Б. И.* Ворота в горы Дагестана. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1966. – С. 7–9.
- ¹⁹ Возможность отождествления «племени Ирку/в/ун» в Иргъвана (сильного общинного союза на стыке Андийского и Салатавского хребтов, по преданию принявшего ислам раньше Хунзаха и успешно воевавшего с нуцалами-язычниками), весьма сомнительна, т. к. переход фонемы «гъ» в «к-г» (а равно обозначения «гъ» через «кяф») весьма маловероятен: в персидском имеются соответствующие звуки и буква («гъайн»). То же следует сказать о возможности отождествления «Ирку/в/ун» с с. Ирганай (Рихъуни) – старинным аулом, лежащим напротив с. Балаханы на другом берегу Аварского Койсу. В то же время заслуживает серьезного внимания интерпретация «Ирку/в/ун» как «аркауи» (монгольское название христиан), предложенная Х. А. Хизриевым (*Хизриев Х. А.* Походы Тимура... – С. 131–132).
- ²⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 122–180.
- ²¹ Следует учитывать, что войско двигалось по проторенному торговому пути вдоль северокавказских предгорий, имея двух сменных коней на каждого бойца, а во время рейда (ноябрь), когда урожай был уже собран, давало возможность использовать награбленное зерно как концентрированный корм и тем самым резко сократить время выпаса коней. Опыт Гражданской войны подтверждает возможность многодневного движения конных соединений в аналогичных условиях со скоростью более 100 верст в сутки. См.: *Семанов С. Н.* Махновщина и ее крах // Вопросы истории. – 1966. № 9. – С. 42.
- ²² *Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С.* Указ. соч. – С. 225; *Ртвеладзе Э. В.* Указ. соч. – С. 117; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 292; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 134 и др.
- ²³ *Хизриев Х. А.* К истории чеченцев... – С. 11–13; *Хизриев Х. А.* Из истории борьбы... – С. 144 и др. публикации.
- ²⁴ В этом разделе мы пользуемся для транскрипции чеченской системой письменности (исключая передачу сугубо аварской топонимики). Пользуемся приятной возможностью выразить признательность старшему научному сотруднику ИИЯЛ М. Арсланбекову, консультировавшему нас по вопросам чеченской этнонимики и топонимики.

- ²⁵ Кроме того, для обозначения предгорья (как отдельного понятия, а не «части целого») есть иная грамматическая форма (дамаьнэ-йе кугI), которой в тексте Шами нет.
- ²⁶ См. рецензию В. Б. Виноградова и Х. М. Мамаева (*Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* [Рец.:] Материалы по археологии Дагестана. Т. III. – Махачкала, 1973. – 133 с. Илл. // Советская археология. – 1976. № 1. – С. 287).
- ²⁷ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. – С. 133–135.
- ²⁸ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 135–136 («Завещание Андуника»).
- ²⁹ *Магомедов Р. М.* По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. – С. 81–82, 87–88; Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е. И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1895. – С. 184–187.
- ³⁰ *Айтберов Т. М., Иванов А. А., Казанбиев А. М.* Новые эпитафические памятники с территории Аварии // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. (Тезисы докладов). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1978. – С. 45.
- ³¹ Беспочвенно намерение Х. А. Хизриева распространить границы Симсима на территорию всей горной и предгорной Чечено-Ингушетии (*Хизриев Х. А.* Из истории борьбы... – С. 147–151).
- ³² «Зафар-наме» говорит об уничтожении «их церквей и капищ».
- ³³ *Магомедов Р. М.* Дагестан... – С. 264–266.
- ³⁴ О бытовании в районе Анди христианства свидетельствуют «Завещание Андуника», упоминающее церковь Миясу-гаган к югу от Анди (за Ботлихом), и наличие у андийского с. Гунха развалин, считающихся церковью (об этом нам любезно сообщил андиец Х. Амирханов, сотрудник ИА АН СССР).
- ³⁵ *Магомедов М. Г.* Остатки оборонительных стен у Андийских Ворот // Материалы по археологии Дагестана. Т. III / Отв. ред. Д. М. Атаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1973. – С. 84.
- ³⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... – С. 184.
- ³⁷ Э. В. Ртвеладзе пришел к близким выводам о локализации Чутур-Казака, исходя из топонимики (*Ртвеладзе Э. В.* Указ. соч. – С. 120).

СВЕДЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XV ВЕКА О ДАГЕСТАНЕ*

Настоящая статья представляет собой попытку использовать для освещения некоторых моментов истории Дагестана сообщения итальянских путешественников XV в. – Иосафата Барбаро, Джиованмариин Анджолелло и купца-анонима.

Эти авторы давно известны исторической науке, их сведениями пользовались и современные историки, однако, 1) для разработки истории Дагестана записки Анджолелло и купца-анонима, насколько нам известно, не привлекались вовсе, а записки Барбаро использовались недостаточно: обычно привлекается известный русский перевод, сделанный Семеновым¹, который содержит лишь первую их часть – записки о путешествии в Тану, и совершенно не касается второй части – записок о путешествии в Персию; 2) большинство историков пользуется английским переводом записок этих путешественников, который страдает некоторыми неточностями.

Помещаемые в настоящей статье переводы отрывков, относящихся к истории Дагестана XV в., сделаны с текстов записок вышеназванных путешественников, опубликованных в издании «*Delle navigationi et viaggi, raccolte da M. Gio. Battista Ramusio et illustrati con molti vaghi Discorsi da lui dichiarati*» (Т. II, Venetia 1558–1559). Это издание, осуществленное Рамузио – младшим современником вышеназванных авторов, вышло менее чем 40 лет спустя после окончания последнего по времени из описываемых путешествий – путешествия купца-анонима (1520). Оно является вторым (после издания А. Манузио 1543 г.) изданием этих текстов.

Эти обстоятельства, на наш взгляд, в какой-то степени гарантируют достаточную близость этих текстов к оригиналам.

Сведения по истории Дагестана, содержащиеся в вышеназванных текстах, чрезвычайно отрывочны, случайны, поверхностны и неполны. Однако, учитывая совершенно исключительную скудость источников по

истории Дагестана этого периода, можно надеяться, что и такие сведения представляют определенную ценность для историка.

Отрывочный характер нашего материала не позволяет дать на его основе сколько-нибудь связное повествование об историческом процессе той эпохи и диктует настоящей работе форму комментариев к приводимым текстам и дополнений к ныне существующим историческим трудам, содержащим последовательное изложение истории Дагестана того периода².

Эта же причина обуславливает и последовательность изложения материала настоящей статьи:

1) введение – краткий обзор истории связей Запада с Дагестаном (в той мере, в какой это необходимо для интерпретации приводимых сообщений);

2) тексты переводов-отрывков из записок И. Барбаро, Анджолелло и купца-анонима;

3) интерпретация исторических сведений, содержащихся в этих текстах.

* * *

Представители клерикальных и торговых кругов Западной Европы «открыли» для себя Дагестан, преследуя свои экономические и политические цели на Востоке. Среди побывавших в Дагестане в XIII–XV вв. европейских миссионеров, дипломатов и торговцев преобладали итальянцы, что легко объяснимо: города Италии были самыми значительными торговыми центрами тогдашней Европы, в Италии же находился мировой центр католицизма.

Католическая церковь не без основания считала себя выразителем общих интересов класса феодалов Западной Европы – в соответствии с ними она действовала на Востоке. В XII–XIII вв. ею делались попытки установить связь и союз с фантастической державой «пресвитера Иоанна» в Центральной Азии – сначала для того, чтобы ударом в тыл мусульманам Ближнего Востока поддержать крестоносцев, а затем – чтобы создать противовес Монгольской империи. Неудача этих поисков, а также попыток обратить монголов в католичество, заставила римскую курию попытаться сплотить восточные христианские церкви в союз под эгидой Рима и через такой союз влиять в своих политических целях на население Ближнего Востока и Кавказа³.

С XIII в. начинается интенсивное проникновение католических агентов в Грузию и на Северо-Западный Кавказ. К 1349 г. в г. Матрега (на Таманском полуострове) возникает центр архиепископства во главе с архиепископом-францисканцем, черкесом по национальности, Жаном де Зики. В 1358 г. он докладывает, что влияние его центра распространилось до Дербента.

Хотя после монгольского завоевания значение пути через Дербент вдоль западного побережья Каспия уменьшилось, однако он все же соединял две наиболее важные коммуникации Старого Света в средние века: «Великий шелковый путь» (Малая Азия и Левант – Иран – Средняя Азия – Китай) и второй после него по значению путь – Западная Европа – Северное Причерноморье – низовья Волги – Средняя Азия – Китай (кстати, этим путем следовали на Восток Плано Карпини и Рубрук). Кроме того, Приморский Дагестан был последним отрезком на караванном пути от генуэзской Матреги (на Таманском полуострове) до Дербента: отсюда открывался сухопутный путь на Закавказье и Ближний Восток и морские пути в Гилян, к устью Волги и к устью Узбоя (далее в Среднюю Азию).

Разумеется, столь важная в стратегическом и торговом отношении местность обратила на себя внимание западных миссионеров и торговцев. Они не могли рассчитывать на какой-либо успех непосредственно в Дербенте, который всегда был в сфере влияния сильных государств Ближнего Востока и где прочно укрепился ислам – поэтому они сосредоточили свою деятельность в приморском и предгорном Дагестане и в Кайтаге.

Около 1363 г. внутри архиепископства Матреги выделяется «епископство Каспийских гор», охватывавшее часть территории Дагестана. К 1392 г., по данным ордена францисканцев, оно насчитывало около 10000 обращенных в католичество⁴, а в «стране кайтагской» возникли 5 епископских центров: Chomek, Thuma, Tarehu, Degweli, Michaha⁵.

Рядом с миссионерами шли купцы: Марко Поло сообщает о генуэзских торговых кораблях на Каспии (вторая половина XIII в.).

Первый серьезный удар связям Дагестана с Западом нанесли походы Тимура в 1395–1396 гг. Как известно, поход 1395 г. был в основном направлен против кайтагцев как союзников Тохтамышша. Поход в 1396 г. также не миновал Кайтага. При этом сильно пострадали католические миссии. Дагестанские католики опасались нового нашествия Тимура:

пользуясь этим, генуэзец Антуан Реккана даже добился санкции папы на строительство на Каспийском море военного флота, который он обещал каким-то образом использовать против Тимура. Готовился даже крестовый поход для защиты католических интересов в Кайтаге против Тимура, причем во главе его должен был встать францисканец, занимавший ответственные должности в ордене, уроженец Дагестана, Антуан Солпан⁶.

Однако нового похода Тимура на Дагестан не последовало – напротив, тот повел с королем Франции переговоры о торговле (кстати, переговоры велись через посредство клерикалов-католиков, пребывавших на Востоке). Таким образом, надобность в крестовом походе отпала, и флот Рекканы стал использоваться для торговли.

Тем не менее, католицизм в Дагестане не мог оправиться от пережитого удара без помощи с Запада: есть свидетельства о посылке в приморский Дагестан в 1422 и 1433 гг. групп миссионеров, причем именно в качестве «подкрепления».

Однако в середине XV в. католическому влиянию в Дагестане был нанесен второй, и на этот раз сокрушительный, удар: в 1453 г. турки взяли Константинополь, и свободное проникновение генуэзцев через черноморские проливы к берегам Кавказа прекратилось. К последней четверти XV в. турки контролировали уже все северное Причерноморье, и генуэзским колониям здесь пришел конец; проникновение миссионеров из Западной Европы на Кавказ через Польско-Литовское государство также стало невозможным.

К тому же в этот период слабеет внешняя активность западного католицизма: основные его силы связаны в самой Европе борьбой с надвигающейся Реформацией за возвращение былой духовной монополии.

Между тем успехи турок имели еще одно последствие: в Восточном Средиземноморье турки столкнулись с Венецианской республикой. Последняя ищет союзников для борьбы с ними – таким союзником оказывается государство Ак-Коюнлу во главе с Узун-Хасаном. Венеция направляет к нему ряд своих дипломатов, многие из которых были вынуждены ехать через Дагестан – это отразилось в их путевых записках (один из них – автор разбираемых нами сведений Иосафат Барбаро, миссия которого к Узун-Хасану имела место в 1473–1479 гг.).

Следствием дружеских отношений между государством Ак-Коюнлу и Венецией было появление в Восточном Закавказье венецианских купцов

(среди них и второй автор разбираемых нами сведений, купец-аноним, пребывавший в Закавказье между 1507–1520 гг.⁷), и просто авантюристов, подобных третьему автору разбираемых нами сведений – Джоуанмария Анджелилло, который пребывал в Иране и Закавказье с 70-х годов XV в. до начала XVI в., иногда поступая на службу к местным государям⁸.

Ниже мы приводим отрывки из записок указанных трех авторов, относящихся к истории Дагестана.

Путешествие некоего купца в Персию

(Перевод Л. Смирновой)⁹

[f-86A]¹⁰ «...Вступив в царствование, Аламут Султан [т. е. Султан-Якуб Ак-Коюнлу, сын Узун Хасана] пожелал возвратить Шейх-Хайдара (Sekaidar) в Черкассию, как человека, привыкшего к походу против христиан. [Тот] собрал своих людей и отправился по пути в Шемаху, и пришел туда через 8 дней, и отправился по пути в Дербент, где есть проход в Черкассию, и они были в пути 5 дней. Как только пришла новость к султану Аламута и его баронам, что Шейх-Хайдар с войском в 4–5 тысяч суфиев направился в Черкассию для разорения этого народа, и туда пошло много волонтеров с большой надеждой получить большую добычу, он неожиданно послал весть королю этой страны, имея некоторый страх перед ним [т. е. Шейх-Хайдаром] из-за того, что у Шейх-Хайдара такое число людей, послал ему [т. е. королю] сказать, чтобы он сделал некоторые усилия, чтобы он не пропускал его, потому что Шейх-Хайдар с суфиями в этом месте уже в прошлом году нанес довольно большой убыток [хотя] и потерял половину людей: так что [Султан-Якуб] опасался, как бы они опять не сделали подобного: по этой причине он решил перерезать ему [т. е. Шейх-Хайдару] путь, чтобы он не ушел увеличивать свое могущество, как он делал это каждый день, двигаясь в Черкассию, потому что каждый охотно двигался за ним, жаждая добычи, так что в короткое время [f86B] он мог стать большим сеньором и сделался бы кондотьером (буквально «рыцарем удачи» – *capitana di ventura* – А. К.).

Наконец, Шейх-Хайдар пришел в Дербент и увидел, что проход закрыт по приказу Аламут-Султана. Дербент – город большой и, как следует из его хроник, был создан Александром Великим: шириной в милю, длиной – в три, имеет с одной стороны Каспийское море, а с другой – большую гору, которую никто не может пройти, если только не через

ворота города, потому что в его восточной части находится море, а к западу – там гора очень неприступная, так что даже кошки там не могут пробраться. Этот город был назван Дербентом на персидском языке, что по-нашему означает «железные ворота», и тот, кто хочет пройти в Черкассию, должен держать путь через этот город, который граничит с Черкассией, и большая часть которых [т. е. ее жителей] разорена, и говорят как по-черкасски, так и по-турецки.

Шейх-Хайдар, увидев это, т. е. что ему был запрещен проход, как было сказано, пришел от этого в страшный гнев, и начал атаковать замок и осадил этот проход; и нашлись в этом городе некие деловые люди, которые, остерегаясь драться с суфиями, поспешно послали известие королю страны [т. е. ширваншаху Фаррух-Ясару], предупреждая его о несчастии, и тот, узнав новость, пришел прямо к Аламуту, который находился в Тавризе, а этот созвал всех своих баронов, приказав им, чтобы они собрали людей и чтобы их имелось около 10000 бойцов: они пошли против Шейх-Хайдара и в несколько дней пришли в Дербент, где тот атаковывал крепость».

Путешествие Иосафа Барбаро, почтенного венецианского гражданина в Персию, часть вторая *(Перевод Л. Смирновой)*

|f109A| «...а весь этот участок [между Бакинским и Большим морями, т. е. между Каспийским и Черным] полон гор и долин, прекрасно обжитых в некоторых местах несколькими мелкими владельцами (signorotti) – нет никого, кто осмелился бы войти в их территории из страха быть ограбленным, но в большей части они необитаемы»...

«...туда отправились братья святого Франциска и некий наш священник-латинист. Народы, которые живут в этих местах, называются Кайтаки (Caitacchi), как сказано выше, говорят на языке, непохожем на другие, многие из них являются христианами, из которых часть верует по-гречески, часть по-армянски, а другие по-католически»...

|f109B| «...я считаю, что уместно будет рассказать одну новую и интересную историю, касающуюся нашей веры – о брате Винченцо из ордена Сан-Доминико, уроженце Каффы, который был послан для этих дел в эту сторону, и уже 10 месяцев как он уехал туда: этот человек, уехав из страны султана (Soldano), встретил секту магометан, кричащих о смерти христианам согласно своей вере, а затем, идя к Персии и все более воз-

растая в числе, эти грабители направились к Бакинскому морю и пришли в Шемаху, а потом в Дербент, а оттуда в Тумен и частью верхом, частью пешком, частью вооруженные, частью без оружия и в огромном числе двинулись к потоку, называемому Терх, который находился в провинции Элохци, вошли в Каспийские горы, где есть многие христиане-католики, и в каждом месте, где находили христиан, без всякого сожаления умерщвляли всех: женщин, мужчин, малых и взрослых, – а после этого спустились в страну Гога и Магога, и так как эти тоже были христианами, но на греческий манер – [то] и с этими сделали подобное. Затем они повернули в Черкассию, идя к Шиппихи и Карбатеи, которые обе расположены на Большом море [т. е. на Черном море], и подобным образом поступили и с этими местами, до тех пор, пока люди из Тетракоссы и Кремуха не сошлись с ними врукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров: и они [т. е. участники набега] убежали в этот недобрый час в свою страну. Зихи [т. е. один из народов адыгской группы] могли понять, в какой тяжелой ситуации очутились христиане, которые жили вокруг – это было в 1486 г.

Скажу о Дербенте одну вещь, которая покажется фантастической: выйдя из одних ворот, в некоем месте, как раз под стеной находятся... фрукты всевозможных сортов и даже миндаль, а от других ворот – нет ни фруктов, ни единого дерева, исключая дикие айвовые деревья, и это длится 10–15 и 20 миль в этой стране, и еще дальше.

Я увидел, будучи в этом месте, в одном погребе два якоря по 800 и более ливров, мне показали в этой стране очень большие суда: в настоящее время самые большие якоря, которые имеются – 150 или самое большее 200 ливров один».

**Короткий рассказ о жизни и деяниях сеньора Узун-Хасана,
сделанный Джюванмарией Анджолелло**
(Перевод К. Арсеньевой)

[f.73V] «...идя от Баккара [Бугурд в Ширване], на расстоянии одного дня находится Сирех, который является крепостью на горе, и те, которые находились внутри, три дня вели переговоры с Исмаилом, который, наконец, утвердив с ними условия, послал туда внутрь 60 человек, утвердив первого коменданта замка, но так как вышеупомянутые 60 человек суфиев, прибегая ко многим актам нечестности, вели себя очень плохо, [то] все они были порезаны на куски теми, которые раньше находились в

замке [и] которые потом со страху убежали ночью вверх в те высочайшие горы, и замок весь разрушился.

Немного неподалеку есть город, который называется Себран [Шабран], который не имеет стен, и внутри не было никого, потому что все убежали, кто нарочно, дабы оставить местность безлюдной, а кто со страху.

Уйдя оттуда, он подошел к Дербенту за 4 дня и нашел, что все люди убежали, кто к татарам, кто к началу (или «мысу?» – «in saro») Каспийского моря, а кто в те же горы, так что оставался только замок, большой, крепкий и замечательно отделанный, и все его башни, и все стены – как новые, сверху на них кругом были зубцы (lancie), знамена и много людей. У этого замка двое ворот, которые были замурованы большими камнями с хорошей известкой, и прежде, чем я [в своем рассказе] продвинулся дальше, хочу сказать вам несколько вещей. Город Дербент – некоторые называют его Темиркапи – находится на Каспийском море вблизи от высоких гор, называемых Каспийскими, и находится между морем и горой, и нельзя пройти, идя в Татарию или Черкассию, кроме как через это место. Вблизи от этой горы есть пляж около мили [в ширину] от моря до горы, где проходят две стены, которые начинаются от моря и идут к горе на расстоянии полмили одна от другой. Эти две преграды входят в море и тонут в двух шагах воды, так что невозможно пройти к горе, так что ни пешком, ни на коне нельзя идти кроме как через ворота».

* * *

Анализ опубликованных выше материалов позволяет раскрыть целый ряд отдельных черт и конкретных фактов социально-экономической и политической жизни Дагестана XV в. Степень их известности и значимости для исторической науки весьма неодинакова. Сведения о политической истории явно преобладают в приведенных выше документах: они составляют около половины общего объема приведенных документальных материалов. Материал же по другим сторонам исторического бытия Дагестана XV в. гораздо более скуден и отрывочен.

Географические сведения в рассматриваемых источниках довольно малочисленны и однообразны. Хотя все три автора лично побывали в Дербенте, описание его у них весьма стереотипно и не добавляет ничего нового к уже известным сведениям. Можно отметить лишь свидетельство Анджолелло о том, что в его время дербентские стены кончались

почти у самого берега и тонули в двух шагах от него – это позволит в какой-то степени представить объем работ по продолжению стен в море, выполненный позже, в начале XVII в., по указанию шаха Аббаса.

Следует отметить также употребление итальянцами термина «Черкассия» (*Circassia*): так они называли все территории на север от Главного Кавказского хребта, начиная от Дербента и до Черного моря (хотя И. Барбаро, описывая маршрут Шейх-Хайдара, уже употребляет этот топоним преимущественно в отношении Северо-Западного Кавказа). По свидетельству купца-анонима, жители этой прилегающей к Дербенту «Черкассии» говорят как по-черкесски, так и по-турецки, т. е. на кавказских и тюркских языках. Следовательно, в конце XV в. этнографическая картина района Дербента была уже подобна современной: его населяли дагестанцы и азербайджанцы¹¹.

Еще меньше в рассматриваемых источниках сведений, касающихся экономической жизни XV в.

Купец-аноним вскользь отмечает, что большая часть жителей Черкассии в районе Дербента разорена.

Анджолелло свидетельствует об исправном состоянии Дербентской цитадели. Барбаро отмечает разнообразие плодовых деревьев («даже миндаль») в садах Дербента, но о местоположении этих садов говорит неясно: находились ли они лишь по одну сторону Дербента (если так, по какую именно?) или же располагались с обеих сторон, но весьма неравномерно. Эта неравномерность при одинаковых природных условиях поразила Барбаро. Возможно, она является следствием уменьшения населенности района Дербента в тот период, даже заброшенности бывших культурных земель (наличие обширных зарослей одичавшей айвы).

В Дербенте Барбаро обнаружил вышедшие из употребления громадные якоря, каждый весом в 800 и более ливров (т. е. более 400 кг), в то время как на каспийских судах его времени (даже очень больших, по его оценке) употреблялись якоря в 150–200 ливров (т. е. 75–125 кг). Если же сравнить это свидетельство Барбаро с весьма критической оценкой, данной дербентским судам в 1475 г. А. Контарини (большие беспалубные лодки, годные лишь для прибрежного плавания¹²), то налицо явная деградация судоходства в Дербенте к концу XV в. Однако наличие в Дербенте в конце XV в. громадных якорей, пусть даже и вышедших из употребления, заставляет: 1) или признать эту деградацию недавней (и тем самым не согласиться с мнением академика В. В. Бартольда о том, что

уже в XIII в. Дербент потерял всякое значение как морской порт)¹³, 2) или признать, что эти якоря использовались до XIII в., но при этом уцелели до XV в. Последнее маловероятно. К тому же не следует забывать о флоте Антуана Рекканы (рубеж XIV в. – см. введение к настоящей статье) и, может быть, о гребном пиратском судне, типа «фуста», построенном в Дербенте итальянцем Джиовани да Валле в 1428 г.¹⁴

Сведения политического характера касаются в основном двух последних походов одного из первых Сефевидов – Шейх-Хайдара, которые тот предпринял в 1487 и 1488 гг. Купец-аноним довольно подробно и последовательно излагает обстоятельства начала последнего похода Шейх-Хайдара на Дагестан 1488 г., хотя сам рассказчик побывал в Дербенте лишь в 1509 г., т. е. 21 год спустя после описываемых событий. Отступления его от традиционного изложения этих событий, даваемого более компетентными источниками, весьма незначительны (так, он преувеличивает размеры военной помощи Султан-Якуба Ак-Коюнлу Дербенту: называет цифру 10000 воинов вместо 4000 по восточным источникам)¹⁵.

Но в то же время он не дает о походе 1488 г. никаких новых сведений. Внимания заслуживает лишь его упоминание о походе Шейх-Хайдара в 1487 г. (см. f86A).

По всей вероятности, к этому походу относится сообщение И. Барбаро (см. f109B). Барбаро тоже не был очевидцем событий: он вернулся в Италию в 1479 г., т. е. за 8 лет до похода 1487 г. и сведения о нем мог получить в лучшем случае из вторых рук (может быть, от того же доминиканца «брата Винченцо»), и уже затем внести в свои записки. Этим, возможно, объясняется его хронологическая ошибка. Он датирует этот поход 1486 г.¹⁶ Впрочем, для подобных записок европейцев ошибки в хронологии довольно обычны¹⁷.

Все топонимы, содержащиеся в этом сообщении Барбаро, весьма неопределенны и не поддаются локализации¹⁸, поэтому установить маршрут этого мусульманского набега невозможно. Ясно лишь, что наступающие прошли через Дербент, далее двигались на северо-запад почти до северо-восточного побережья Черного моря. Здесь «Зихи» (один из адыгских народов) вынудили их поспешно отступить обратно. Это событие поэтому не могло иметь места в районе Кумуха, как предполагал Ж. Ришар¹⁹. Известно, однако, что несмотря на эту неудачу, отряд Шейх-Хайдара вернулся в Ардебиль с 6000 пленными²⁰. Этот неожиданно удачный финал может быть, на наш взгляд, объяснен из сообщения купца-анонима: «Шейх-

Хайдар с суфиями в этом месте (т. е. в районе Дербента) в прошлом году (т. к. текст описывает события 1488 г. то, следовательно, «прошлый год» – это 1487 г.) уже нанес довольно большой убиток» – итак, Шейх-Хайдар разорил дагестанские земли у Дербента. Разумеется, во время похода 1487 г. ему пришлось пройти Дербент дважды – идя на север и возвращаясь назад. Но известно, что на север Шейх-Хайдар в 1487 г. был беспрепятственно пропущен через Дербент по ходатайству Султан-Якуба, т. е. без всяких военных действий²¹. Следовательно, указанное сообщение купца-анонима может относиться только к возвращению Шейх-Хайдара в Южный Азербайджан. Следовательно, 6000 пленных, приведенных им из похода 1487 г. в Ардебиль, о которых сообщают восточные источники, были им захвачены в Дагестане, недалеко от Дербента.

Однако для Шейх-Хайдара это была воистину «пиррова победа»: купец-аноним сообщает, что за нее он поплатился половиной своего отряда.

Таковы новые обстоятельства похода 1487 г., которые нам удалось извлечь при анализе сообщений И. Барбаро и купца-анонима.

В их свете становится более понятной та активность, которую проявили жители Южного Дагестана в разгроме Шейх-Хайдара в следующем 1488 г. в Табасаране.

Чтобы покончить с разбором сведений военно-политического характера, обратим внимание на свидетельство Анджолелло о том, что горожане Шабрана и Дербента при приближении сильного неприятеля оставляли города и уходили в горы, дабы спасти свою жизнь, а местность сделать безлюдной. Последнее, видимо, не случайность: А. А. Рахмани считает опустошение собственной территории, которая должна быть сдана неприятелю, не чрезвычайной или необычной мерой, а одним из обязательных приемов восточной стратегии того времени²².

Сведения о религиозном облике Дагестана XV в. дает И. Барбаро: часть кайтагцев все еще исповедовала христианство причем в трех формах – армянской, православной и католической. В Кайтаг еще проникли католические церковники францисканцы и доминиканцы. Последнее свидетельство о прибытии в Дагестан католического миссионера, монаха-доминиканца Винченцо, датируется 1486 г. Видимо, Ришар прав, говоря, что христианство в Кайтаге исчезло постепенно в результате непрерывных мусульманских набегов с юга, которые начинаются со второй половины XV в.

Социальной жизни Дагестана XV в. касается лишь одно поверхностное сообщение И. Барбаро (см. f109A), не содержащее ничего доселе неизвестного. Оно свидетельствует о: 1) неравномерности освоения горных территорий и 2) о феодальной раздробленности в горных областях и вытекающей отсюда феодальной анархии.

Подводя итоги и давая общую оценку сведениям, сообщаемым в отрывках из документов, приведенных в данной статье, нельзя не отметить, сколь мала и ограничена осведомленность их авторов о горных областях Кавказа (даже если прибавить к вышеназванным сведениям «Путешествие в Тану» того же И. Барбаро и записки А. Контарини).

Едва ли не самым разительным примером ее является общее для них представление о наличии общей границы между Мингрелией и Кайтагом. Если добавить к этому, что все географические пункты из документов западноевропейских путешественников, поддающиеся локализации, были расположены вдоль пути Матрега – Дербент, то неминуем общий вывод: интересы представителей средневекового Запада приковывали их внимание к морским побережьям и наиболее значительным торговым путям – таким образом, они ознакомились с Кавказом (и Дагестаном в частности) лишь «снаружи», основная его часть – внутренние горные области – так и осталась для них почти совершенно неизвестной.

При этом приходится констатировать случайный и спорадический характер экономических, а в значительной мере и политических, и даже религиозных связей Дагестана с Западной Европой. К тому же общение Запада с Дагестаном было относительно кратковременным, и вовлечена в него была сравнительно небольшая часть населения – по самым оптимальным данным, число дагестанских католиков никогда не превышало 10000 человек, причем цифра эта, несомненно, завышена.

Все эти обстоятельства обусловили почти бесследное исчезновение в Дагестане всяких следов былых связей с Западной Европой, как только эти связи были прерваны неблагоприятным для них ходом дальнейших исторических событий²⁴.

Примечания

- * *Впервые опубликовано*: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. I / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1970. – С. 110–123.
- ¹ Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семёнова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836.
- ² Очерки истории Дагестана. Т. I / Отв. ред. М. О. Косвен. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957. – С. 68–74; Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. – С. 108–137; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 49–86; История Дагестана. Т. I / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1967. – С. 176–231.
- ³ Сведения о деятельности католической церкви на Кавказе и в Дагестане во введении к данной статье изложены по докладу Ж. Ришара «Латинские миссионеры у кайтаков Дагестана XIV–XV вв.». См.: *Richard J. Les missionnaires Latins chez les Kaitak du Daghestan (XIV^e – XV^e siècle)* // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960. Т. III: Заседания секций X, XI, XIII / Под ред. Б. Г. Гафурова. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 606–612.
- ⁴ Достоверность этой цифры пока невозможно подтвердить, т. к. по этому вопросу нет иных сведений, кроме донесений самих миссионеров. Возможность преувеличения здесь весьма вероятна, ибо большое количество новообращенных способствовало карьере миссионера, а проверки он мог не опасаться. Кроме того, сам акт обращения был крайне формальным и практически никак не влиял на новообращенных – ср. со сведениями о подобной деятельности католических миссионеров в Китае, Индии, Японии в XVI–XVII вв.
- ⁵ Ж. Ришар идентифицирует их как Kumuk, Tjumen, Tarchu, Dourgali, Mishlak (*Richard J. Op. cit.* – С. 607). Скорее всего, однако, последним трем названиям соответствуют Тарки, Дургели и Мекеги. Первые два названия идентификации не поддаются: Chomek может быть и населенным пунктом на Кумыкской плоскости, и Камахом (около Дербента) и даже Кумухом, а Thuma может быть искаженным названием существующего ныне в Кайтаге с. Тама, и «Туманшахом» арабских географов X в. («Тумал» – Лакия), и Туменом, упоминаемым у И. Барбаро, и «страной Тюмен, где обыкновенно держатся пираты», локализуемой А. Дженкинсоном (1562 г.) между устьем Волги (в 50 милях от него к юго-западу) и страной Шамхала (Английские

путешественники в Московском государстве в XVI веке / Перевод с англ. Ю. В. Готье. – [Л.]: [б.и.], [1938]. – С. 201). Ф. Брун полностью приводит этот отрывок из буллы 1401 г. папы Бонифация IX, на который ссылается Ришар, однако, названия населенных пунктов там несколько иные: *Someh* вместо *Chomek* и *Davech* вместо *Dergweli*. *Davech* можно было бы идентифицировать с с. Дювек в Табасаране (Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Перевод с нем. и прим. Ф. Бруна. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1866. – С. 138).

⁶ Мы не располагаем достаточными данными, чтобы определить, насколько возможно отнести его к местной феодальной верхушке, основываясь на сходстве его фамилии с наследственным титулом владельца «царства Джидан» к северу от Дербента (X в.). Титул этот Масуди воспроизводит как «Салифан», добавляя «...мне кажется, что имя его общее для всех царей этой области» (*Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVIII. – Тифлис: Тип. Канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе и К. Козловского, 1908. – С. 51).

⁷ *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1961. – С. 24.

⁸ Там же. – С. 23.

⁹ Считаю приятным долгом выразить свою благодарность Л. Смирновой и К. Арсеньевой, любезно выполнившим переводы приводимых ниже текстов со старопитальянского.

¹⁰ Пагинация в издании Рамузио старинная, т. е. пронумерованы не страницы, а листы. Поэтому в дополнение к номеру листа все левые страницы разворота книги помечены у нас буквой А, а все правые – буквой В. В квадратные скобки заключены наши примечания, а также слова, необходимые для связного понимания, которых в текстах нет. В круглых скобках – подлинное написание некоторых собственных имен, а также слова, допускающие другой перевод.

¹¹ В труде египетского историка Ибн Тагрибиди «Хавадис ад-Духур», относящемся примерно к тому же периоду, что и наши источники (вторая половина XV в.), упомянут «еврей из купцов Черкассии», бывший по своим делам в Каире (но не знавший арабского языка) и выигравший там судебный процесс против должника-мусульманина. К сожалению, из этого краткого упоминания неясно: 1) насколько регулярны были торговые связи купцов Черкассии с Египтом; 2) из какой части Черкассии (т. е. Северного Кавказа) был упомянутый еврей-купец. К сожалению, у нас нет данных о том, что районы Дербента или Кайтага были единственными центрами сосредоточения местного еврей-

ского населения – в противном случае это сообщение Ибн Тагрибирди добавило бы несколько штрихов к общей картине экономической жизни и к этнографической карте Дагестана XV в. (Extracts from Abū 'l-Maḥāsīn ibn Taghrī Birdī's chronicle, entitled «Ḥawādith ad-duhūr fī madā 'l-'ayyām washshuhūr». Part I (845–856 A. H.) / Ed. by W. Popper // University of California publications in Semitic philology. – 1930. Vol. 8. № 1. – P. 129–130).

¹² Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году / Перевод с итал. В. С[еменова] // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семенова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836. – С. 82.

¹³ *Бартольд В. В.* Краткий обзор истории Азербайджана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 780.

¹⁴ Путешествие Иосафата Барбаро в Тану // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семенова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836. – С. 8.

¹⁵ См. у Б. Дорна со ссылкой на Дженаби «Тарих» и на Ибн Муина «Фирдаус ат-таварих» (без указания страниц) (*Dorn B.* Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenlandischen Quellen. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache // Mémoires de l'Académie impériale des sciences. – 1840. Ser. 6. T. IV. – P. 583).

¹⁶ Вероятность того, что кроме похода 1487 г. мог быть какой-то неизвестный поход 1486 г. ничтожна, она не подтверждается другими источниками.

¹⁷ *Эфендиев О. А.* Указ. соч. – С. 25.

¹⁸ В «потоке Терх» как будто угадывается р. Терек, а провинция Элохци (Elochzi) может быть искаженным при написании самоназванием чеченцев. Однако документальный материал не дает возможности для категорических утверждений.

¹⁹ *Richard J.* Op. cit. – С. 611. Прим. 16. Ришар принял за Кумух названный И. Барбаро Кремух – древний город на Северо-Западном Кавказе, точно не локализованный.

²⁰ *Эфендиев О. А.* Указ. соч. – С. 74.

²¹ Там же.

²² *Рахмани А. А.* «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1960. – С. 49–50.

²³ *Richard J.* Op. cit. – С. 608.

²⁴ Едва ли можно безоговорочно признать пережитком былых связей с Западом одну интересную деталь резного орнамента надгробий из кайтагского с. Тама: равноконечный крест, заключенный в орнаментальный картуш и совершенно не связанный при этом с обрамлением. Мы имели возможность ознакомиться с ним в материалах этнографической экспедиции ДГУ 1960 г., представленных в Историко-этнографический музей ДГУ В. П. Егоровой.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПЕРВЫХ СЕФЕВИДОВ*

Походы на Кавказ первых Сефевидов – Шейх-Джунайда и Шейх-Хайдара – рассматривались в исторической науке главным образом со стороны их значения для стран Ближнего Востока, в особенности для Сефевидской державы и Ширвана.

Гораздо реже встречаются попытки рассмотреть роль Дагестана в этих событиях. Между тем, необходимость подобного рассмотрения становится очевидной при ознакомлении с данными таких источников, как «Тарих-и алам арай-и Аббаси» Искандера Мюнши¹, «Такмилат ал-ахбар» Зейнал-Абидина Али², а также со сведениями, сообщаемыми Б. Дорном³ на основании изучения им иранских источников XVI–XVII вв., и со сведениями, сообщаемыми В. Ф. Минорским⁴ на основании изучения им «Тарих-и-Алами» Фадлуллаха бен Рузбихана.

Интерпретация этого материала с точки зрения исключительно ширваншахско-сефевидских противоречий оставляет без ответа два важных вопроса: 1) о цели походов первых Сефевидов и 2) о составе сил, нанесших поражение Сефевидам.

1. Цель походов первых Сефевидов. Не в пользу мнения о захвате Ширвана как о цели этих походов говорит факт, отмечаемый всеми источниками: хотя во время каждого похода Шейх-Джунайду, а затем Шейх-Хайдару приходилось пересекать Ширван, они неизменно игнорировали его экономические и политические центры и устремлялись в Дагестан (исключение составляет лишь последний поход Шейх-Хайдара, во время которого кызылбаши впервые вели военные действия в Ширване, захватили Шемаху, но закончился поход опять-таки в Дагестане); далее о Ширване как о цели похода Шейх-Джунайда около 863 г. хиджры – 1458 г. н. э. сообщает всего лишь один не дошедший до нас источник «Футухат-и Амини» (по словам Дорна, это сообщение утраченного источника передает И. Мюнши⁵).

2. Состав сил, нанесших поражение Сефевидам: а) против мнения о том, что в 1461 г. Шейх-Джунайд был разбит исключительно войском ширваншаха, говорит приводимое Дорном сообщение И. Мюнши о том, что «...ширваншах Султан-Халил решился на подстрекательство табасаранцев, дабы удержать Джунайда от его подозрительного похода на черкесов»⁶; б) против мнения о том, что Шейх-Хайдар в 1488 г. был разбит только соединенными силами войска ширваншаха и отряда Сулайманбега Биджан-оглы, говорит характеристика, даваемая источником этим военным силам.

Так, все источники единогласны в том, что после разгрома кызылбашинами Шемахи в 1488 г. войско ширваншаха Фаррух-Ясара было крайне слабым, что и являлось причиной присылки на помощь ему от Султан-Якуба Ак-Коюнлу четырехтысячного конного отряда Сулайманбега Биджан-оглы. Весьма примечательно, что не только просефевидские источники, но даже автор «Тарих-и Амینی» Фадлуллах бен Рузбихан, фанатик-суннит, с особой ненавистью относящийся к шииту Шейх-Хайдару и потому явно расположенный к его врагу – ширваншаху, тем не менее отводит этому последнему незначительное место в разгроме Шейх-Хайдара⁷.

Что же касается роли отряда Сулайманбега в этой победе, то, как явствует из того же источника, он не сыграл большой роли в сражении 1488 г. в Табасаране, так как не мог успешно действовать на сильно пересеченной местности. Многие из его конников погибли, собственно, не от ударов врагов, а сорвавшись в пропасть; сам Сулайманбег едва остался жив⁸.

После такой оценки сил и действий ширваншаха и Сулайманбега, сделанной даже сочувственно настроенным к ним автором «Тарих-и Амینی» (причем с ней согласуются и данные остальных источников), недостаточно обоснованным выглядит мнение о том, что именно этим силам принадлежит заслуга разгрома Шейх-Хайдара.

На наш взгляд, оба указанных противоречия в интерпретации материала источников в значительной мере снимаются, если постараться выяснить роль Дагестана в описываемых событиях.

Эта роль в вышеупомянутых материалах нигде не выделена особо. Однако это обстоятельство само по себе вовсе не может являться доказательством полнейшего безразличия Дагестана к политической жизни Ближнего Востока и Кавказа. Очевидно, указанные источники не рассма-

тривают дагестанцев как особую политическую силу, потому что значительная часть Южного Дагестана в XV в. находилась под протекторатом Ширвана и по этой причине рассматривалась авторами источников как одна из частей Ширвана. Авторы вышеупомянутых источников, одинаково чуждые и Ширвану, и Дагестану, могли просто не делать разницы между людьми ширваншаха одной стороны и населением земель, находящихся в сфере его влияния, с другой стороны.

Тем не менее, в той мере, в какой в источниках отразился объективный ход военно-политических событий – в такой же мере в них можно обнаружить указания на активную роль населения Дагестана (как отдельной силы) в этих событиях.

У населения Дагестана были достаточные основания для противодействия военным предприятиям первых Сефевидов. Говоря о цели их походов, вышеуказанные восточные источники называют или прямо Дагестан, или «страну черкесов» к северу от Дербента, имея в виду немусульманские народы, живущие за северной границей Ширвана, т. е. в первую очередь народы Дагестана⁹. О том же говорят и западноевропейские источники того времени, в особенности Иосафат Барбаро¹⁰, к сожалению, до сих пор еще не используемые в достаточной мере для освещения истории Дагестана. И Барбаро, и купец-аноним, кстати, дают конкретные сведения о походе Шейх-Хайдара через Дагестан в 1487 г., нанесшем «довольно большой убыток» в районе Дербента по словам купца-анонима. По свидетельствам восточных источников, он увел в Ардебиль около 6000 пленных¹¹, заплатившись за это, по сведениям того же купца-анонима, половиной своего отряда. В свете этих фактов становится понятной та активность, которую проявили табасаранцы в следующем 1488 г. в разгроме Шейх-Хайдара.

Что же касается отношения ширваншахов к походам первых Сефевидов, то они большей частью не оказывали последним активного противодействия (например, Халилуллах во время первого похода Шейх-Джунайда), а иногда даже содействовали им в достижении цели: так, Шейх-Хайдар во время своих походов 1483 и 1487 гг. по разрешению ширваншаха Фаррух-Ясара был беспрепятственно пропущен через Дербент на лежащую к северу от него территорию (неудивительно поэтому, что среди дагестанских сил, принимавших участие позже в антисефевидской борьбе в Ширване, кайтагцы были наиболее активны). И лишь когда возникала опасность усиления Сефевидов и появления в их лице

беспокойного и агрессивного соседа на южной границе Ширвана, ширваншахи начинали оказывать противодействие (выступление Халиллулаха против Шейх-Джунайда в 1460 г., участие войск Фаррух-Ясара в разгроме Шейх-Хайдара в 1488 г.).

Поскольку Дагестан наиболее часто подвергался набегам первых Сефевидов, видевших в нем то объект ограбления, то желанную «землю без сеньора», постольку дагестанцам приходилось оказывать им энергичное сопротивление.

Выше приводилось уже сообщение И. Мюнши об участии табасаранцев в разгроме Шейх-Джунайда. Что же касается участия дагестанских военных сил в разгроме Шейх-Хайдара, то кроме приведенных выше косвенных данных источников о недостаточности для этого сил Фаррух-Ясара и Сулайманбега, мы имеем: 1) свидетельство источников об успешной обороне Дербента против войск Шейх-Хайдара в 1488 г.¹² и 2) сообщение Зейнал-Абидина Али в «Такимилат аль-ахбар» о том, что в 1505 г., т. е. 17 лет спустя после гибели Шейх-Хайдара, его сын Шах Исмаил произвел опрос жителей Табасарана, желая найти среди них виновных в гибели его отца. Расследование было поручено одному из пяти самых высших сефевидских сановников-курчибаши Дедебеку Зулькада-ру: в результате следствия «была перебита группа притворщиков»¹³.

Итак, приведенные выше доводы недвусмысленно свидетельствуют о заметной роли в разгроме первых Сефевидов населения Дагестана, защищавшего при этом свои собственные интересы на своей земле.

Такой вывод косвенно подтверждается и последующими событиями: всякое антисефевидское движение в Ширване находило активную поддержку в Дагестане. Достаточно назвать некоторые факты:

– при неудачной попытке Шейхшаха восстановить в 1509 г. независимость Ширвана Дербент был единственной крепостью, оказавшей сопротивление кызылбашам¹⁴;

– в Дагестане находили себе укрытие такие крупные противники Сефевидов, как претендент на ширванский престол Музаффар, как Илькас-Мирза¹⁵;

– последний ширваншах Бурханэдин, борясь за независимость Ширвана, дважды находил убежище в Дагестане и дважды (в 1547 и 1548 гг.) возвращался в Ширван с войсками, состоящими из кайтагцев и других народов Дагестана¹⁶;

– в 1550 г. семья Бурханэдина надолго нашла себе укрытие в Даге-

стане, здесь же вырос его сын Абубекр-Мирза¹⁷ – один из предводителей антисефевидского движения 70-х гг. XVI в.; кстати, дагестанцы активно участвовали в этой последней попытке восстановления независимости Ширвана.

Все эти факты свидетельствуют не только о значительной роли Дагестана в борьбе с Сефевидами, но и о том, что идея восстановления былой независимости Ширвана была весьма популярна в Дагестане до самого конца XVI в., т. е. до тех пор, пока не была скомпрометирована турками.

По нашему мнению, ее популярность была обоснована следующими двумя обстоятельствами. С одной стороны, вхождение в состав Ширвана отвечало важным экономическим интересам населения Южного Дагестана, а политическая зависимость его от Ширвана не была особенно обременительной. С другой стороны, Сефевиды сразу выступили в Дагестане как предводители грабительских походов и карательных экспедиций; кроме того, Сефевидская империя складывалась как азербайджанское национальное государство на феодальной основе, причем с шиитской официальной идеологией – поэтому дагестанские земли в ее составе неизбежно заняли бы неполноправное положение.

Этими причинами можно объяснить длительную и упорную борьбу населения Дагестана против Сефевидов и активную поддержку с его стороны всех тенденций к восстановлению независимости Ширвана.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1970. – С. 95–99.

¹ *Erdmann F.* Iskender Munschî und sein Werk // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – 1861. Bd. 15. № 3. – P. 457–501.

² Рассказ о царствовании Шаха Исмаила I из «Такмилат аль-Ахбар» Зейнал-Абидина Али // *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1961. – С. 151–155.

³ *Dorn B.* Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache // Mémoires de l'Académie impériale des sciences. – 1840. Ser. 6. T. IV. – P. 581–601.

⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 176–183.

⁵ *Dorn B.* Op. cit. – P. 581.

⁶ Там же.

⁷ Минорский В. Ф. Указ. соч. – С. 182–183 («“Тарих-и Амини” преуменьшает роль ширванцев в этом предприятии»).

⁸ Эфендиев О. А. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1961. – С. 74.

⁹ Термином «Черкассия» в эту эпоху и у восточных, и у западных авторов обозначались территории от Дербента до Черного моря, севернее Главного Кавказского хребта.

¹⁰ Di messer Iosafa Barbaro, gentiluomo veneziano, il viaggio della Tana e nella Persia // Delle Navigazioni et viaggi, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De Givnti, 1559. – F. 109; Viaggio d'un mercante che fu nella Persia // Delle Navigazioni et viaggi, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De Givnti, 1559. – F. 86.

¹¹ Эфендиев О. А. Указ. соч. – С. 74.

¹² Erdmann F. Op. cit. – P. 16; Viaggio d'un mercante che fu nella Persia... – F. 86; о том же свидетельствуют позднейшие местные историки: Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926. – С. 75; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) / Перевод и прим. А. Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1929. – С. 32.

¹³ Рассказ о царствовании шаха Исмаила I... – С. 151.

¹⁴ Там же. – С. 155; Dorn B. Op. cit. – P. 27. О том же свидетельствует Дж. Анджолелло, см.: Breve narrazione della vita e fatti del signor Ussuncassano, fatta per Giovan Maria Angiolello // Delle Navigazioni et viaggi, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De Givnti, 1559. – F. 73.

¹⁵ Erdmann F. Op. cit. – P. 51–52.

¹⁶ Erdmann F. Op. cit. – P. 59–61; Dorn B. Op. cit. – P. 600.

¹⁷ Erdmann F. Op. cit. – P. 166–190; Dorn B. Op. cit. – P. 601.

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАГЕСТАНСКОГО ТИТУЛА «НУЦАЛЬ»*

О местной терминологии как своеобразном и ценном источнике по истории Дагестана уже говорилось в нашей историографии. Более того, кавказоведение имеет в этом смысле и положительный опыт, и основанные на нем оценки историко-лингвистического материала этого рода: «...необходимо не только выяснить происхождение того или иного термина, но гораздо важнее установить, когда и при каких обстоятельствах это слово проникло в местную среду, как и почему оно приобрело конкретный, присущий данной среде оттенок и смысл, как, почему и когда этот смысл изменился или же остался прежним. Без выяснения всех этих (для лингвиста, возможно, не всегда обязательных) моментов работа историка не дает необходимых результатов»¹.

Внимание историков, в частности, привлекают социально-политические термины дагестанского средневековья, своеобразные и не встречающиеся за пределами края. Однако далеко не все они получили убедительную историко-лингвистическую интерпретацию. Все касающиеся этой темы исследователи сходятся единственно в том, что сама локальность титулов феодальных владетелей может рассматриваться как одно из указаний на местный, спонтанный генезис феодальных отношений в Дагестане.

При этом уместно отметить, что местная историографическая традиция считала владетельный дом нуцалов – правителей Хунзахского княжества – наиболее исконной из дагестанских владетельных династий: «...все правители горных районов происходят из рода детей Хамзы и детей Аббаса, исключая только правителей Аварии»². О правителе Хунзаха накануне газийского нашествия там же сказано: «...по имени Сурака, по прозвищу нусал – это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя...»³. Итак, если принять датировку газийского нападения на Хунзах серединой XIII в.⁴, то к этому же времени сле-

дует отнести наиболее раннее указание (в ныне известных источниках) на этот титул – разумеется, появиться он мог и раньше.

Поскольку указание это дает источник нарративный, следует отметить и первое документальное упоминание титула «нуцал» (в «Завещании Андуника», 890/1485 г.): «... Это завещание эмира вилаята Авар, высокочтимого, великого, могучего, победоносного и удачливого в бою Андуник-нусала сыну своего брата Булач-нусалу...» и т. д.⁵

В источниках XVI–XVII вв. (прежде всего в документах и эпитафиях) титул этот встречается многократно. Приведем несколько примеров.

Акт 1067/1656–57 г. о продаже хараджа княгиней Шамай начинается так: «А далее Шамай, дочь покойного Амир-Хамза-нусала, за известную полученную в руки сумму денег продала с полным соблюдением положений шариата [некой] Нуцалай харадж...» и т. д. Завершается же текст такой датировкой: «Этот документ составлен во [время] правления Дугри-нусала в 1067 году...»⁶. Отпускная грамота середины XVII в. рабу Мухаммаду б. Хусейну начинается так: «Ай-Меседу, дочь Амир-Хамза-нусала, жена Али-Хана, освободила его раба Мухаммада...»⁷. Началом жалованной грамоты (середины XVII в.) Дугри-нусала Мухаммад-хану таково: «А далее Дугри-нусал твердо пообещал Мухаммад-хану, что джизья, лошади, оружие и другое, что он дал Мухаммад-хану, будет его собственностью...» и т. д.⁸

Ту же форму дают и эпитафии: «Обладатель этой могилы Дугри-нусал б. Умма-нусал – да простит Аллах их обоих!..» и т. д. (Хунзах, 1078/1667–68 г.)⁹.

Итак, передача в акте 1656–57 г. производного от титула «нуцал» женского имени (Нуцалай) через «ц» (оно обозначено арабской буквой «сад») указывает произношение этого слова, установившееся, очевидно, никак не позднее середины XVII в. (скорее даже ранее). Однако в письменной передаче – в документах (XV–XVII вв.) и в эпитафиях (XVII и даже XIX вв.) решительно преобладает форма нусал (долгие гласные у и а переданы соответственно через *вав* и *алиф*, а согласная между ними – через *син*) – по-видимому, это написание сложилось не позднее XV в. и стало традиционным.

Титул этот продолжал бытовать в живых языках Северо-Восточного Кавказа (прежде всего в дагестанских) с незначительными вариациями – приведем их подборку, данную в одной из работ Т. М. Айтберова и Г. М. Оразаева: «НУСАЛ (нуцал)». В аварском нуцал (женский род – нуцалай,

множественное число – нуцаби) «князь, государь»; даргинское Нуцал || Нуцал-хан – имя собственное, восходящее к аварскому титулу нуцал; лакское – Нуцал; кумыкское – Мусал || Муцал || Муцал-хан; чеченское – Муцул; лезгинское – Мурсал. Отметим, что в аварском князя также называют нуцияв (женский род – нуцияй)¹⁰.

Примечательно, что в аварском языке этот термин (нуцал, нуцияв) и его производные (нуцалчи)¹¹ означают не только членов хунзахского владетельного дома, но князей и представителей привилегированного сословия вообще – это следует из контекста аварских исторических песен XVIII–XX вв.:

(1) ... – РачІа, маГарулал, рекъел габизе –
Васал ракъиш нужой – къела нуцаби...

(– Давайте, горцы, теперь заключим мы мир,
Хотите, юношей – князей дадим...)¹².

Примечательно, что слова эти в песне исходят от Надир-шаха, имеющего в виду, конечно, заложников-иранцев.

(2) ... Я гьал ханзабазул хайир бегъичІо,
Цинги нуцабазул ияхІ бегъичІо...

(Ханы эти пользы не принесли
И нуцалы чести не проявили)¹³.

(3) ...Цо нуцалчиясда гьоболлЪиги бан,
Гьалбал гьарейилан тІаде рахъиндал....

(И к одному нуцалу вошедши в дом,
Кунака назначить попросили мы)¹⁴.

Так как речь здесь идет о визите Хаджи-Мурата в г. Нухе к одному из горожан, следует присоединиться к мнению А. А. Ахлакова, публиковавшего и переводившего все эти тексты: «Нуцал – ...здесь в смысле “дворянин”»¹⁵.

(4) ...Къандав чІон ватана хваяв Исубхан,
Бохса кІусун ратана гІасин нуцаби...

(Юсуфхан ненавистный у изголовья стоит,
Младшие нуцалы присели у ног)¹⁶.

По мнению А. А. Ахлакова, здесь речь может идти о членах ханской фамилии¹⁷.

В других же языках Дагестана термин «нуцал» во всех его вариантах, напротив, означает именно хунзахского владетеля (если только не употребляется как личное имя). Приведем несколько примеров.

1. Начало лакского варианта песни о Хочбаре («Батир Хучулав»):

Ца хавар буйкІун бур Ярттахъ нуцалдул
Гъунтти ахттакъунай хъатІуйн нану тІий.
ОьвтІий буйкІун бури Хунзахъ нуцалдул,
Гъававла, къагъавав, ттул хъунна бавай?..

(Пришло приглашение от Яртащинского нуцала
Завтра вечером на свадьбу явиться.
– Пришли звать меня от Хунзахского нуцала.
Идти или не идти, моя старая мать?)¹⁸

2. Хронограф Абд ал-Хайа Хурюгского (между 1788 и 1808 гг.) написан на арабском языке, но титул аварского хана дан по-лезгински: «Дата завоевания Шемахи Мурсал-ханом Аварским и бегство Фетх-Али-хана – 1187 (1773–74) год»¹⁹.

Выясняя происхождение титула «нуцал», следует, разумеется, учитывать и возможность его заимствования извне. Допущение такой возможности основывается не только на известном общеисторическом явлении весьма частого заимствования многими народами «владельческих» титулов у своих соседей или предшественников – примеры такого же рода дает и дагестанская историческая терминология. Не говоря уже о таких широко распространенных титулах, как амир, бек, султан, хан, порой оказываются заимствованы и титулы безусловно локальные и, казалось бы, сугубо исконные. Так, недавняя работа Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова дает весьма серьезное основание считать, что бесспорно дагестанский феодальный титул «чанка» имеет, в конечном счете, иноземное происхождение²⁰.

Однако поиски именованных, сходных с титулом «нуцал», в кругу традиционно привлекаемого материала (в арабских, персидских, тюркских письменных источниках) дают крайне мало: можно указать лишь на упоминание Рашид ад-Дина монгольского эмира по имени Нусал. Посланный был назначен Чормагуном в 30-х гг. XIII в. представителем от Бату (в числе четырех других) при монгольском наместнике Хорасана Чин-Тимуре²¹ – кстати, все четверо (в том числе и Нусал) поименно упомянуты академиком В. В. Бартольдом в его известной монографии²².

Разумеется, история знает немало фактов, когда личное имя исторического лица превращалось в титул, но едва ли в данном случае можно усматривать нечто подобное: 1) указанное монгольское имя ни разу не упомянуто в странах западнее Хорасана, 2) дагестанская историческая традиция отнюдь не связывает титул «нусал» с монгольским миром. В. В. Бартольд, проявивший интерес к дагестанским владельческим титулам и их этимологии²³, вообще не касается титула «нусал», хотя, бесспорно, хорошо знал его, будучи знаком с сочинением Г.-Э. Алкадари «Асари-Дагестан»²⁴ (а тем более не считал возможными какие-либо сопоставления с упомянутым выше именем монгольского администратора).

Обращаясь к разысканиям других историков в этом вопросе, можно заметить, что основоположники местной историографии А.-К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари, охотно рассматривающие происхождение дагестанских феодальных титулов, крайне лаконичны и осторожны с титулом «нуцал». Вот все, что пишет о нем Бакиханов: «В городе Танис (*т. е. Тануси. – А. К.*), древней столице Аварии (ныне деревня близ Хумзака) был могущественный и грозный эмир именем Сураке, обращенный из

мусульман в язычники и получивший титул Нусал» – и далее в сноске: «древние аварцы так называли своих владетелей»²⁵. Столь же лаконичен и Г.-Э. Алкадари: «...до того времени (*т. е. до исламизации – А. К.*) царствовавшие в Аварии лица, имевшие резиденцией своей Хунзах, а старший из них именовался прозвищем “нуцал”, были христиане»²⁶.

Единственная попытка самостоятельных изысканий в вопросе о происхождении титула «нуцал» принадлежит известному краеведу Б. Г. Малачиханову. Он приходит к выводу, что нусал – это форма множественного числа, к тому же арабизированная; исконной формой он считает нуци (нуси), чему находит параллели в топонимике (Тануси = Тпад Нуси, т. е. «Верхнее Нуси», рядом есть и Горгль Нуси, т. е. «Нижнее Нуси»)²⁷. Исследователь считает, что нуци или нуси есть не что иное, как еврейское *наси*, *носи* (старейшина, князь)²⁸, далее он объясняет это влиянием Хазарии и даже пытается установить наиболее вероятное время проникновения этого термина в Хунзах: «На основании всех имеющихся по данному вопросу сведений хронологическим пределом влияния хазар в Дагестане надо считать конец X в., в связи с чем надлежит признать, что IX и X столетия и составляют тот отрезок времени, на протяжении которого хазарский иудаизм перекинулся на Хунзахское плоскогорье и побудил владетеля Аварии воспринять вместе с верой Моисея также титул «Нуси»²⁹. Ту же мысль автор высказывает и в своей более поздней работе³⁰.

Исторические материалы, накопившиеся за 60 лет со времени публикации этой остроумной гипотезы, не дали пока бесспорных оснований для ее окончательной оценки. Работы Н. С. Джидалаева³¹ убедительно показали, что в горских языках Дагестана прослеживается довольно значительный след болгарского (хазарского) культурно-языкового влияния, причем условия для этого последнего сохранялись, по мнению исследователя, до IX–X вв.³² Тем более примечательно поэтому, что в этом пласте тюркских заимствований пока не указано никаких убедительных следов древнееврейского (тем более связанных с конкретным предметом нашей статьи – титулом хунзахского правителя). С другой стороны, археологические материалы пока не дают основания считать хазарское влияние на внутренние горные районы Дагестана широким и значительным.

Произведения арабской и персидской классической географии и историографии IX–X вв. (т. е. предлагаемого Б. Г. Малачихановым периода) и даже более позднего времени также не знают титула «нуцал», ограничиваясь арабским «сахиб ас-Сарир». Кстати, именно к указанному вре-

мени (рубеж IX–X вв.) относится сообщение Ибн-Рустэ: «Малик их (т. е. Сарира) называется Авар»³³. Особняком стоит неясное пока сообщение Абу-Райхана ал-Бируни о «царских прозвищах», которые «являются общими для целого разряда (царей), и данный царь разделяет их с другими царями, заступающими его место. Такие общие прозвища соответствуют титулу «шаханшах» у персов – и далее сообщается среди прочих и прозвище «царей Сарира» – «ал-Хадждадж»³⁴.

Более осторожные исследователи ограничиваются констатацией того, что нуцал – это «единственный титул феодального правителя в Дагестане, которому не приписывается арабское происхождение»³⁵.

Итак, обзор материалов, связанных с термином «нуцал», приводит к выводу, что главным препятствием для его эффективного исторического анализа (этимология, происхождение, время появления, первоначальное значение и последующие его изменения) остается нехватка источниковых данных. В таких условиях сохраняет свою полезность максимальное привлечение всех данных, прямо или косвенно (и даже предположительно) связанных с этим термином, даже если результаты анализа обнаружат, что для решения вопроса пригодна лишь часть привлеченных материалов.

Исходя из этого, мы хотим предложить еще одно возможное толкование термина «нуцал» и, соответственно, его происхождения. В грузинских средневековых источниках встречается термин «нацвал». Первое известное нам упоминание его дает грамота царицы Тамары Гелатскому монастырю (1193 г.)³⁶. В заключительной части грамоты отклоняются возможные в будущем претензии облеченных властью лиц на дарение царицы – при этом дается их перечень: «...Кто отныне увидит сие мое повеление и сиегели (т. е. грамоту): последующие в будущем цари, эриставы эриставов, эриставы, азнауры, отхмесдуры, нацвалы, аджаметские абрамады, старейшины лесничих, гогнийские цихиставы, хелисупалы, гонцы и все наши делопроизводители – великие и малые – утвердите».

Итак, «нацвалы» упомянуты вместе с «абрамадами» и «отхмесдурами» – их исследователь документа С. С. Какабадзе осторожно именуется «местными административными лицами», добавляя: «...Каково было значение этих терминов в XI в. – неясно»³⁷. Вся эта группа помещена в перечне ниже царей и аристократии, но выше средних и мелких служилых лиц³⁸.

Второе известное нам упоминание этого термина содержится в «Им-

мунитетной грамоте мцхетских католикосских владений» (1392 г.)³⁹ с аналогичной концовкой: «...Да не требуется ничего, не приписывается никогда и ни в какие времена – ни большая татарская улупа, ни мелкая постоянная приписная улупа, (в пользу) должностных (лиц), ни моуравов города, ни меликов, ни нацвалов, ни (в пользу) других посланцев нашего двора; (да не будут взиматься) ни таможенные (сборы), ни мали, ни саури, ни бурдюки, ни мешки, ни овцы, ни коровы, ни (повинности) моуравская и мясников, ни в пользу казны и базиеров, ни ахорсаларов, ни меремае...». Здесь «нацвалы» помещены ниже «моуравов города» и «меликов» (т. е. наследственных правителей областей) – за ними идут «посланцы двора» и мелкая придворная челядь (сокольничие, конюшие, табунщики). В комментарии к этому документу С. С. Какабадзе определяет «нацвала» как помощника «мамасахлиса»⁴⁰ (старейшина общины, подчиненный эриставу)⁴¹. В другом месте работы исследователь отмечает, что в XVII–XVIII вв. «“нацвалами” ...назывались должностные лица с полицейскими функциями на местах»⁴².

Итак, определенно прослеживается постепенная деградация должностного значения «нацвалов» с конца XII до XVIII в. Логически правомерно предположить более высокое значение этой должности в более ранний период (до конца XII в.) – оно должно быть более близким к этимологии этого термина, приводимой С. С. Какабадзе: нацвал – «заместитель» или «наместник»⁴³.

Исконные исторические связи Дагестана (в особенности Внутреннего) с Грузией общепризнаны – в исследовании нуждается лишь их периодизация, т. е. выявление хронологических периодов их усиления или ослабления вместе со спецификой этих процессов. В связи с этим интересно отметить сообщение грузинского летописного источника («Матиа-нэ Картлисай») о том, что во времена царя Арчила (вторая половина VIII в.) «...тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест правил эристав Абухуасро...», которого Арчил оставил в должности, а позже даже выдал женщину-вдову из рода Абухуасро замуж за одного из кахетинских питиахшей⁴⁴.

Мы сознаем, что достоверность этого сообщения нуждается в более убедительном обосновании. С другой стороны, неясно и происхождение самого Абухуасро, и соединение грузинского титула с негрузинским именем этого лица. Однако примечательно в данном случае само представление древнегрузинского летописца о возможности правления наместника-

эристава, подчиненного грузинскому царю, у северо-восточных горских народностей в столь раннее время.

Другой период усиления грузино-дагестанских связей прослеживается в X–XI вв., что подтверждается не только письменными сообщениями, но и внушительными археологическими объектами. Одно из таких сообщений содержит «История царства Грузинского» Вахушти Багратиони. Упомянув о смерти корикоза Давида в 1010 г. и переходе власти к его сыну Квирике Великому, Вахушти перечисляет наместников последнего и управляемые территории. Третий из этих наместников (Мачинский) получил «низовья Мачис-цкали и к востоку от Алазани вместе с Дидоэти, иже есть Заречье»⁴⁵. Историчность обоих этих безымянных лиц, как и реальность их власти на указанных землях, разумеется, также нуждается пока в дополнительных обоснованиях.

Третий период грузино-дагестанского сближения, судя по письменным и археологическим данным, относится к XII – первой половине XIII в.: здесь источники определенно указывают на то, что дело не ограничивалось одной лишь пропагандой христианства, но сопровождалось и распространением политического влияния Грузии к северо-востоку от Главного Кавказского хребта⁴⁶.

Таким образом становится допустимым как одно из возможных предположений, что в один из двух вышеуказанных периодов на фоне политического ослабления Сарира, начавшегося со второй половины XI в., его правители попали под влияние феодальной Грузии, получив соответствующий грузинский феодальный титул «нацвал», позже несколько видоизменившийся под влиянием аварского языка.

Примечания

* *Впервые опубликовано:* Социальная терминология в языках Дагестана. Сборник статей / Отв. ред. и сост. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1989. – С. 72–80.

¹ *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. (Опыт сравнительно-исторического исследования). – М.: Наука, 1980. – С. 54.

² *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника «Та'рих Дагестан» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник: 1972 / Ред. колл. Л. Н. Меньшиков и др. – М.: Наука, 1977. – С. 112.

- ³ Там же. – С. 104.
- ⁴ *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1969. – С. 202, 206; *Криштона А. Е.* Политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1981. – С. 10, 11.
- ⁵ *Айтберов Т. М.* Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. (Сборник статей и материалов) / Ред. колл. М.-Г. Садыки и др. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 83.
- ⁶ Там же. – С. 99.
- ⁷ Там же. – С. 100.
- ⁸ Там же. – С. 102.
- ⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – С. 165. См. также Ч. 2 этой работы, где дана эпитафия Сурхай-Хана (Хунзах, 1250/1834–5 г.) – более поздняя, но сохраняющая то же написание: Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1968. – С. 98.
- ¹⁰ *Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.* Тюркизмы в аварском языке XVII в. // Тюркско-дагестанские языковые контакты. (Сборник статей) / Отв. ред. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982. – С. 52.
- ¹¹ Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 362.
- ¹² Героические песни и баллады аварцев / Подготовка текста, перевод, предисл., коммент. А. А. Ахлакова. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1971. – С. 26, 187.
- ¹³ Там же. – С. 45, 205.
- ¹⁴ Там же. – С. 85, 234–235.
- ¹⁵ Там же. – С. 234. Прим. 34.
- ¹⁶ Там же. – С. 121, 261.
- ¹⁷ Там же. – С. 261. Прим. 1.
- ¹⁸ Лакские эпические песни / Подготовка текста, перевод, предисл., коммент. Х. Халилова. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1969. – С. 44, 146.
- ¹⁹ *Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А.* Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Ученые записки [Института истории, языка

- и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XI: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963. – С. 179.
- ²⁰ *Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М.* «Чанка» // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. (Сборник статей) / Сост. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1985. – С. 67–94.
- ²¹ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Перевод с перс. Ю. П. Верховского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 33. Следует, впрочем, отметить, что подобных созвучий с дагестанскими и северокавказскими топонимами и этнонимами при желании можно немало найти в иноземных источниках. У того же Рашид-ад-Дина среди личных имен монголов XIII в. встречаются неоднократно и Тарки, и Лекзи, и Черкес, и Харкасун. Сюда можно добавить, что термин «шамхал» есть и в персидском языке, но означает там кремневое ружье. Вряд ли в подобных сопоставлениях можно искать происхождение соответствующих кавказских терминов.
- ²² *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I / Подготовил к изд. И. П. Петрушевский. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 566. Прим. 4 (там же отметка В. В. Бартольда о том, что те же лица названы в сочинении Джувейни).
- ²³ *Бартольд В. В.* Дагестан // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии / Подготовлен к изд. О. Г. Большаковым. – М.: Наука, 1965. – С. 411–412.
- ²⁴ Там же. – С. 418.
- ²⁵ *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926. – С. 51, см. там же «Указатель собственных имен» – С. 194.
- ²⁶ *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) / Перевод и прим. А. Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1929. – С. 31.
- ²⁷ *Малачиханов Б. Г.* О прошлом Аварии. (К материалам по истории Нагорного Дагестана). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1928. – С. 13. К этому можно добавить еще название хутора Нусикулал в окрестностях Тануси (см.: Аварско-русский словарь... – С. 687).
- ²⁸ *Малачиханов Б. Г.* О прошлом Аварии... – С. 13–14.
- ²⁹ Там же. – С. 16.
- ³⁰ *Малачиханов Б. Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. (Материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки [Института истории,

- языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XIV: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964. – С. 179.
- ³¹ *Джидалаев Н. С.* Об одной неизвестной странице истории тюркско-дагестанских языковых контактов // *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980–81 гг. Тезисы докладов.* – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982. – С. 58–59; *Он же.* Заметки о двух древнебулгарских магических терминах // *Мифология народов Дагестана. (Сборник статей) / Сост. М. Р. Халидова.* – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1984. – С. 149–159.
- ³² *Джидалаев Н. С.* Тюркско-дагестанские языковые контакты // *Тюркско-дагестанские языковые контакты. (Сборник статей) / Отв. ред. Н. С. Джидалаев.* – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982. – С. 10.
- ³³ *Ибн Руста о Дагестане // Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 220; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 134.
- ³⁴ *Абу Рейхан Бируни.* Памятники минувших поколений // *Абу Рейхан Бируни.* Избранные произведения. Т. I / Под ред. Х. М. Абдуллаева и др. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – С. 112.
- ³⁵ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975. – С. 134.
- ³⁶ *Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР / Перевод и коммент. С. С. Какабадзе.* – М.: Наука, 1982. – С. 56–57.
- ³⁷ Там же. – С. 58. Прим. 5.
- ³⁸ Там же. – С. 57.
- ³⁹ Там же. – С. 101.
- ⁴⁰ Там же. – С. 260.
- ⁴¹ Там же. – С. 257.
- ⁴² Там же. – С. 58. Прим. 5.
- ⁴³ Там же. См. также с. 260.
- ⁴⁴ *Летопись Картли / Перевод, введ., прим. Г. В. Цулая.* – Тбилиси: Мацниереба, 1982. – С. 40–41.
- ⁴⁵ *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / Перевод, предисл., указ. Н. Т. Накашидзе. – Тбилиси: Мацниереба, 1976. – С. 128.

⁴⁶Посещение Ибн ал-Азраком Дербенда в 549/1154 году // *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 222–225; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Херсонисе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэти и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVI. – Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. – С. 95–96.

ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ: СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

Сама формулировка темы влечет вопрос: сколь продолжителен этот «канун», предшествовавший началу активных действий Российской империи по включению в свои пределы Северного Кавказа?

В 1556 г., овладев всем Волжским бассейном от истока до устья, выйдя к берегу Каспия и закрепив за собой Астрахань, Московская Русь оказалась на пороге иного культурно-исторического мира – Кавказского региона. Исторический момент был достаточно сложен: еще с 1512 г. две столь же крупные державы – Иранская и Османская – уже вели ожесточенную военную борьбу за Закавказье, не оставляя без внимания и Северный Кавказ. России предстояло так или иначе стать третьим участником этой борьбы: ведь закрепление в Предкавказье было необходимо для победы над Крымом и разрешения, таким образом, одной из трех главных задач внешней политики России, вставших перед ней после 1480 г. А выход к порогам Дарьяла и Дербентского дефиле – этих двух основных проходов сквозь Кавказскую преграду – сулил большие перспективы, и торговые, и политические... Итак, необходимо ознакомиться с этим «прологом» к событиям XVIII в. – он продолжался полтора столетия. Начать же целесообразно с минимально необходимого представления об особенностях субрегиона – природных и историко-культурных.

I

Кавказ – широкий горный перешеек между двумя морями – Каспийским и Черным, перегороженный (от Апшерона до Тамани) двухтысячекилометровой горной преградой Большого Кавказского хребта, делящего это пространство на два малых региона: Северный Кавказ и Закавказье. Более того: Большой Кавказ разделяет здесь два огромных исторических

мира – Переднюю Азию с ее древними очагами цивилизаций и Великую Степь с ее кочевыми культурами. Связь этих миров осуществлялась здесь в основном через два упоминавшихся уже древних транзитных прохода – Дарьяльский и Дербентский (роль десятков перевалов не следует преувеличивать – все они сезонные, функционирующие лишь по несколько месяцев в году). С другой стороны, в горной (южной и средней) части большого Кавказского региона нетрудно выявить меридиональную водораздельную линию – границу между Западным и Восточным Кавказом. Хотя и не жестко, но она также разделяет «сферы преобладания» влияний Средиземноморского культурного мира (с запада) и Евразийского (с северо-востока).

В интересующем нас малом северокавказском регионе ощутимо «облучение» (по выражению А. Тойнби¹), исходящее от всех этих четырех цивилизационных типов, но в разной мере – сказываются и внутренние субрегиональные различия, и геополитические особенности. Бесспорно преобладание степного и евразийского культурных влияний в Предкавказье и на Прикаспийской равнине, переднеазиатского влияния на Северо-Восточном Кавказе; менее выражены факторы «облучений» на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Отметим попутно, что в нынешней научной полемике о Кавказе как «цивилизации» либо как «межцивилизационном пространстве» между сопредельными *hartland*'ами оформившихся цивилизаций – пока что сильнее аргументы второй точки зрения.

Рассмотрим локальные особенности субрегионов Северного Кавказа.

Северо-Восточный Кавказ обычно понимается как пространство между Терекком, берегом Каспия и водоразделом Главного хребта от Казбека до юго-восточной его оконечности. Однако это пространство с очевидностью распадается на три локальные области: одна из них (к западу от Аргуна) весьма близка к Центральному Кавказу, другая (Терско-Сулакская равнина) – к Предкавказью. Третья же – Нагорье и предгорья Дагестана – наименее сходна с сопредельными землями и потому в наибольшей степени определяет локальное своеобразие северо-восточного субрегиона.

Первое из отличий Горного Дагестана – сухость его климата. Обычно подчеркивается сходство Внутреннего Дагестана с нагорьями Передней Азии – притом несравненно большее, чем с остальными субрегионами Кавказа. Это приводит к своего рода «сдвигу вверх» всех природных зон

в Дагестане: альпийские луга начинаются здесь на тех высотах, где там еще лед и снег и проч. Из-за этого вся среднегорная часть здесь оказывается открытой для постоянного заселения – ее сельскохозяйственное освоение падает еще на эпоху ранней бронзы. Издревле в среднегорье (1700–2500 м и выше) сосредоточивалась преобладающая часть населения Дагестана (положение стало меняться лишь полвека назад) – между тем в других субрегионах большая часть среднегорья относилась к землям сезонного пользования, а население в массе своей проживало в низкогорьях и предгорьях.

Второе отличие Горного Дагестана от остальных северокавказских земель – его особая геоморфология. Достаточно хотя бы глянуть на карту Дагестана: сердцевину его Нагорья занимает громадная суперкотловина, образуемая бассейнами четырех Койсу (около 9000 км²). Вся их вода изливается через единственный сток – Сулакский каньон. Ни Эльхотовская, ни Карачайская котловины не равняются с нею по своей замкнутости и изолированности. Еще важнее то, что здесь почти каждая речка средней величины (а в Дагестане более 50 рек длиной не менее 25 км) вырабатывает аналогичный, но небольшой бассейн – котловину, границы которой включают 2–3 природные зоны. А поскольку зональные различия всегда суть основа для первичного разделения труда, то в итоге почти каждая такая котловина с прилегающими к ней небольшими плато и горными долинами (три наиболее важных геоморфологических элемента) образуют самодостаточную экологическую нишу, в пределах которой сосуществуют, дополняя друг друга: земледелие – скотоводство – садоводство.

Итак, мы видим, как природные особенности страны определяют особенности жизни здесь человека. К чему приводит эта самодостаточность чередующихся экологических ниш и «зональная чересполосица», отличающие Горный Дагестан от протяженных «зональных массивов» обоих соседних субрегионов? Особенности его орографии обусловили специализацию хозяйственного развития не по вертикальным зонам, как в других областях Кавказа, а по естественно-историческим округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам².

Эта географическая особенность привела к сугубо историческим (историко-культурным) последствиям. С одной стороны, это делало возможным самодостаточное существование в пределах каждой такой экологической ниши на основе ее внутреннего межзонального обмена

– мера их изолированности при этом ощутимо выше, чем в обоих соседних субрегионах, где межзональный обмен охватывал протяженные зональные массивы.

Но, с другой стороны, те же четко очерченные пределы каждой такой ниши в Горном Дагестане закрывали ее обитателям все возможности для экстенсивного хозяйственного роста, в то время как на Северо-Западном Кавказе вплоть до XVIII в. еще бытуют подсеčno-огневое земледелие и перелог. Между тем к XVI в. в горах Северо-Восточного Кавказа налицо признаки «демографического перенаселения». Во-первых, с XV в. нарастает миграционная лавина из Внутреннего Дагестана – процесс этот охватил и весь XVI в. Во-вторых, в «Завещании Андуник-нуцала» (правителя Хунзахского ханства) 1485 г. приведено любопытное исчисление мобилизационного ресурса основной части Горного Дагестана (до Кокмадагского хребта и реки Гюльгерычай): 210 тысяч воинов! Даже при тотальной мобилизации (40 % от населения) это означало бы полумиллионное население Нагорья к концу XVI в.³ (для сравнения: Неверовский для времен Кавказской войны дает вдвое меньшую цифру⁴).

Как же эта масса людей могла поддерживать свое существование? Ведь Дагестан беден ресурсами: здесь нет ничего, подобного обширным черноземам Прикубанья, или Малой Кабарды, или богатым рудным выходам Центрального Кавказа и т. п. В здешних скудных котловинах аридного среднегорья оставалась единственная хозяйственная перспектива – предельная интенсификация.

Сильно ошибется тот, кто попытается механически распространить на Горный Дагестан схему А. А. Миллера об исконном межзональном разделении труда между скотоводческим нагорьем с одной стороны и земледельческими предгорьем и равниной – с другой, взаимосвязанными через обмен излишками и отгонное скотоводство. Видимо, на Центральном и Северо-Западном Кавказе это так⁵. Но на Северо-Восточном Кавказе эта схема приложима лишь к западной его части, а в Дагестане, может быть, к части Высокогорья (Цунтинский район и часть Цумадинского) с его давними связями с Алазанской долиной. В остальных его горных землях основой любого крестьянского хозяйства был именно пахотный надел – продуктивный же скот считался лишь весьма желательным дополнением. Фольклор – отражение народного сознания – также считает надел залогом выживания и основой жизни, а стадо – знаком зажиточности, богатства⁶.

В условиях нехватки удобных земель и перенаселенности горное земледелие с самого начала складывалось как интенсивное. Главным проявлением этого было террасирование. В Дагестане склоны множества горных долин и котловин покрыты ступенями террас от вершины до подошвы. Этот полностью рукотворный антропогенный ландшафт тянется на десятки километров. Нигде более на Кавказе нет подобного. Лишь более 10–15 % террас имеют каменные подпорные стенки, почва их наносная и целиком антропогенная; часто они так узки, что годятся лишь для ручной обработки по огородной технологии. Преобладающий же тип террас создается особыми приемами вспахивания за многие годы. Те и другие – результат индивидуального труда: в течение своей жизни один человек может создать лишь 3–4 террасных поля. Но за многие поколения в террасированных ландшафтах аккумулируются громадные объемы овеществленного труда – не даром аридные горы Дагестана называют «областью напряженного земледелия», которому Н. И. Вавилов дал такую оценку: «У нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане»⁷.

Скотоводство точно так же приобрело здесь интенсивно-рациональные формы. Отгон был лишь одной из них, притом далеко не ведущей в XVI–XVII вв. Письменные источники указывают и на стационарную, и на сезонно-хуторскую альпийскую формы скотоводства, и, что еще примечательнее, на весьма детальное, продуманное использование всех пастбищных ресурсов каждой общины⁸.

Скудость ресурсов и интенсивно-рациональный характер хозяйствования считают предпосылками необычайно высокого развития ремесел в Дагестане в XVI–XVII вв. Особенно в конце этого периода они по своему уровню, специализации и продуктивности не имели себе равных в регионе. Мы не видим здесь привычных форм так называемого «второго общественного разделения труда» – города в горах так и не возникли; однако к XVI–XVII вв. успели сформироваться многие специализированные и торгово-ремесленные центры, в особенности к концу периода.

Еще одной, третьей локальной особенностью Дагестана был, конечно, великий транзитный путь, проходящий по восточному его пределу –

Приморской равнине вдоль западного берега Каспия. Из всех проходов через Кавказскую преграду этот путь был наиболее удобен и надежен.

По этой же причине ни одно крупное иноземное нашествие, коснувшееся большого Кавказского региона, не миновало Восточного Закавказья. В Дагестане завоевателей манила не столько сама эта бедная ресурсами страна, сколько проходящий по приморской ее равнине трансконтинентальный стратегический путь и возможность овладеть здесь самым контролируемым его участком.

К счастью, уже первая горная складка, тянувшаяся по восточному «обводу» Нагорья, давала опору для первой линии обороны основного, горного ядра Дагестана – военное проникновение в глубь его, как правило, быстро слабело и выдыхалось. То же самое можно сказать и о политическом контроле и влиянии доминирующих в регионе держав – в Дагестане и то, и другое проявлялось гораздо слабее, нежели в сопредельной южной части Восточного Кавказа. По той же причине Дагестан так и не стал, подобно Восточному Закавказью, интегрированной частью переднеазиатской экономической сферы и «иранского культурного мира».

Но, с другой стороны, «облучение» переднеазиатской цивилизации проявилось в Дагестане гораздо сильнее, чем в остальных субрегионах Северного Кавказа; степное и евразийское влияние улавливается на Терско-Сулакской равнине и в северных предгорьях, но зато средиземноморское в период XVI–XVII вв. не прослеживается здесь вовсе.

Дербентский путь всегда, во все эпохи истории Северо-Восточного Кавказа, был важным фактором переднеазиатского цивилизационного влияния. Наиболее очевидные проявления его в Дагестане – сфера ремесленного производства и духовная книжная культура. Продукция дагестанских ремесел, особенно связанных с заказом и сбытом, в той или иной мере отмечена переднеазиатскими чертами – от технологии до декора – при столь же явной дагестанской основе. Это дало основание Е. М. Шиллингу выделять два «слоя» в дагестанском традиционном искусстве: автохтонный и переднеазиатский. Добавим к этому, что малоземелье наряду с рационализацией хозяйства из-за скудости ресурсов неспособны сами по себе породить мощное ремесленное производство, первенствующее в регионе и по своему объему, и по техническому и художественному уровню, и по удельному весу в хозяйстве, – постоянное влияние великого торгового пути из Передней Азии должно тут быть очень значительно.

Что же касается духовной культуры Дагестана, то здесь концепция Шиллинга еще более основательна: в известном смысле весь книжный (то есть верхний и поздний) слой здешней культуры есть следствие воздействия исламской переднеазиатской цивилизации, в чем немалую роль сыграл транзитный путь приморской равнины. В XVI–XVII вв. арабоязычная письменная культура Дагестана переживает так называемый «мусульманский Ренессанс» – быстрый и мощный духовный подъем, совершающийся на основе классического арабского языка и классических книжных форм времен Халифата, вышедших к тому времени из употребления в самих арабских странах. Конечно, это «вторичная», отраженная культура – Дагестан выступает как одна из периферийных провинций переднеазиатского исламского «культурного мира». Но все же об уровне этой культуры здесь можно судить хотя бы по тому, что один из алимов XVII в. Мухаммад ибн Муса из с. Кудутль, многосторонний ученый, оставивший след и в физике, и в прикладной астрономии, на склоне лет преподавал арабский язык в Алеппо в Сирии, где и умер, то есть преподавал арабам их же язык на их же родине. Следовательно, ученые дагестанцы по крайней мере не уступали по своему уровню ученым «культурной метрополии» – арабам. Но для суждения о влиянии исламской культуры более показательна степень ее проникновения в народ. Если взять всю ученную на Северном Кавказе мусульманскую эпиграфику XVI–XVII вв.⁹, то окажется, что лишь 8 % ее относится к пространству от Андийского хребта до Черного моря. Итак, 96 % введенной в научный оборот эпиграфики Северного Кавказа XVI–XVII вв. относятся к Горному Дагестану.

Конечно, из сравнительно большей исламизации Дагестана – в сравнении с остальными субрегионами – еще не следует, что он уравнился в культурно-религиозном отношении со странами коренного ислама – османский путешественник Э. Челеби, побывавший в Дагестане в XVII в., считает религиозность горцев поверхностной. Они, конечно же, считались мусульманами, но до настоящей веры (имана) было еще далеко¹⁰.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что эти глубоко своеобразные черты исторического развития Дагестана сформированы факторами географическими (сухость климата, особенности геоморфологии, великий транзитный путь). Следовательно, действие их было долговременно и постоянно, проявляясь и в XVI–XVII вв. Все эти особенности отразились и в московско-северокавказских взаимоотношениях.

II

Выйдя в середине XVI в. к пределам Кавказского региона, московские государевы люди обнаружили здесь общество со своеобразным социально-политическим устройством. Как они восприняли его? Они сообщают об обширной горной стране, состоящей из отдельных «горских землиц», населенных «горскими людьми», которые явственно отличимы от татар, ногайцев, а затем и калмыков. Наряду с их «деревнями», иногда и отдельно стоящими дворами и даже «крепями» (укреплениями) названы «кабаки» (возможно, от перс. кабок – «гнездо», это какой-то тип подвижных поселений). Исчисление местных «ратных людей» дается обычно по «землицам».

Это общество делится на иерархические группы. Возглавляют его «владельцы» – они «сидят на княженье» в своих «землицах». Обычно это «большой князь» и его «меньшая братия» – к ней по рангу близки мурзы. Большие князья самостоятельны, нередко «промеж собой бранятца», но и в ходе этих «междоусобных ратей» создают коалиции – выступают «в одиначестве». Они независимы друг от друга, хотя нередко по собственному выбору «голдуют» (принимают вассалитет) «кызылбашскому царю» (шаху) или крымскому хану, либо «шертуют» (приносят личную присягу) московскому царю.

За этой группой следуют уздени. Все они «несут службы» владельцам своих «землиц», иногда это «службы дальние, отъезжие». При этом сами уздени делятся на «дворовых» и «задворных» – к этим последним относятся «лучшие», иногда и «средние»; дворовых же иногда именуют «простыми». «Лучшие» наряду с мурзами и княжеской «меньшей братьей» участвуют в совещаниях «владельцев», могут владеть «кабаками» и «людьми», «дворовые» же приравниваются к «служилым» невысоких рангов.

За ними следует «подвластный подлый народ» – он, впрочем, тоже неоднороден. Прежде всего это «люди рядовые, неименитые», они же, видимо, «черные люди» – подчинены «владельцам», платят им «дань» либо «оброки». К ним близки «ясачные люди» или «ясашные мужики», платящие натуральный ясак. Все они составляют основное население кабаков и деревень. У них есть свои старшины, участвующие даже в княжеских съездах, где они составляют свои «круги» и как-то влияют на решения. Зависимость «рядовых и неименитых» от владельцев отнюдь не личная – так, шамхал говорит о своих «черных людях»: «У нас люди

вольные – сегодня меня слушают, а завтра к другому пойдут». Скорее всего, их зависимость ближе к поземельной.

По-видимому, еще ниже стоят «пашенные (пахотные) люди» и «деловые люди» (делающие «изделье»). Это, видимо, барщинные крестьяне. К ним близки «дворовые люди».

Ниже всех, вне общества, стоят ясыри (рабы-пленные) и «холопы»¹¹.

Итак, писавшие это московские служилые люди сумели подметить какие-то существенные черты горского общества – но прежде всего те, которые сколько-нибудь соотносятся с привычной для писавших действительностью Московского государства и сопредельных «татарских» (послеордынских) обществ. Само преобладание «московской» терминологии указывает на это – в крайних случаях ее дополняют тюркские термины. Сложнее обстоит дело, если описывается что-то, не имеющее соответствий в социальном опыте пишущего. Тогда в тексте появляются местные термины «козлары и дужнюки» (т. е. дыжиниго кабардинцев) – ступени в иерархии «луччих узденей»; шевкал, усмей, масум (даже максут) – титулы владетельных домов Дагестана. И совсем уже расплывчаты и скудны описания, когда дело доходит до местных общественных отношений и норм: «горские люди» живут «как у них ведется», «по черкасскому обычаю», «кровь за кровь мстят» или: «того в обычаях не ведется, чтоб узденям мурз побивать» и т. п.¹²

Понятийно-терминологическая система, сформированная иной социальной средой, неизбежно отражает реальность горского общества неточно и неполно. Важно другое: русские источники показывают прежде всего, как видели и понимали горское общество московские государевы люди XVI–XVII вв. и в каких моментах оно было соотносимо с русским обществом тех времен.

Для того, чтобы получить более адекватное представление о тогдешнем горском обществе, надо обратиться к местным источникам. Самые ценные и достоверные сведения о нем дают акты письменные источники, особенно памятники местного адатного законодательства. К сожалению, однако, письменное освещение общественной жизни горцев XVI–XVII вв. далеко не равномерно в разных субрегионах Северного Кавказа, поэтому исследователи привлекают самые разнообразные источники, но чаще всего ретроспективно используются этнографические и фольклорные материалы.

Наиболее изучены дагестанские адатные сборники XVII в. Четыре из

них относятся к землям южнее Аварского Койсу (Андалал, Рис-Ор, Гидатль, Келеб), один – к бассейну р. Уллучай (Кайтаг-Дарго)¹³.

Но для лучшего понимания их смысла необходимо принять во внимание историческую обстановку на Северо-Восточном Кавказе накануне интересующего нас периода (XVI–XVII вв.). С его началом совпало завершение в Дагестане двух продолжительных, глубоких исторических процессов:

– смена прежнего типа расселения. Начиная с XI–XII вв. тысячи мелких аграрных поселков, густо усеивавших Нагорье, постепенно сселялись в более крупные (но не столь многочисленные) селения. К концу XV в. этот процесс завершился (типологически он подобен синойкизму в архаической Греции);

– исламизация. Процесс распространения ислама на Северо-Восточном Кавказе начался с Восточного Дагестана не позднее VIII в. и завершился здесь лишь к рубежу XV–XVI вв. (в северо-западной части субрегиона процесс этот местами затянулся до начала XIX в.).

Совпадение обоих этих значительных явлений, случившееся в одну и ту же историческую эпоху накануне присоединения к Российской империи, приводит к тому, что в XVI–XVII вв. Дагестан и в целом Северо-Восточный Кавказ резко меняют свое «историческое лицо». Единая религия (наряду с исчезновением прежнего разномыслия) завершила интеграцию субрегиона в его исторических границах, стала мощным фактором единства его столь разнообразных этносов; одновременный повсеместный переход к новому типу расселения (крупные села) привел к однородности политической структуры по всей территории Дагестана.

Обновленное горское общество вступило в период XVI–XVII вв., где мы наблюдаем другие два глубоких процесса: мощную миграцию из Нагорного Дагестана в предгорья и так называемую феодализацию.

III

Села, сложившиеся в итоге четырехвекового процесса укрупнения, были не чем иным, как соседскими сельскими общинами. Вокруг почти любого горного села попадаются остатки прежних мелких древних поселений (от 3 до 12 примерно). Местные предания утверждают, что их-то жители в давние времена и объединились в нынешнее село, соединив при этом и свои земли. Массовый подъемный материал с этих развалин обычно доходит до XI–XV вв.¹⁴

Так складывалось довольно крупное поселение, жители которого были не обязательно родственниками, но в большинстве случаев соседями и совладельцами объединенных земель (как в любой соседской общине). Здесь, однако, следует отметить особенности такой общины в Дагестане.

Любая соседская община отличается от прежней кровнородственной общины тем, что теперь часть земель переходит в индивидуальную или групповую собственность общинников – остальная же земля остается, конечно, в их совместном пользовании и владении. По соотношению частной и коллективной форм собственности внутри соседских общин принято (в отечественной историографии) делить их на три категории: восточную (или древнеземледельческую), античную и германскую (или марку) – названия эти условны и не связаны жестко с их локализацией. Если для восточной присуще преобладание коллективного принципа собственности и явное подчинение ему частного землепользования, а для марки, напротив, преобладание частной формы собственности и «дополняющая» роль коллективных угодий общины, то для античной общины характерно своего рода равновесие между частными и общинными правами и интересами, а заодно и противоборство между ними. Ведь любой клочок индивидуальной или групповой земли когда-то до его отчуждения – давно или недавно – был полной собственностью общины: таким образом, увеличение достояния одной формы неизбежно связано с равным уменьшением другой. Но это не ведет ни к расхищениям, ни к конфискациям. Не столь уж редки факты «вторичных» владений общины, то есть возврата частных земель в общинный фонд (наиболее ранняя письменная фиксация такого акта – 1401 г.). Установилось состояние своеобразной амбивалентной взаимообусловленности – взаимозависимости этих двух противоположных принципов, подвижное динамическое равновесие, столь характерное для любых жизненных процессов.

Название такой общины в дагестанских языках совпадает со словом «селение» и потому звучит по-разному. Однако, в общепринятом письменном языке, каковым стал в Дагестане арабский, она именуется либо карйа, либо (если подчеркивает ее общественно-правовую сторону) – джамаат. Это слово стало общепринятым в нашей науке термином для обозначения дагестанской соседской общины.

В джамаате можно выделить три исконных формы землепользования: во-первых, индивидуальную подворную (семейную) – к ней всегда

относятся пахотные участки и сады, нередко сенокосы, редко – лесные участки и лишь в единичных случаях – небольшие пастбища (зимние пригревы); во-вторых, общинные земли надельно-сезонного пользования – это в основном общинные сенокосы, ежесезонно разделяемые по числу хозяйств, в следующем году обычно происходил передел (в иных общинах, впрочем, практиковалось постоянное разделение сенокосов между патронимиями общины – тухумами – с последующим временно-надельным использованием уже внутри каждого из них); по этому же принципу, но реже, использовались иногда лесные делянки и лишь в особых случаях – пашни (если пашенный массив только что освоен джамаатом, либо только что захвачен им, либо арендуется у соседней общины); в-третьих, общинные земли совместного пользования – это в основном пастбища, иногда леса.

Поскольку любая собственность есть прежде всего форма присвоения, то можно, конечно, говорить о соответствующих формах собственности. Однако здесь не следует впадать в распространенную ошибку, понимая эти формы в предельно развитом виде, которых они достигают лишь в буржуазном западном обществе: там если объект отнесен к индивидуальной частной собственности, то тем самым он не является ни корпоративной, ни государственной, ни иной. То же самое можно сказать и о любой другой ее форме. Иначе дело обстоит в иных, незападных цивилизациях (да и в самой западной в более ранние ее эпохи): тут собственность часто иерархична – на один и тот же объект могут распространяться одновременно права собственности нескольких различных субъектов, но в разных объемах и на разных уровнях.

Индивидуальная собственность общинника-домохозяина в джамаате обладает всем набором признаков полной частной собственности: наличие его правомочия пользования, владения, распоряжения, его право на отчуждение (продажу, дарение, завещание) объекта собственности. Но вместе с тем все эти права сопрягаются или ограничиваются правами субъектов более высоких уровней.

Так, прежде чем продать участок своей земли, хозяин обязан был (в большинстве горских джамаатов) прежде предложить каждому из домохозяев своего тухума купить этот участок и, лишь получив отказ ото всех, мог продавать его чужеродцу – но обязательно односельчанину. Обычное право (адат), как правило, не содержит прямого запрета на продажу земли (и недвижимости) чужесельцам – это выглядело бы как ограничение

воли и прав собственника. Но зато оно устанавливает за это такой штраф, который многократно превышает стоимость объекта, лишая такую продажу всякого смысла.

Итак, акт отчуждения частной земли тут же «выявляет» поземельные права субъектов более высокого уровня – тухума, а далее джамаата. Более того: джамаат, устанавливая обязательные для всех собственников сроки начала и окончания полевых работ, сурово наказывает любого нарушителя за самовольные действия на его же собственной земле. А по окончании полевого сезона и до начала следующего (то есть с октября по март включительно – по 6 месяцев ежегодно) все частные пашни обращались в джамаатское пастбище – и ни одному хозяину и в голову не приходило воспрепятствовать доступу на них скота общины, основываясь на своем праве собственника. И, наконец, в обычном праве многих (но не всех) джамаатов предусмотрен за некоторые серьезные деликты «штраф землей»¹⁵ – то есть отчуждение в общинный фонд участка определенной величины из пахотной собственности виновного. С другой стороны, в полевой сезон джамаат организует охрану посевов общинников.

Итак, ограничены ли этими правами тухума, а особенно джамаата, права индивидуального собственника? Безусловно да. Но теряет ли его собственность от этого свой частный характер? Безусловно нет: ведь при этом сохранены все правомочия, присущие полной частной собственности. Уместно привести такую параллель: в большинстве стран современного мира сфера частной недвижимости изобилует разнообразными ограничениями со стороны государства, вплоть до ограничений в ее приобретении иностранцами, – однако, никто не сомневается при этом в ее частном характере, не считает ее огосударственной и т. п. Одним словом, ограничение правомочий – это не отмена их, оно не меняет характера собственности; и, ограниченная верховными правилами тухума и джамаата, она остается частной. Поэтому с полным правом эта индивидуальная частная собственность горца-общинника подходит под понятие мульк (отметим попутно, что этот шариатский термин имеет в виду полноту правомочий, а вовсе не субъекта-индивидуала с неограниченными правами: в источниках сколько угодно указаний на «мульт джамаата», «мульт мечети» и т. д.). Кстати, наиболее ранняя купчая на землю общинника, известная ныне, относится к 1347–1348 гг. (Табасаран)¹⁶.

Такая же «иерархия прав» просматривается и на джамаатских землях надельно-сезонного пользования. В пределах определенного джамаатом

срока каждый полноправный домохозяин получал исключительное право пользования выделенным сенокосным участком. Если даже он вообще не имел скота, за ним оставалось право предоставить этот сенокос за плату любому жителю села либо продать сено – одним словом, реализовать свое неотъемлемое право. Но и при этом все правомочия владения и распоряжения оставались за джамаатом. Еще одна категория землепользования – пастбища. Само их назначение исключает какие-либо формы, кроме совместного коллективного пользования. Доля любого общинника выражалась здесь в простом праве допуска его скота на ту часть общинной территории, которую на данный срок определил под выпас джамаат (существовал детально продуманный, эмпирически проверенный «график» наиболее рационального, поочередного использования всех пастбищных ресурсов общинной территории).

Итак, строго говоря, джамаат был верховным собственником всей земли в своих границах. Но объем его прав на разные категории угодий был различным. Пашни, а нередко и сенокосы, находившиеся в подворном землепользовании, были в частной собственности домохозяев (с вышеотмеченными ограничениями владения и распоряжения), но при этом почти полгода, за пределами сельхозсезона, они были в безраздельном пользовании джамаата, который обязан был не нарушать прав собственности никого из общинников; она относилась к категории мульков. На угодья в надельно-сезонном пользовании, и в особенности на пастбища, джамаат имеет гораздо больший объем прав, поэтому они относятся к категории харимов.

Легко заметить, что харимы по своей площади многократно превосходят мульки. Зато мульки (пашни, сады, лучшие сенокосы) гораздо продуктивнее харимов, хотя и требуют больших затрат интенсивного индивидуального труда.

В ходе исламизации появилась еще одна форма собственности – вакф, то есть имущество мечетей и других религиозных учреждений. Исторически это бывшая частная собственность, пожертвованная ее владельцами и представленная, таким образом, теми же видами угодий.

В Дагестане существовало два вида вакфа:

– собственник участка земли определял урожай с него (или часть его) в ежегодный бессрочный взнос мечети. При этом сам вакфный участок вместе с остающимся доходом с него был во владении жертвователя, он переходил к его наследникам с условием принятия ими вакфного обяза-

тельства; на этом же условии он мог быть и продан: как видим, при таком варианте мечеть не становится оперативным владельцем и распорядителем объекта, она приобретает бессрочное право на долю дохода с него, а жертвователю – владелец, сохраняя правомочия собственника или передавая их при отчуждении, вместе с ними передает и обязательства обеспечивать мечети эту долю. В некотором смысле это можно рассматривать как добровольный бессрочный оброк. Кроме благочестия, причиной его могло быть стремление гарантировать сохранение за жертвователем его земельной собственности (хотя бы и с неполным доходом) от угрозы насильственного изъятия;

– в собственность мечети передается сама земля – дальнейшее уже не касается жертвователя, способы ее использования становятся заботой настоятеля мечети, будуна, кади и т. п. Этот вакф не подлежит продаже. Следовательно, способом извлечения дохода может быть аренда на условиях владельцев. Однако письменные источники свидетельствуют, что горные джамааты, как верховные распорядители всех земель в своих границах, брали такие вакфы под контроль. В условиях горного малоземелья приработок был желанным для многих: джамаат брал на себя отбор арендаторов, их очередь, контроль за ее соблюдением и обоюдным выполнением обязательств. Это была своего рода опека джамаата над вакфом – мечети гарантировался твердый и постоянный доход, но от оперативного руководства этой собственностью она фактически отстранялась, верх брали общинные традиции.

Еще об одном виде собственности – тухумной – у исследователей единого мнения нет. Источники XVI–XVII вв. прямых свидетельств о ней не дают, однако она вполне может входить в общую категорию мульк (тем более, что о солидарной имущественной ответственности тухума адаты XVII в. упоминают). Обычному в подобных случаях ретроспективному использованию этнографических материалов мешает их неоднозначность. С одной стороны, есть достаточно фактов компактного расположения тухумных участков в пахотных и сенокосных массивах, тухумных сезонных хуторов, тухумных участков на кладбищах; есть явные следы былых тухумных кварталов. Несомненны поземельные и имущественные права тухумов; до XX в. прослежены неразделенная тухумная собственность (мельницы, сады и т. п.), завещания выморочных земель тухумам, реже – тухумная собственность на участки земли. Допустимо предполагать, что все это следы более выраженной в прошлом

собственности тухумов; параллельно этому может быть и корпоративная собственность феодальных домов, нормируемая особыми «бекскими адатами» (до рубежа XIX–XX вв.)¹⁷. Однако противники такого допущения указывают на редкость и вторичность этих явлений, видят в них «долевою собственностью», «имущество неразделенных семей», либо признают сговорками¹⁸.

IV

Тухум занимал важное место в структуре дагестанского общества. Это патронимическое объединение, имеющее здесь, однако, существенные отличия от патронимий Северного Кавказа (включая Чечню и Ингушетию). Во-первых, в отличие от патронимических объединений остального Северного Кавказа, выходящих далеко за пределы сельских общин и существующих самостоятельно от них, дагестанский тухум существует только как органическая часть – слагаемое джамаата. Во-вторых, в отличие от этих патронимий, строго экзогамных, дагестанскому тухуму присуща предпочтительная (хотя и не строгая) эндогамия. Все это заставляет отказаться от известных положений М. М. Ковалевского о тождестве дагестанского тухума с родом и о типологическом единстве джамаата с тухумом?¹⁹ Как раз напротив, они построены на противоположных принципах. В основе джамаата лежит соседство равных и совладение территорий, перспектива его развития – гражданское общество и государство, в то время как в основе тухума – противоположная схема кровного родства. В структуру джамаата тухумы входят как своего рода «коллективные субъекты», которые вне джамаата существовать не могут. Тем не менее дагестанские тухумы, восходящие к группам родственных семей, населявших прежде те мелкие поселки, из которых складывались джамааты, сами стали основными частицами их структуры, готовым «механизмом передачи» верховной воли джамаата каждому из его членов, механизмом реализации адатов, защиты своих членов, но одновременно – и правового принуждения их, и контроля над ними. Без образуемой тухумами структуры община была бы более аморфной. Обратим внимание на то, что жители села, не входившие в тухумы, всегда оказывались социально слабее, чем организованные в тухумы общинники.

К этому следует добавить, что название тухум (перс.) закрепилось в науке за этим патронимическим объединением. В живой речи ему соответствует масса синонимов и на местных языках (со значениями «дом»,

«потомство», «корень»), и заимствованных из восточных языков.

Уже в ходе укрупнения поселений и создания более крупных соседских сел – джамаатов начался параллельный процесс объединения их в союзы сельских общин. Наиболее старое письменное свидетельство о таком объединении – Курахская стела 1356 г. с подробным и последовательным перечислением его пограничных объектов²⁰.

Определенно просматриваются две причины объединения групп соседних джамаатов – военная и территориально-хозяйственная. С одной стороны, подобные объединения часто носят на местных языках название «войско» (аварск. бо, даргинск. хуреба и т. д.) – точно так же именуются они и в местных арабоязычных текстах (араб. джайш, аскар). С другой, обычно каждое такое объединение, кроме земель каждого из сельчан, имеет в своих пределах и неразделенные территории в совместном использовании (наподобие римского *ager publicus*). Управление ими складывается по-разному: либо создается коллегия равных, учитывающая интересы всех; либо джамаат-гегемон захватывает контроль над этим общим фондом, а допуск к нему остальных союзных сел соотносит с их лояльностью; либо то же самое делает группа ведущих сел союза, допуская остальных на условия лояльности селам-лидерам.

Оборона, соседство, совместно используемый массив – все это близко связано с географическим фактором, который действительно играет немаловажную роль в группировании и объединении в такие союзы. Ядром такого объединения чаще всего, но не всегда, становится котловина или долина с примыкающими ущельями, водоразделами и плато, образующими самодостаточную экологическую нишу с четкими границами в виде водоразделов, русел крупных рек и т. п. Недаром такие союзы джамаатов сопоставляют с так называемыми «номовыми государствами» Древнего Египта²¹.

В своем общественно-политическом устройстве такой союз джамаатов обычно копирует организацию и основные черты и нормы своих членов – сельских джамаатов. По сути, это тот же джамаат, но на более высоком уровне, с сельскими общинами в качестве структурных элементов (условно можно считать входившие в союз села «малыми джамаатами», а сам союз — «большим джамаатом»). Таких «больших джамаатов», сохранявших традиционную общинную структуру, к рубежу XVI–XVII вв. в пределах исторической территории Дагестана – вместе с засулакскими, джарскими и «шахдагскими» землями – насчитывалось 106. Если же до-

бавить к ним и те территории, которые не имели этой структуры либо утратили ее, то число их возрастет до 111; но сегодня территории девяти из них лежат за пределами Республики Дагестан. Следует учесть, что в начале периода эта цифра была меньше.

В отечественной литературе и историографии за этими союзами горских джамаатов с дореволюционного времени утвердилось условное название «вольные общества». В ходе своего формирования (XI–XV вв.) джамааты и их союзы становились основной структурной единицей дагестанского общества. По словам Р. М. Магомедова, «дагестанский горский джамаат – это главный ключ к истории Дагестана»²².

Действительно, с начала XVI в. можно совершенно определенно сказать, что эти единообразно устроенные территориально-общественные единицы стали основным «модулем» исторического процесса в Дагестане. Проявлениями структурных свойств этого «модуля» обусловлено и объясняется многое в истории Дагестана XV–XIX вв., в ее своеобразии.

В ходе истории из этих устойчивых «модулей» складывались в ответ на внешние и внутриадагестанские «исторические вызовы»²³ более сложные и подчас не столь устойчивые структуры – это политические образования, сводимые к двум типам. Либо это присоединение самоуправляемых вольных обществ (на разных условиях) к какому-либо феодальному владению, либо это объединение подобных вольных обществ в устойчивый союз – при этом весьма часто просматриваются уже знакомые нам факторы подобных джамаатских объединений: военный и территориально-хозяйственный. В итоге складывались два столь характерных для Дагестана традиционных типа государственности: княжество монархического типа или федерация вольных обществ республиканского типа.

Примечания

* *Впервые опубликовано*: Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 327–346.

¹ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. Сборник / Сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991. – С. 353–354.

² *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего Дагестана. – М.: Наука, 1982. – С. 147.

³ См. публикацию текста памятника с оригинальным историко-политическим

- комментарием А. Р. Шихсаидова в кн.: *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 1996. – С. 322–325.
- ⁴ *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в статистическом и топографическом отношении // Военный журнал. – 1847. № 5. – С. 20.
- ⁵ Модель Миллера совершенно «не работает» и в еще одном важнейшем субрегионе Северного Кавказа – Степном Предкавказье.
- ⁶ *Миллер А. А.* Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1932 года // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. № 1–2. – С. 47–51.
- ⁷ *Вавилов Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. – 1936. № 2. – С. 80.
- ⁸ См. детальное исследование скотоводства в системе традиционного горского хозяйства: *Османов М.-З. О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1990.
- ⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1968; Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3: Надписи X–XX вв. Новые находки / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1980.
- ¹⁰ «Люди тут как будто сторонники суннитов. Однако [на самом деле] они суннитами не являются. Все они мусульмане-единобожцы, исповедующие учение своих духовных наставников» (*Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. – М.: Наука, 1979. – С. 111).
- ¹¹ Подробнее об этом см.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 17–43, 110–127.
- ¹² Там же.
- ¹³ Факсимиле текстов и русские переводы правовых памятников дагестанского адата см. в кн.: *Гидатлинские адаты* / Пер. с араб. М.-С. Саидова; под ред. Х.-М. Хашаева. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1957; Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. – М.: Наука, 1965. – С. 62–70 (адаты Андалала); с. 71–92 (адаты Келеба); с. 261–276 (адаты Рис-Ор); Постановления Кайтагского уцмийа Рустем-хана, написанные в XII веке по Р.Х. и отданные на хранение кадию

магала Гапш // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – С. 80–88. Общую характеристику этих памятников и их места в общественном устройстве Дагестана см.: *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 152.

¹⁴ См.: *Абакаров А. И., Давудов О. М.* Археологическая карта Дагестана. – М.: Наука, 1993. – С. 108.

¹⁵ Памятники обычного права Дагестана... – С. 71 (Келеб).

¹⁶ *Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р.* Материалы // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Сборник / Отв. ред. и сост. Т. М. Айтберов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1986. – С. 112–117 (Акт о разделе имущества между наследниками Шакрака сына Ахмада (748 г. хиджры/1347–48 г. н. э.)).

¹⁷ Такие адаты могли регулировать самые разные стороны поземельного и общественного устройства джамаата. Например, у карачи-беев в равнинном Дагестане существовал обычай совладения хуторами-кутанами. См.: Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1968. – С. 200 и далее.

¹⁸ *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – М.: Наука, 1988. На с. 125 автор отказывает всем видам тухумной недвижимости в статусе «тухумной собственности», но на с. 76 и 113 вынужден согласиться с фактом существования тухумных земель.

¹⁹ *Ковалевский М. М.* Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. – 1888. Т. 29. Ч. 3. – С. 541.

²⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – С. 118, 196–199.

²¹ Термин принадлежит дагестанскому историку Т. М. Айтберову.

²² *Магомедов Р. М.* Единство народов – великое благо Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2001. – С. 24.

²³ *Тойнби А. Дж.* Указ. соч. – С. 106.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А. Е. КРИШТОПЫ*

1967

Древность – современность // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1967. № 33 (490). – С. 4. (Соввт. Р. М. Магомедов)

История, воплощенная в вещах // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1967. № 30 (487). – С. 4.

Некоторые сведения о средневековом Дагестане в записках западноевропейских путешественников // Юбилейная X итоговая научная конференция профессорско-преподавательского состава и аспирантов ДГУ: Программа, тезисы докладов. – Махачкала: [ДГУ], 1967. – С. 44–45.

1968

Арабы IX–X веков о Дагестане // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1968. № 16 (515). – С. 4.

История твоего селения // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1968. № 19 (518). – С. 4.

1969

Историко-этнографический музей//Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, профкома Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1969. № 24 (561). – С. 4.

* Составитель к.и.н. С. Б. Манышев.

1970

К вопросу об участии народов Дагестана в борьбе против первых Сефевидов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1970. – С. 95–99.

Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. I / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1970. – С. 110–123.

Семь чудес Акушинского района // Дагестанский университет: Орган ректората, партийного комитета, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1970. № 28 (602). – С. 4.

1971

Исторический музей ДГУ ждет новых экспонатов // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1971. № 18 (621). – С. 3. *(Соавт. Р. М. Магомедов)*

Памятник средневековья – в ДГУ // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1971. № 5 (608). – С. 3.

Ценные находки // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1971. № 20 (623). – С. 3.

1974

Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. IV / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1974. – С. 96–118.

Дагестанские древности // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1974. № 25 (703). – С. 4.

1975

Дагестанские древности // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1975. № 1 (712). – С. 4.

Дагестанские древности // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1975. № 15 (725). – С. 4.

Дагестанские древности // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1975. № 17 (727). – С. 4.

Дагестанские древности // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1975. № 21 (731). – С. 4.

1976

К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. VII / Отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: [ДГУ], 1976. – С. 149–183.

Разведки в Дагестане // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1976. – С. 135–136. *(Соавт. А. Р. Магомедов, Г. С. Федоров)*

1977

Археолог начинается с экспедиции // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. – 1977. № 6 (763). – С. 3.

Позднебронзовый могильник в приморском Дагестане // Археологические открытия 1976 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1977. – С. 109–110. *(Соавт. А. Р. Магомедов)*

1978

Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия Северо-Кавказского на-

учного центра высшей школы. Общественные науки. – 1978. № 3. – С. 9–16. (Соавт. Р. М. Магомедов)

Лопата – ключ к истории // Дагестанский университет: Орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, месткома и профкома Дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина. – 1978. № 29 (919). – С. 4.

1979

Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Б. Виноградов. – Грозный: [ЧИГУ], 1979. – С. 135–145.

К исторической географии Дагестана XIV в. // Тезисы докладов конференции, посвященной 20-летию организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. XII / Отв. ред. М. М. Эльдаров. – Махачкала: [ДФ АН СССР], 1979. – С. 92–93.

1980

Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Материалы по археологии Дагестана. № 9: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. (Тематический сборник) / Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 231–237.

Местные письменные источники о феодальной войне в Дагестане в начале XIV в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция 11–12 июня 1980 г. Тезисы докладов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980. – С. 36–37.

1981

Политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1981. – 19 с.

1982

Методические указания по истории СССР для студентов I курса. – Махачкала: [ДГУ], 1982. – 30 с. (Соавт. Р. М. Магомедов, Ф. З. Феодаева)

1984

Городок в пещере // Дагестанская правда: Орган обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Дагестанской АССР. – 1984. № 70 (18102). – С. 4. (Соавт. Х. Асланбеков, А. Р. Магомедов).

1985

Отв. ред. кн.: *Магомедов А. Р.* Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985. – 140 с.

1988

Татаро-монгольское нашествие и Северный Кавказ. Сопrotивление местных народов завоевателям (XIII–XIV вв.) // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – С. 188–222. (Соавт. З. В. Анчабадзе, Г. Х. Ичалов, Л. И. Лавров, Р. М. Магомедов, Э. В. Ртвеладзе, Х. А. Хизриев, И. М. Чеченов, А. Р. Шихсаидов)

1989

О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Сборник статей / Отв. ред. и сост. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1989. – С. 72–80.

1999

Христианство в истории средневекового Дагестана // Народы Дагестана: Республиканский общественно-политический журнал. – 1999. № 1. – С. 38–40.

2000

Записи на полях кризиса // Защита будущего: Кавказ в поисках мира / Под ред. Ф. Дуве, Х. Тальявини. – М.: Глагол, 2000. – С. 181–194.

Католицизм в Дагестане // История Церкви в России / Ред. Б. Чаплицкий. – СПб.: Высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов», 2000. – С. 101–107.

О теократии в Дагестане // Народы Дагестана: Республиканский общественно-политический журнал. – 2000. № 5. – С. 57–58.

2004

Науч. ред. кн.: *Тахнаева П. И.* Христианская культура средневековой Аварии (VII–XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории. – Махачкала: Эпоха, 2004. – 150 с.

2007

Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Таус, 2007. – 228 с.: ил.

Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика // Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 327–346.

2013

Католицизм в средневековом Дагестане (XIV–XV вв.) // Актуальные проблемы государственности народов Дагестана: Материалы Всероссийской научной конференции, 19 декабря 2012 г. (К 80-летию со дня рождения видного ученого-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РД Магомедова Мурада Гаджиевича) / Науч. ред. А. И. Омаров. – Махачкала: [ДГУ], 2013. – С. 36–45.

2019

Отв. ред. кн.: *Шумкин А. В.* Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках. (Проблемы этнической истории). – Челябинск: [ЧГИК], 2019. – 163 с.

2024

Избранные труды по истории Дагестана / Сост. и отв. ред. С. Б. Манышев. – Махачкала: ИЦ «Мастер», 2024. – 184 с.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные материалы

Гайдарбеков М. Хронологические выписки по истории Дагестана из арабских источников // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Ч. VII.

История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.

К истории Дагестана. Запись Инкачилау // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378.

Разъяснение обстоятельств сейидов селения Истал из прилегающих к Баб ал-Абваб Дербенду // РФ ИИЯЛ. По каталогу А-371.

Сказание об основании аула Аргвани // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. № 404.

Тарих Абу-Муслим // РФ ИИЯЛ. Инв. № 1651.

Опубликованные источники

Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений // *Абу Рейхан Бируни.* Избранные произведения. Т. I / Под ред. Х. М. Абдуллаева и др. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

Айтберов Т. М. Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // *Восточные источники по истории Дагестана.* (Сборник статей и материалов) / Ред. колл. М.-Г. Садыки и др. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1980.

Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р. Материалы // *Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья.* Сборник / Отв. ред. и сост. Т. М. Айтберов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1986.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) / Перевод и прим. А. Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1929.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Перевод с англ. Ю. В. Готье. – [Л.]: [б.и.], [1938].

Бакыханов А.-К. Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926.

Баладзори. Книга завоевания стран / Текст и перевод с араб. П.К. Жузе. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1927.

Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семенова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836.

Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод, предисл., указ. Н. Т. Накашидзе. – Тбилиси: Мацниереба, 1976.

Героические песни и баллады аварцев / Подготовка текста, перевод, предисл., коммент. А. А. Ахлакова. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1971.

Гидатлинские адаты / Перевод с араб. М.-С. Саидова; под ред. Х.-М. Хашаева. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1957.

Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР / Перевод и коммент. С. С. Какабадзе. – М.: Наука, 1982.

Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Херсонисе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэти и России // Сборник материа-

лов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVI. – Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899.

Ибн Руста о Дагестане // *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1968.

Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи / Вступ. П. У[слара] // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1871.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVIII. – Тифлис: Тип. Канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе и К. Козловского, 1908.

Лакские эпические песни / Подготовка текста, перевод, предисл., коммент. Х. Халилова. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1969.

Летопись Картли / Перевод, введ., прим. Г. В. Цулая. – Тбилиси: Мацниереба, 1982.

Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1869.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в статистическом и топографическом отношении // Военный журнал. – 1847. № 5.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. – М.: Наука, 1965.

Посещение Ибн ал-Азраком Дербенда в 549/1154 году // *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Постановления Кайтагского уцмья Рустем-хана, написанные в XII веке по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш // Сборник све-

дений о кавказских горах. Вып. I. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868.

[Происхождение уцмиев] // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868.

Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году / Перевод с итал. В. С[еменова] // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семенова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836.

Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Перевод с нем. и прим. Ф. Бруна. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1866.

Путешествие Иосафата Барбаро в Тану // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. I / Труды В. Семенова. – СПб.: Тип. III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1836.

Рассказ о царствовании Шаха Исмаила I из «Такмилат аль-Ахбар» Зейнал-Абидина Али // *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1961.

Рашид ад-Дин. Переписка / Перевод, введ., коммент. А. И. Филиной. – М.: Наука, 1971.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Перевод с перс. О. И. Смирновой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Перевод с перс. Ю. П. Верховского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Перевод с перс. А. К. Арендса. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечение из сочинений арабских / [Перевод] В. Тизенгаузена. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1884.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений / Собраны В. Г. Тизенгаузенем, обра-

ботаны А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. – Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898.

[Хроника Махмуда Хиналугского] // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868.

Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. – М.: Наука, 1979.

Шамхалы Тарковские. (Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1966.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1968.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3: Надписи X–XX вв. Новые находки / Издание текстов, перевод, коммент., ст., прил. Л. И. Лаврова. – М.: Наука, 1980.

Breve narrazione della vita e fatti del signor Ussuncassano, fatta per Giovan Maria Angioiello // Delle Navigazioni et viaggi, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De Givnti, 1559.

Di messer Iosafa Barbaro, gentiluomo veneziano, il viaggio della Tana e nella Persia // Delle Navigazioni et viaggi, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De Givnti, 1559.

Extracts from Abû 'l-Mahâsin ibn Taghrî Birdî's chronicle, entitled «Ḥawâdith ad-duhûr fi madâ 'l-'ayyâm washshuhûr». Part I (845–856 A. H.) /

Ed. by W. Popper // University of California publications in Semitic philology.
– 1930. Vol. 8. № 1.

Khanikoff N. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase //
Journal asiatique. – 1862. Ser. 5. T. 20.

Viaggio d'un mercante che fu nella Persia // Delle Navigazioni et viaggi,
raccolto già da M. Gio. Battista Ramusio. Vol. II. – Venetia: Nella stamperia De
Givnti, 1559.

Литература

Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. – М.: Наука, 1993.

Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – М.: Наука, 1988.

Айтберов Т. М., Иванов А. А., Казанбиев А. М. Новые эпиграфические памятники с территории Аварии // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. (Тезисы докладов). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1978.

Айтберов Т. М., Оразаев Г. М. Тюркизмы в аварском языке XVII в. // Тюркско-дагестанские языковые контакты. (Сборник статей) / Отв. ред. Н. С. Джигдалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982.

Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1956.

Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура 1395–1396 гг. через Дагестан // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XX: Серия общественных наук / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1970.

Асиятилов С. Х. Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XVII: Серия общественных наук / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1967.

Атаев Д. М. Нагорные средневековые могильники Аварии // Материалы по археологии Дагестана. Т. II / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1961.

Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963.

Ашурубейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку (VIII – начало XIX вв.). – Баку: Изд-во АН АзССР, 1964.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. – Баку: Изд-е Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926.

Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XI: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1963.

Бартольд В. В. [Рец.]: Б.Я. Владимирцов, Чингис-хан // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / Подготовили к изд. С. Г. Кляшторный. – М.: Наука, 1968.

Бартольд В. В. Абу Муслим // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VII: Работы по исторической географии и истории Ирана / Подготовили к изд. Е. В. Зеймаль, В. А. Лившиц. – М.: Наука, 1971.

Бартольд В. В. Дагестан // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии / Подготовлен к изд. О. Г. Большаковым. – М.: Наука, 1965.

Бартольд В. В. Дербент // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии / Подготовлен к изд. О. Г. Большаковым. – М.: Наука, 1965.

Бартольд В. В. История Туркестана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. К вопросу о происхождении Дербенд-наме // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению / Подготовил к изд. О. Ф. Акимускин. – М.: Наука, 1973.

Бартольд В. В. Краткий обзор истории Азербайджана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. Таджики. (Из «Энциклопедии ислама») // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Ра-

боты по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I / Подготовил к изд. И. П. Петрушевский. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке) // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению / Подготовил к изд. О. Ф. Акимовский. – М.: Наука, 1973.

Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // *Природа*. – 1936. № 2.

Виноградов В. Б. Через хребты веков. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970.

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. [Рец.:] Материалы по археологии Дагестана. Т. III. – Махачкала, 1973. – 133 с. Илл. // *Советская археология*. – 1976. № 1.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Гаджиев Б. И. Ворота в горы Дагестана. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1966.

Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 1996.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. 19–23 октября 1937 г. / Под ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Даутова Р. Тимур и вайнахи в 1395–1396 годах // Вторая Всесоюзная студенческая научная конференция по вопросам истории и филологии народов Кавказа, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. План работы и тезисы докладов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1969.

Джидалаев Н. С. Заметки о двух древнебулгарских магических терминах // Мифология народов Дагестана. (Сборник статей) / Сост. М. Р. Халидова. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1984.

Джидалаев Н. С. Об одной неизвестной странице истории тюркско-дагестанских языковых контактов // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980–81 гг. Тезисы докладов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982.

Джидалаев Н. С. Тюркско-дагестанские языковые контакты // Тюркско-дагестанские языковые контакты. (Сборник статей) / Отв. ред. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1982.

Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. «Чанка» // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. (Сборник статей) / Сост. Н. С. Джидалаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1985.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). – М.: Наука, 1966.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

История Дагестана. Т. I / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1967.

Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. (Досоветский период). Вып. II / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1975.

Кильчевская Э. Аварское ювелирное искусство // Искусство Дагестана: Сборник / Сост. Н.П. Воронкина. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1965.

Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. – 1888. Т. 29. Ч. 3.

Козубский Е. И. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура: «Рус-

ская тип.» В. М. Сорокина, 1906.

Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего Дагестана. – М.: Наука, 1982.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Кичев Г. П. Къыматаб хІалтІи // БагІараб байрахъ. – 1974. № 61.

Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В. К. Гарданов. – М.: Наука, 1969.

Магомедов М. Г. Остатки оборонительных стен у Андийских Ворот // Материалы по археологии Дагестана. Т. III / Отв. ред. Д. М. Атаев. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1973.

Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975.

Магомедов Р. М. Единство народов – великое благо Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2001.

Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1968.

Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX в. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1961.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957.

Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1977.

Малачиханов Б. Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. (Материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки [Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XIV: Серия историческая / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964.

Малачиханов Б. Г. О прошлом Аварии. (К материалам по истории На-

горного Дагестана). – Махачкала: Изд-е Дагестанского НИИ, 1928.

Миллер А. А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1932 года // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. № 1–2.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Нейматова М. Х. О некоторых эпиграфических памятниках Ширвана (XIV–XVI вв.) // Эпиграфика Востока: Сборник статей. Вып. XV / Под ред. В. А. Крачковской. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. (Опыт сравнительно-исторического исследования). – М.: Наука, 1980.

Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1990.

Очерки истории Дагестана. Т. I / Отв. ред. М. О. Косвен. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957.

Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1949.

Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1949.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1964.

Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1960.

Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В. Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976.

Семанов С. Н. Махновщина и ее крах // Вопросы истории. – 1966. № 9.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев). – СПб.: Тип. А. Хомского, 1895.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник / Сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991.

Халифа-Заде Ч. М., Аббасова С. М. Сидеритовые залежи Дагестана. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Хизриев Х. А. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Т. IX / С. А. Сангариев, А. Г. Попов. – Грозный: [б.и.], 1977.

Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура // Известия [Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы]. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1: Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. (Сборник аспирантских работ) / Отв. ред. А. Г. Попов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1974.

Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Т. IX / С. А. Сангариев, А. Г. Попов. – Грозный: [б.и.], 1977.

Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975.

Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Та'рих Дагестан» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник: 1972 / Ред. колл. Л. Н. Меньшиков и др. – М.: Наука, 1977.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). – Махачкала: [ИИЯЛ ДФ АН СССР], 1969.

Эфендиев О. А. Некоторые сведения о последних ширваншахах Дербендской династии (1500–1538 гг.) // Ближний и Средний Восток. Сборник статей / Под ред. А. И. Фалиной. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Эфендиев О. А. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1961.

Dorn B. Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenlandischen Quellen. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache // Memoires de l'Académie impériale des sciences. – 1840. Ser. 6. T. IV.

Erdmann F. Iskender Munschî und sein Werk // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – 1861. Bd. 15. № 3.

Richard J. Les missionnaires Latins chez les Kaitak du Daghestan (XIV^e – XV^e siècle) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960. Т. III: Заседания секций X, XI, XIII / Под ред. Б. Г. Гафурова. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Диссертации и авторефераты

Исламмагомедов А. И. Из истории материальной культуры аварцев. Поселения и жилища в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1965.

Криштона А. Е. Политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: [б.и.], 1981.

Чолокашвили К. К. К истории оружейного производства в Грузии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Тбилиси: [б.и.], 1961.

Справочные издания

Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. – М.: Советская энциклопедия, 1967.

Магомедов Р. М. Хронология истории Дагестана. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959.

Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е. И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1895.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН АзССР – Академия наук Азербайджанской Советской Социалистической Республики

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГО СССР – Географическое общество Союза Советских Социалистических Республик

ДГУ – Дагестанский государственный университет

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук

ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

НИИ – Научно-исследовательский институт

РФ ИИЯЛ – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы

ЧГИК – Челябинский государственный институт культуры

ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>В. О. Бобровников, С. Б. Маньшев, П. И. Тахнаева. Александр Емельянович Криштопа: кавказовед-медиевист</i>	<i>5</i>
Избранные труды	
К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане	19
Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу	58
Дагестан XIII–XIV веков по сообщениям восточных авторов	66
Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе	93
Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане	105
К вопросу об участии народов Дагестана в борьбе против первых Сефевидов	121
О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал»	127
Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика	140
Хронологический указатель основных опубликованных работ А. Е. Криштопы	160
Источники и литература	167
Список сокращений	181

Научное издание

Криштопа Александр Емельянович

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА**

Составитель и ответственный редактор

С. Б. Манышев

Издательский центр «Мастер»

(ИП Дидковская Н. В.)

367000, г. Махачкала, ул. Даниялова, 43

Тел. +7-909-48-28-752; (8722) 68-51-51

Подписано в печать __. __. 2024.

Формат 60x84/16

Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,7. Уч. изд. л. 9,05

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6051119-3-1



Отпечатано в типографии
Издательского центра «Мастер»
(ИП Дидковская Н. В.)
367000, г. Махачкала, ул. Даниялова, 43
Тел. +7-909-48-28-752; (8722) 68-51-51